

В КЛЕТКЕ ЕГО ГРЕХОВ

У каждой красавицы есть своё чудовище. Но далеко не каждое чудовище впускает её в свою клетку грехов

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

КЭТИ М. ДИ

18+

Кэти Ди

В клетке его грехов

«Автор»

2026

Ди К. М.

В клетке его грехов / К. М. Ди — «Автор», 2026

Десять лет назад Кирилл Северский исчез из моей жизни, оставив после себя лишь теплое детское прозвище «Карамель» и разбитые надежды маленькой девчонки. Но теперь он вернулся. И вместо доброго парня из соседнего двора, лучшего друга моего детства, в дом моего брата вошел холодный, безжалостный мужчина с опасным блеском в глазах и шрамами на теле. Я выросла и научилась защищаться от таких, как он. Но стоило мне случайно узнать его тайну, как моя жизнь изменилась навсегда. Я совершила глупость. Думала, что поймала его в ловушку, но в итоге сама оказалась заперта. В клетке его грехов, где у меня больше нет права на побег.

© Ди К. М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Незванный гость	8
Глава 2	16
Глава 3	21
По ту сторону льда	21
Глава 4	26
Нарушая границы	26
Глава 5	32
Порочный маршрут	32
Глава 6	37
Сладкий дефицит	37
Глава 7	45
Из плоти и стали	45
Глава 8	49
Замкнутый круг	49
Глава 9	54
Испытание на прочность	54
Глава 10	60
Шкаф с двойным дном	60
Глава 11	64
Наброски детских клятв	64
Глава 12	69
Черный омут	69
Глава 13	76
Осколки гордости	76
Глава 14	83
Счета за преданность	83
Глава 15	89
Осколки чужого мира	89
Глава 16	95
Охота на чудовище	95
Глава 17	101
Клетка на двоих	101
Конец ознакомительного фрагмента.	102

В клетке его грехов

Пролог

Говорят, что время лечит. Говорят, что детская память стирает самое страшное, защищая неокрепшую психику. Но это ложь. Я помню каждую деталь того дня, когда мой мир навсегда раскололся на «до» и «после».

Родители любили друг друга до безумия. Каждый год, в один и тот же осенний месяц, они оставляли нас с Матвеем дома и уезжали на неделю в маленький курортный городок у реки. Это был их нерушимый ритуал — побыть только вдвоем, сбежать от суеты и просто насладиться моментом. Тот дождливый октябрьский день не должен был стать исключением. Они возвращались домой, счастливые и отдохнувшие. Дорогу размыло, видимость была нулевой. Папа просто не справился с управлением на скользком шоссе... Машина пробила ограждение и слетела с высокого моста в ледяную воду. Шансов не было.

И вот я, маленькая восьмилетняя Каралина, стою посреди огромного, чужого и пугающего кладбища.

Погода будто издевалась, вторя моему горю. Небо затянуло тяжелыми, темными тучами, и на старые гранитные надгробия падал нескончаемый, мелкий и холодный дождь. Вокруг пахло сырой землей, увядшими цветами и хвоей. Я была одета в строгое черное платье, которое бабушка купила накануне. Оно кололо кожу, но мне было плевать. Из глаз бесконечным потоком лились слезы, размывая лица соболезнающих родственников, превращая их в безликую серую массу.

Мне казалось, что если я отпущу руки тех, кто стоял рядом, я просто упаду в эту черную яму вслед за гробом.

С левой стороны меня крепко сжимал за ладонь Матвей. Мой старший, взрослый восемнадцатилетний брат. Его пальцы дрожали, он изо всех сил старался держаться, но я видела, как по его щекам смешивались с каплями дождя горькие слезы. С этого дня он стал не просто моим братом — он стал моим единственным официальным опекуном, нашей последней опорой, если не считать старенькую, почерневшую от горя бабушку.

А с правой стороны мою маленькую, ледяную ладошку согревала другая рука. Большая, надежная и теплая. Кирилл. Лучший друг Матвея. Ему тоже было восемнадцать, но в тот день он казался мне самым сильным человеком на земле. Он не плакал. Его челюсть была плотно сжата, а взгляд темных глаз направлен куда-то в пустоту. Кирилл просто был рядом, деля это страшное бремя с нашей семьей, и его присутствие дарило странное, почти осязаемое чувство безопасности.

Как только официальная, невыносимо долгая церемония прощания подошла к концу, толпа двинулась в сторону автобусов. Кирилл не дал мне сделать и шагу по грязной кладбищенской аллее. Он осторожно, словно я была сделана из хрупкого стекла, подхватил меня на руки. Мое черное платье намокло, я уткнулась носом в его кожаную куртку, пахнущую дождем и его одеколоном, и беззвучно всхлипывала.

Кирилл донес меня до старенькой машины своего отца, бережно усадил на заднее сиденье и протянул бутылку прохладной воды.

— Попей, Карамель, — тихо, но твердо сказал он, и это детское прозвище впервые прозвучало не как дразнилка, а как самое нежное обещание защиты. — Всё будет хорошо. Мы с Матвеем рядом.

Он закрыл дверь, сел на переднее сиденье рядом с Матвеем, и мы поехали к нам домой. Пока бабушка осталась на кладбище, чтобы координировать родственников и заниматься тяжелым процессом организации поминок в ресторане, парни единогласно решили: мне там делать

нечего. Детской психике и так хватило кошмара. Они просто увозили меня туда, где всё еще хранило тепло мамы и папы.

Я смотрела в окно на размытые капли дождя, прижимая к себе бутылку воды.

Когда мы вернулись домой, в пустой квартире стояла пугающая тишина. Чтобы скрыться от нее, я быстро переоделась в свою любимую теплую пижаму, забралась в кровать и с головой спряталась под огромное пушистое одеяло, пытаюсь согреться.

Дверь в комнату тихо скрипнула. Кирилл вошел без лишних слов. Он присел на край постели, а затем аккуратно лег рядом прямо в одежде, беря с прикроватной тумбочки старую детскую книгу в твердом переплете.

— Время для обеденного сна, — проговорил он, едва заметно усмехаясь, чтобы хоть как-то вернуть в мою жизнь привычный распорядок.

Он листал страницы, выискивая нужную. Кирилл читал мне сказку про «Красавицу и Чудовище» каждый раз, когда оставался со мной сидеть. И я всегда наслаждалась его слегка хриловатым, спокойным голосом, который убаюкивал лучше любых лекарств.

Атмосфера в комнате была слишком тяжелой, я всё еще мелко дрожала. Кирилл это видел и, на мгновение оторвавшись от книги, мягко щелкнул меня по носу, пытаюсь разбавить эту удушающую скорбь.

Я шмыгнула носом и, сквозь тихие всхлипы утирая мокрые щеки рукавом пижамы, хрипло прошептала:— Всё-таки твоему папе надо рассказать, что ты куришь за гаражами...

Кирилл на секунду замер, а затем тихо, так же хриловато посмеялся, качая головой от моей детской непосредственности.

— Ах вот ты как? Ну держись, Карамель. Если расскажешь — я тогда все твои любимые конфеты найду и перепрячу. Хрен найдешь.

Я обиженно надула губы, хотя на душе впервые за этот бесконечный день стало капельку легче. Кирилл лишь тепло чмокнул меня в макушку, пахнущую дождем, и приказал:

— Всё, закрывай глаза, шантажистка. Слушай.

В этот момент дверь в комнату снова приоткрылась. На пороге стоял уставший, осунувшийся Матвей. Он посмотрел на нас, и парни лишь одобрительно друг другу кивнули — без слов, как могут только лучшие друзья. Матвей понял, что я в надежных руках, и пошел в гостиную, чтобы побыть в тишине.

Я расслабилась, положила ладошку Кириллу на живот, слегка приобняла его и закрыла глаза, вслушиваясь в его голос. Было очень странно: книга-то была одна и та же, но каждый раз он рассказывал эту сказку совершенно по-разному.

Я помнила, как в самое первое время, когда они только познакомились с Матвеем, я упрямо заставила Кирилла почитать мне. Тогда он, смущаясь и чертыхаясь, просто быстро прочитал текст по бумажке и буквально сбежал из моей комнаты. Во второй раз, когда Матвей запер нас вместе, Кирилл уже что-то упрямо придумывал на ходу, путая имена. Ну а дальше пошло само собой.

И вот теперь он лежал рядом со мной на подушке и сочинял совершенно иной, свой собственный рассказ. Историю о прекрасной красавице Карамели и страшном, одиноком Чудовище, которое жило в мрачном замке. Сначала мне было слегка страшно слушать его новые подробности, но по итогу... чудовище в его сказке оказалось очень даже добрым. Оно защищало свою девочку от всего мира и никогда не давало в обиду.

Я засыпала под его хриплый голос, твердо уверенная, что мое личное «чудовище» всегда, даже когда я вырасту, будет охранять мой сон.

Тот кошмарный день забрал у меня слишком много сил, и в итоге я проспала до самого следующего дня. Когда я наконец открыла глаза, за окном уже вовсю светило утреннее солнце. Из гостиной доносились громкие крики, смех и резкие звуки виртуальных взрывов — мальчишки уже во всю играли в приставку, пытаюсь отвлечься от тяжелых мыслей.

Я, всё еще сонная, в своей помятой пижаме и с растрепанными волосами, тихо побрела на звук. Стоило мне показаться в дверях гостиной, как парни тут же оба подскочили со старого кожаного дивана, побросав джойстики. Забыв про игру, они наперебой затараторили, направляясь вместе со мной на кухню:— Караля, ты как? — Матвей обеспокоенно заглядывал мне в лицо. — Живот не болит? Есть хочешь? Мы там блинчики пытались пожарить, правда, они немного подгорели...

— Эй, Карамель, ну и вид у тебя, — Кирилл, шедший следом, то и дело добродушно смеялся, пытаясь расшевелить меня своей привычной подколкой. — Глаза опухли так, словно тебя ночью пчелы покусали. Улей грабила, признавайся?

От его наглости во мне тут же проснулась былая вредность. На столе как раз лежала чистая чайная ложка. Недолго думая, я схватила её и со всей силы бросила прямо в Кирилла. Он со смехом увернулся, поймав её на лету, а Матвей лишь шутливо погрозил мне пальцем.

Кирилл жил по соседству, поэтому каждый день забегал к нам на завтрак. Он вечно тырил мои оладья из тарелки, пока я, надутая и сонная, собиралась в школу. Он подвозил меня до школы и всегда забирал, когда Матвей задерживался на учебе или подработках. Иногда я оставалась у них с дядей Ромой в гостях, когда Матвей работал в ночь, чтобы заработать нам на жизнь. Дядя Рома относился ко мне как к родной дочери, и в их квартире всегда пахло выпечкой и уютом. Мне казалось, что эта идиллия будет длиться вечно.

Но однажды дядя Рома тяжело заболел. Кириллу пришлось срочно увезти его в другой город на лечение, где были нужные специалисты и больницы. А спустя еще несколько недель Кирилл вернулся — но только для того, чтобы собраться самому. Он уезжал насовсем.

В день отъезда он крепко обнимал меня, вытирая мои слезы. Он обещал, что обязательно приедет. Обещал, что будет звонить мне по видеосвязи и иногда рассказывать новые сказки. Клялся, что наша дружба останется навсегда.

— Ведь ты моя Карамель, — шептал он тогда, пытаясь заставить меня улыбнуться. — Такая сладкая, что кариес на зубах появится. Я никогда тебя не забуду.

Но я была глупой восьмилетней девчонкой. Я не знала, что он меня обманет.

С тех пор я его не видела, не слышала и не знала о его жизни совершенно ничего. Номера молчали, соцсети исчезли. Он просто стер себя из нашего мира. Моё детское сердечко тогда разбилось на мелкие осколки, а мое любимое сказочное «чудовище» оказалось обычным трусливым вруном.

Глава 1

Незванный гость

10 лет спустя...

Вчера мне исполнилось восемнадцать. Возраст, когда перед тобой, если верить глупым открыткам, открываются все двери. Вот только сегодня утром передо мной открылась лишь одна дверь — дверь кладовки, из которой мне пришлось доставать моющий пылесос, кучу тряпок и огромные черные мешки для мусора.

Весь день я посвятила одной монументальной цели — ликвидации последствий стихийного бедствия под названием «*День рождения Каралины Леоновой*». И организовала этот погром, на минуточку, не я. Мой старший брат Матвей превзошел сам себя. Он созвал половину моих друзей из университета, притащил кучу своих знакомых, нанял кейтеринг, диджея и устроил такое шоу, что стены дрожали.

Мы знатно зажгли в этом огромном двухэтажном особняке, в который переехали всего пару лет назад. Дом был роскошным: панорамные окна в пол, выходящие на сосновый бор, огромная гостиная с дизайнерским камином, полы из светлого мрамора и винтовая лестница, ведущая на второй этаж, где располагались наши спальни. Настоящая крепость из стекла и бетона.

Сегодня от этой эстетики не осталось и следа. Голова трещала так, словно по ней били отбойным молотком, хотя я, в отличие от гостей, за всю ночь не пригубила ни капли алкоголя. Хватило диких басов, криков и бесконечных танцев.

Матвей за последние десять лет знатно поднялся. Из испуганного восемнадцатилетнего пацана, у которого на руках осталась маленькая сестренка, он превратился в акулу бизнеса. Он построил с нуля успешную строительную компанию, ворочал миллионами и по сей день делал абсолютно всё, чтобы я ни в чем не нуждалась. Лучшие частные школы, брендовая одежда, личный автомобиль прямо к совершеннолетию — он буквально сдувал с меня пылинки. Я была безумно, до слез благодарна ему за каждую секунду моей сытой и безопасной жизни.

Была благодарна. До сегодняшнего дня.

Потому что сегодня, оттирая след от пролитого кем-то вишневого сока на светлом мраморе кухни, я мысленно проклинала брата всеми матерными и ядовитыми словами, которые только знала.

В этот момент Матвей просто выполз из своей комнаты на втором этаже. Выглядел он, мягко говоря, помято, но даже утреннее похмелье не могло испортить его чертовски привлекательную внешность. Мой брат за эти годы превратился в настоящего завидного холостяка. Высокий, с идеальной линией челюсти, волевым подбородком и точеными, будто высеченными из мрамора чертами лица. Его темные, слегка растрепанные после сна волосы падали на лоб, а густые брови были хмуро сведены к переносице от головной боли. Он был одет в простую черную футболку, которая плотно обтягивала его мощные, рельефные плечи и крепкие бицепсы — результат его вечных тренировок, которыми он глушил стресс от бизнеса. Матвей лениво скрестил на груди свои мускулистые руки, опёрся о косяк и уставился на меня своими пронзительными глазами.

Кое-как дойдя до раковины, он ласково потрепал меня по голове, взъерошив мои и без того непослушные волосы, и хрипло похвалил:

— Умница, Каралы. Чистота — залог здоровья.

Я демонстративно увернулась от его ладони и раздраженно буркнула в ответ:

— Мог бы и клининг вызвать, бизнесмен хренов! У меня руки уже отваливаются.

Матвей снисходительно усмехнулся, медленно направляясь к нашему огромному двухдверному холодильнику.

— Тебе восемнадцать, Краля, — проговорил он, открывая дверцу и доставая запотевшую бутылку ледяной воды. — Пора вступать во взрослую жизнь. Покажи, на что ты способна. Так-то это твоя вечеринка была, не забывай.

Он жадно сделал несколько глотков прямо из горлышка.

— Матвей, так нечестно! — вскинулась я, скрестив руки под грудью. — Идея была твоя, гости твои, а отдуваюсь я?

В этот момент тишину дома безжалостно разрезал настойчивый писк дверного звонка.

— Сам иди открывай, — буркнула я, отворачиваясь к столу, собирая в кучу пластиковые стаканчики и мимоходом поправляя сползшую лямку своей домашней шелковой пижамы.

Матвей со стоном завертел головой, картинно страдая от громкого звука, и выдал:

— Карая, имей совесть. Если я сейчас сделаю еще хоть один резкий шаг, моя голова просто взорвется и забрызгает твои идеально чистые полы. Ты ведь не хочешь убираться заново? Будь сестрой, спаси брата от гибели на пороге.

Я только глаза закатила на его актерские этюды. Матвей, тяжело вздыхая и продолжая ворчать себе под нос, всё-таки поплелся в холл.

Я продолжала собирать мусор, как вдруг в коридоре повисла странная, внезапная тишина. Секунда, две, три... Никаких голосов. Я уже хотела пойти проверить, не упал ли Матвей там в обморок, как вдруг тишину разорвал оглушительный, искренне радостный голос моего брата:

— Да ладно?! Глазам своим не верю! Сколько лет, сколько зим! Ну заходи, заходи скорее, чего на пороге стоишь?

Матвей о чем-то бурно заговорил, его голос так и лучился неподдельным восторгом, а в ответ ему раздался другой голос — более низкий, бархатистый и до боли знакомый.

Послышались шаги. Две пары ног уверенно направились из холла прямо в гостиную, совмещенную с кухней.

Я замерла на месте с пакетом для мусора в руках, не в силах пошевелиться, пока Матвей не завел гостя в комнату. И стоило мне поднять глаза, как я поняла: мое сегодняшнее утро официально испорчено окончательно. Потому что за спиной брата стоял Кирилл Северский.

Сначала я подумала, что мне просто показалось. Что это похмельный бред Матвея передался мне по воздуху, и у меня начались галлюцинации. Потому что выглядел он уже совершенно иначе — по-взрослому, пугающе и чертовски дорого.

Из-за спины брата в гостиную шагнул мужчина, от одного вида которого по комнате прошел ощутимый ледяной сквозняк. Кирилл Северский превратился в ходячий грех. Его смуглая кожа контрастировала с темными, слегка влажными волосами, небрежные пряди которых падали на лоб. Острые, как лезвие ножа, скулы, хищный разрез невероятно светлых, льдистых глаз, которые буквально пригвождали к месту. Он был одет в черную рубашку, верхние пуговицы которой были дерзко расстегнуты, обнажая шею и ключицы, густо покрытые темными, замысловатыми татуировками. На груди поблескивала серебряная цепочка с крестом, а на запястье тяжелыми стальными звеньями поблескивали дорогие часы. Строгие черные брюки и идеально начищенные туфли — а может, и абсолютно новые, хрен его знает, этого чудовища. От него за километр веяло большими деньгами и властью.

В своих татуированных руках, на которых красовались перстни, этот козёл держал небольшую, аккуратную белую коробку с пышным голубым бантиком. Увидев меня, Кирилл лениво подпер подбородок ладонью и довольно, даже как-то хищно улыбнулся.

Он медленно, с головы до ног смерил меня своим сканирующим взглядом. А я в этот момент зло поправляла дурацкую сползающую лямку пижамы и обеими руками держала огромный черный мусорный пакет. Сказать, что я выглядела на его роскошном фоне чудесно? Нет. Я выглядела как побитая жизнью бомжара, которая только что вышла из недельного запоя. На голове — гнездо, под глазами — синяки от недосыпа.

Заметив мою растерянность, Кирилл прищурился, и в его глазах блеснул знакомый издевательский огонек. — Надо же... — хрипло, с легкой бархатистой усмешкой протянул он. — Десять лет прошло, а улей, я смотрю, ты так и не бросила грабить. Пчелы всё еще тебя знатно покусывают по утрам, Карамель.

От этого прозвища и его наглости у меня внутри всё аж закипело. Я яростно сощурила глаза, готовая испепелить его на месте.

— Караля, ты чё замерла? Не узнала, что ли? — Матвей весело толкнул друга локтем в бок, абсолютно не замечая, какая между нами летает высоковольтная молния. — Это же Кирилл! Помнишь, Ромки сына? Он вернулся!

— Да хрен его знает, — ледяным, пропитанным ядом голосом проговорила я, вздернув подбородок. — Если он пришел за мелочью, Матвей, то скажи ему, что мы подачки бродягам по утрам не подаем. Перепутал особняк.

Лицо Кирилла ни на секунду не изменилось, лишь хищная улыбка стала еще чуть шире, а взгляд потемнел, обещая мне скорую расплату за дерзость.

— Всё, мне это надоело! — прошипела я, чувствуя, как обида и злость душат меня изнутри.

Я с размаху кинула тяжелый пакет с мусором прямо на пол и с силой пнула его ногой в их сторону. Пакет с глухим стуком подкатился прямо к начищенным туфлям Кирилла.

— Сам убирай свой чертов бардак! — рявкнула я на брата, а затем махнула рукой в сторону, демонстративно даже не глядя на незваного гостя. — Или вон... пускай твой приезжий клининг вызывает и всё тут драит. А я всё. У меня дела!

Я развернулась и гордой, стремительной походкой направилась к винтовой лестнице, мечтая поскорее запереться в своей комнате.

Влетев в свою комнату, я с силой захлопнула дверь и прислонилась к ней спиной, пытаюсь унять бешено колотящееся сердце. Этот козёл... Как он смеет заявляться сюда спустя десять лет и вести себя так, будто ничего не произошло?

Злость требовала выхода. Мне жизненно необходимо было сбежать из этого дома, подальше от его взгляда. Я стремительно подошла к зеркалу, наспех завязала волосы в небрежный высокий пучок, смыла остатки вчерашнего макияжа и переоделась. Вместо шелковой пижамы натянула короткие спортивные шорты и обтягивающий топ. Схватив сумку, я принялась хаотично кидать туда бутылку для воды, беспроводные наушники и фитнес-резинки. На самом деле у нас в особняке был отличный тренажерный зал в отдельной комнате, но сейчас мне просто нужно было свалить. Куда угодно, лишь бы не дышать с ним одним воздухом.

В дверь тихо постучались. Я даже не успела крикнуть «нельзя», как ручка дернулась, и дверь приоткрылась.

Кирилл вошел без спроса, аккуратно и бесшумно прикрыв за собой створку. Он остался стоять у порога, засунув руку в карман брюк, и принялся неторопливо, с хищным интересом осматривать мою комнату.

Мое личное пространство было полной противоположностью его мрачному образу. Комната была просторной, очень светлой, с огромной кроватью посередине, большим шкафом-купе и зеркалами в пол, которые сейчас отражали нас двоих. Над изголовьем кровати тянулись многочисленные полки, заставленные плюшевыми игрушками — подарками от университетских и школьных друзей. Рядом красовались мои школьные награды, дипломы из вуза и даже сверкающая корона, которую я получила на выпускном как Королева бала. В углу

уютно устроились гитара и синтезатор, на стенах висело несколько постеров моей любимой рок-группы, а на рабочем столе возвышалась аккуратная стопка тяжелых учебников.

Кирилл медленно перевел взгляд с постеров на стопку книг, и на его губах заиграла едва заметная улыбка.

— Очень миленько, — низким, бархатистым голосом констатировал он. — Настоящая девичья цитадель.

Он неторопливо прошелся по комнате, заставив меня инстинктивно напрячься. Кирилл остановился у моего туалетного столика, заставленного парфюмом, и взял в руки небольшую серебряную рамку. Посмотрев на фотографию, он тихо, хрипло усмехнулся.

На том снимке десятилетней давности, сделанном на старую мыльницу, я стояла в обнимку с Матвеем, счастливая и беззаботная. Вот только на этом фото изначально был еще один козел — сам Кирилл, стоявший по правую руку от брата. Но года три назад, в порыве очередной злости, я аккуратно, но безжалостно загнула край фотографии внутрь рамки, спрятав его физиономию с глаз долой.

Кирилл ничего не сказал по этому поводу. Он лишь скользнул пальцем по стеклу, задержавшись там, где под картоном было спрятано его лицо, и аккуратно поставил рамку на место.

— Я опоздал вчера к началу, — спокойно произнес он, поворачиваясь ко мне и сокращая расстояние. Он аккуратно положил коробку с пышным голубым бантиком на столик. — Поэтому подарок сегодня. С совершеннолетием, Карамель.

Я резко застегнула молнию на спортивной сумке, вскинула её на плечо и посмотрела прямо в его пугающие глаза, напивав свой голос максимальным количеством яда:

— Не стоило так утруждать себя, Северский. Мог бы вообще не возвращаться — ни вчера, ни сегодня, ни через следующие десять лет. Мне твои подачки не нужны.

Кирилл сделал еще шаг вперед, заставляя меня упереться бедром в край рабочего стола, и сверху вниз посмотрел на мое решительное, злое лицо...

— Моя Карамелька повзрослела и отрастила иголки, — вкрадчиво проговорил Кирилл, и в его низком голосе проскользнули опасные, странные нотки.

Вместо ответа я лишь упрямо вздернула подбородок, отказываясь показывать, как сильно у меня внутри всё дрожит от его пугающей близости. Резко развернувшись, я уверенно обошла его, стараясь держать дистанцию, и направилась напрямик к двери.

— И забудь это дурацкое прозвище, Северский, — бросила я через плечо, берясь за дверную ручку. — Ты потерял право называть меня так еще десять лет назад. Для тебя я Каралина.

Я уже потянула ручку на себя, мечтая поскорее покинуть эту комнату, где из-за него стало слишком мало кислорода. Но его следующий тихий вздох заставил меня на секунду замереть.

— Ты стала очень красивой, Кара, — негромко произнес он. В его голосе не было издевки — только мужская констатация факта, от которой по моей коже против воли пробежали опалюющие мурашки.

Я обернулась и в последний раз смерила его самым холодным и злым взглядом, на какой только была способна, крепче сжимая ремень спортивной сумки.

— Я всегда была красивой, Северский, — отчеканила я, глядя прямо в его льдистые глаза. — А вот ты за эти годы стал редкостным козлом.

С этими словами я решительно шагнула в коридор и с оглушительным, яростным грохотом хлопнула дверью прямо перед его носом.

Я зло спускалась по винтовой лестнице, когда внизу мне преградил путь Матвей. На нем уже была свежая рубашка — брат явно собирался по делам.

Я инстинктивно подняла голову и замерла. Наверху, прямо у перил второго этажа, уже стоял Кирилл. Отрешенный, холодный, он лениво оперлся ладонями о поручень и сверху вниз сверлил нас своим фирменным, тяжелым взглядом.

— Вы что, поругались? — Матвей переводил недоуменный взгляд с меня на друга. — Карала? Что произошло?

— Это не обсуждается, Матвей, — отрезала я, строго проходя мимо него к выходу и бросая сумку на пуфик.

Я быстро принялась натягивать кроссовки. Но даже не глядя наверх, я кожей ощущала этот цепкий, обжигающий взгляд на своей спине. А может, и на заднице. Потому что я так и торчала ей кверху, пока дурацкий кроссовок предательски застрял на пятке, заставляя меня злиться еще сильнее.

— Каралина, ну в самом деле, в чем дело? — Матвей нахмурился, искренне не понимая моей агрессии. — Мы не виделись десять лет. Откуда в тебе столько злости к нему?

Я наконец справилась с обувью, резко выпрямилась и закинула сумку на плечо.

— Это *твой* друг, Матвей, — выделила я первое слово, с вызовом посмотрев на брата, а затем на секунду переведя взгляд наверх, на замершего у перил Кирилла. — Вот и милуйтесь с ним. Вспоминайте детство, общайтесь за жизнь, за шрамы, за всё, что хотите. А я пошла. У меня есть свои друзья. И вообще, меня на улице уже Макс ждёт. Пока!

Я быстро подскочила к Матвею, коротко чмокнула его в щеку, обдав ароматом своих парфюмов, и решительно толкнула входную дверь.

Макс был моим «*парнем и не парнем*» одновременно. Он отчаянно пытался добиться моего статуса официальной девушки, но я упорно держала его во френдзоне на вытянутой руке. Изредка, под хорошее настроение, я позволяла ему приобнять меня за талию или быстро чмокнуть в щеку, просто чтобы он совсем не терял надежду. Сегодня он был идеальным предлогом для побега.

Я провела в тренажерном зале половину дня, выплескивая всю злость и обиду на беговой дорожке и тренажерах. Там же приняла ледяной душ, немного привела себя в порядок и переоделась в вещи, которые предусмотрительно прихватила с собой в сумке. Натянула ультракороткие рваные джинсовые шорты с черным кожаным ремнем, обтягивающий черный топ-кроп, оголяющий плоский живот, а сверху накинула свободную бежевую рубашку оверсайз. Волосы собрала в высокий небрежный пучок, оставив пару кокетливых прядей у лица, надела солнцезащитные очки, а образ завершила маленькая черная сумочка на цепочке.

На обратном пути я забежала в кофейню за любимым айс-латте и приехала домой только к вечеру, уставшая, но довольная. Кое-как удерживая плечом зажатый у уха телефон, я тащила в руках шуршащие пакеты после спонтанного шоппинга. Я была на сто процентов уверена, что этот незванный гость уже уехал из нашего особняка — снова покорять свои амбиции и вешать лапшу на уши другим наивным дурочкам.

Спокойно скинув кроссовки в холле, я, продолжая болтать по телефону, потащилась на второй этаж.

— Макс, я тебе говорю, там работы выше крыши, отвали уже, а? — раздраженно выдохнула я в трубку, перехватывая пакеты. — Конечно, нет! Я тебе что, модель на выезд? Всё, давай завтра поговорим.

Коротко попрощавшись, я сбросила звонок, швырнула покупки на кровать в своей комнате и тут же побрела вниз — тишина дома начала немного давить.

— Матвей! — крикнула я на весь особняк, спускаясь по винтовой лестнице.

— Да я на кухне! — отозвался брат.

Я, попивая через трубочку свой холодный кофе, спустилась вприпрыжку вниз, предвкушая спокойный вечер.

— У меня новости! — весело проговорила я, заворачивая за угол к барной стойке, и в ту же секунду просто выплюнула кофе обратно, брызгая им во все стороны.

Мои глаза чуть из орбит не вылезли. Передо мной у барной стойки сидели Матвей и Кирилл. И выглядели они... как и всегда тогда, десять лет назад. Никаких дорогих костюмов

и пафоса. Оба были в простых домашних майках-алкоголичках и свободных спортивных штанах. Они лениво пили кофе и о чем-то тихо переговаривались.

— Какого... — проговорила я, судорожно утирая тыльной стороной ладони подбородок и губы от потекшего латте.

Матвей тяжело вздохнул, вставая со своего стула и беря рулон бумажных полотенец.

— Вообще-то я заказывал профессиональный клининг, — проворчал брат, принимаясь вытирать мои кофейные брызги с полированного дерева стойки.

Я замерла, переводя дикий взгляд с брата на Северского. Мозг наотрез отказывался принимать эту реальность.

— Так, стоп, — я выставила ладонь вперед, приказывая им не двигаться, и показала пальцем на стену коридора. — Я сейчас вот за этот угол зайду... Постою. Потом вернусь, — я ткнула пальцем обратно на свое место. — И если эта рожа всё еще будет тут сидеть, я жду очень подробных объяснений!

Развернувшись, я босыми ногами быстро прошлепала обратно за стену холла. Сердце бешено колотилось. Я постояла в темноте коридора ровно пять секунд, досчитала до пяти, глубоко вздохнула и вернулась на кухню.

Они снова сидели там. Точно в тех же позах.

Только теперь Кирилл уже намеренно, во весь голос хохотал, откинув голову назад и демонстрируя ровные зубы и татуированную шею. Мой глупый перформанс его знатно повеселил. А вот Матвей лишь устало покрутил пальцем у виска, глядя на меня как на умалишенную.

— Не обращай внимания, — бросил брат Кириллу, возвращаясь на свое место. — Она еще не выросла. Малолетка.

— Какого хрена он всё ещё сидит в нашем доме, Матвей?! — прошипела я, проигнорировав выпад про возраст и упрямо скрестив руки на груди.

Брат вместо ответа лишь примирительно похлопал ладонью по соседнему свободному стулу рядом с собой.

— Сядь, Караля. Поговорим.

Я сердито сопела, но делать было нечего — гордость гордостью, а узнать, что происходит, было важнее. Я подошла и с размаху опустила свою пятую точку на высокий стул, буравя Кирилла уничтожающим взглядом. Северский же, заметив мои короткие шорты и голые ноги, мгновенно перестал смеяться. Его взгляд потяжелел, опустился к моим бедрам, а затем снова поднялся к глазам, транслируя чистую, неприкрытую провокацию...

Матвей, сделав глубокий вдох, принялся спокойно объяснять ситуацию:

— Кирилл поживет у нас в гостевой комнате, пока у него не образуются дела в городе. Он здесь ненадолго, поэтому снимать квартиру сейчас просто нет смысла.

Я лишь пробуравила Северского уничтожающим взглядом, демонстративно опустив глаза к его левому запястью.

— Ну, судя по его часам, у него достаточно бабла, чтобы снимать половину этого города, — ядовито усмехнулась я. — Он что, решил сэкономить за наш счёт? Накопительную карту нашего дома оформлять будем?

Кирилл слегка наклонился вперед над гранитной столешницей, лениво отодвигая в сторону свою чашку с кофе. В его глазах зажглись опасные, дразнящие искорки.

— Не переживай, Карамель, я куплю тебе конфет за аренду.

— Я не ем конфеты, — прошипела я, подаваясь к нему навстречу так, что между нашими лицами осталось от силы сантиметров тридцать. — Хотя откуда вам знать, мистер... как вас там? Ах да, Кирилл «Я-вышел-на-минуту-и-сдох-на-десять-лет» Северский. Память, видимо, отшибло вместе со шрамами?

Кирилл лишь плотно сжал губы, удерживая на лице ленивую, порочную усмешку. Моя колкость попала в цель, но он даже бровью не повел, принимая удар.

— Так, Караля, это не обсуждается, — строго вмешался Матвей, потирая виски.

— Так, стоп! — я с силой хлопнула ладонью по столу, отчего оба парня инстинктивно вздрогнули, а чашки звякнули о блюда. — У нас в доме только одна свободная гостиная. И она, на минуточку, находится прямо рядом с моей комнатой! Я против! — я тут же упрямо сложила руки на груди. — Пусть тогда живет в твоей спальне, Матвей, а ты переезжай в гостиную. Он же всё равно не задержится надолго, да?

— Месяц. Минимум, — спокойно, растягивая слова, проговорил Кирилл.

В этот момент я как раз сделала очередной глоток своего латте и... снова выплюнула кофе. Но на этот раз не на пол. Весь фонтан кофейных брызг полетел точно в цель — прямо на белоснежную домашнюю майку Кирилла, мгновенно расплываясь уродливыми грязными пятнами на его груди.

— Сбрендил, что ли?! — рявкнула я, вскакивая со стула, пока Кирилл медленно, с убийственным спокойствием опускал взгляд на свою испорченную майку. — Он не может вот так просто наобещать золотых гор, пропасть, а потом вернуться спустя десять лет и жить тут как ни в чем не бывало! Словно за хлебом в магазин сходил! Матвей, мы даже не знаем, кто он теперь такой! Ты посмотри на него — козлина расписная! Тюремщик какой-то или убийца. Перережет нам глотки ночью и растащит всё из дома!

— Караля! — рявкнул Матвей, и в его голосе впервые прорезался жесткий директорский тон. — Ты перегибаешь. Кирилл — мой друг. И ты не можешь выгнать его на улицу.

— А вот и могу! — протестовала я, чувствуя, как к горлу подкатывают злые слезы обиды.

— Разговор окончен, — отрезал брат, поднимаясь. — Кирилл остается в гостиную столько, сколько нужно.

Я лишь смерила Матвея диким, полным разочарования взглядом. А Кирилл, скотина эдакая, сидел напротив, вальяжно закинув руки за голову, и издевательски мне подмигнул.

— Может, хотя бы откроешь подарок? — вкрадчиво проговорил он, пододвигая ко мне по столешнице ту самую белую коробку, которую он, видимо притащил за собой из моей спальни.

Я яростно вырвала коробку из его рук. Сорвала этот дурацкий голубой бантик, разорвала картон и впиалась взглядом в содержимое. Внутри лежала книга «Красавица и Чудовище». Но не старая, потрёпанная, а новое, коллекционное издание с шикарным кожаным оформлением, золотым тиснением и потрясающими акварельными иллюстрациями.

— Мне не восемь лет! — разозлилась я, переходя на яростный, прерывистый шепот. — Я давно не люблю эту глупую детскую ерунду!

Я с силой швырнула тяжелую книгу обратно в его сторону — она с глухим стуком проехала по столу и врезалась Кириллу прямо в грудь.

— Мне восемнадцать, идиот! И я давно не маленькая глупая девчонка, которой можно заткнуть рот сказкой! Ты бы это знал... — мой голос на секунду прервался от душащего комка в горле, — ты бы знал это, если бы за десять лет хоть раз поинтересовался, как у нас дела.

По кухне разнеслась оглушительная тишина. Улыбка мгновенно сползла с лица Кирилла, а его льдистые глаза потемнели, превращаясь в два бездонных грозовых омуты. Он перевел взгляд с книги на меня, и в его позе промелькнуло что-то пугающее, тяжелое и давящее.

Не став дожидаться ответа, я развернулась и молча ушла наверх, изо всех сил стараясь держать спину прямой и не разрыдаться прямо при них.

Глава 2

Я проснулась от настойчивого, вибрирующего жужжания телефона на прикроватной тумбочке. Солнечные лучи уже вовсю резали глаза сквозь незанавешенные панорамные окна, а голова казалась тяжелой.

Кое-как нащупав трубку, я принялась наослеп тыкать в экран.

— Аллю... — прохрипела я в динамик, утыкаясь лицом обратно в подушку.

— Леонова, ты где?! Лекция через пятнадцать минут начнется, препод уже на кафедре списки сверяет! — из трубки затараторил панический голос моей однокурсницы Катьки.

Я мгновенно сфокусировала взгляд на настенных часах и испуганно запищала, сдерживая с себя одеяло и с размаху подскакивая с кровати. Зажав телефон плечом у уха, я принялась хаотично метаться по спальне.

— Боже мой, Катька, я проспала! Я полночи уснуть не могла из-за одного... — я осеклась, прикусив язык, — короче, из-за бессонницы! Приеду — всё расскажу. Буду минут через двадцать... ну, или тридцать. Пожалуйста, прикрой меня перед преподам, придумай что-нибудь!

Я сбросила вызов, швырнула смартфон на кровать и пулей полетела в ванную. За рекордно короткие пять минут я успела умыться, почистить зубы и нанести легкий макияж, чтобы скрыть следы ночных переживаний.

Времени выбирать наряд не было совершенно. Я выудила из гардеробной вещи, которые всегда спасали в режиме экстремальной спешки. Тонкая белая рубашка оверсайз, которую я небрежно завязала узлом на талии, слегка обнажая полоску живота, и легкая черная мини-юбка в мелкий белый цветочек, кокетливо подчеркивающая мои загорелые ноги. Захватив солнцезащитные очки, цепочку с крестиком и небольшую светлую сумку, я выскочила из комнаты.

Я быстро, едва не соскальзывая, сбежала босиком по винтовой лестнице прямо в сторону кухни. Мой желудок требовал хоть какой-то еды. В этот момент у барной стойки уже сидел Кирилл, неторопливо попивая свой утренний кофе. Но мне было настолько плевать на него в этой спешке, что я даже не обратила на Северского внимания.

Я вихрем подлетела к холодильнику, распахнула дверцу, схватила приготовленный Матвеем с вечера треугольный сэндвич в пластиковой упаковке и на ходу сорвала обертку. Запихав бутерброд чуть ли не наполовину в рот, я перехватила бутылку минералки, закинула сумку на плечо и помчалась в прихожую.

У самой двери я бросила вещи на пуфик и начала торопливо натягивать свои летние босоножки на небольшом каблуке. И снова — здравствуйте! — я оказалась в максимально дурацкой позе, торча задницей кверху, пока ремешок второй босоножки никак не желал застегиваться на щиколотке.

В этот самый неподходящий момент моя сумка на пуфике снова разразилась громкой трелью — телефонный звонок. В панике, бурча невнятные проклятия из-за застрявшего во рту сэндвича, я начала судорожно копошиться в сумке одной рукой, балансируя на одной ноге с расстегнутой обувью.

Вдруг пространство вокруг меня сузилось. Прямо рядом со мной склонилась огромная, мощная грудa изрисованных черными татуировками мышц. От Кирилла пахло дорогим парфюмом, утренним кофе и едва уловимым горьким табаком. Он опустил передо мной на одно колено. Его большие, сильные пальцы аккуратно перехватили мою щиколотку, отчего по моей коже мгновенно пробежал электрический разряд, и он уверенно, легким движением застегнул ремешок босоножки.

Я от неожиданности даже опешила, замерев на месте и перестав копать в сумке. Кирилл медленно поднял голову, глядя на меня снизу вверх своими льдистыми, пронизательными глазами, в которых плясали черти. На его губах играла ленивая усмешка.

Не успела я прийти в себя и выдать какую-нибудь колкость, как его рука молниеносно взметнулась вверх. Кирилл просто вырвал мой сэндвич у меня изо рта, оставив в моем набитом рту лишь жалкий, небольшой кусочек, и с невозмутимым видом сожрал остальное прямо у меня на глазах.

— Козел! — невнятно буркнула я с набитым рогом, едва не подавившись.

Наплевав на продолжающий надрываться телефон, я яростно толкнула входную дверь и побежала по дорожке на улицу, в сторону своей припаркованной машины.

— Хорошего дня, Карамель! — донесся мне в спину его низкий, хриплый хохот. Кирилл стоял в открытых дверях особняка, вальяжно облокотившись о косяк и с аппетитом доедая мой честный завтрак.

— Чтоб ты подавился, Северский! — во весь голос крикнула я, на ходу снимая сигнализацию, запрыгивая за руль своей иномарки и с визгом резины срываясь с места.

Я хоть и опоздала, но препод сегодня был в на редкость благодушном настроении, поэтому лишь снисходительно кивнул на мои робкие извинения и жестом велел проходить на место. Отработав на чистом автомате две невыносимо длинные пары, мы с Катькой пулей полетели в студенческую столовую на большой перемене. Мой несчастный, ограбленный Северским желудок уже безумно хотел есть, издавая дикие звуки.

— Ну и что у тебя стряслось? — спросила Катюха, делая глоток из стакана со смузи, которое вечно таскала с собой ради своей очередной диеты.

— Кирилл вернулся, — глухо процедила я, зло вонзая вилку в сочную котлету, загребая следом гору картофельного пюре и для верности откусывая приличный кусок от мини-пиццы. Еда таяла во рту, возвращая мне силы для злости.

— Да ладно?! — Катька чуть своим смузи не подавилась, вытаращив на меня огромные глаза и застыв с открытым ртом.

Катька знала о Кирилле абсолютно всё. Мы дружили с самого раннего детства, и я, начиная класса со второго, регулярно плакалась ей в жилетку из-за его отъезда. Первое время я послушно транслировала ей успокаивающие слова Матвея — мол, Кирилл просто очень занят, у него папа сильно болеет, ему некогда. Потом, когда до нас дошли вести, что дядя Рома умер, я снова оправдывала его: «Ему сейчас тяжело, у него куча дел, некогда...» А потом Матвей и вовсе перестал что-либо говорить, натываясь на мои расспросы глухой стеной молчания. Тогда-то я и поняла, что меня предали.

Я была так зла на него все эти годы! Катя помнила каждую мою истерику. В средней школе мы со злости вместе рисовали его наглую морду на последних страницах тетрадок, а потом с остервенением выкалывали ему глаза острыми грифелями карандашей. Или пририсовывали ему огромные ветвистые рога, дурацкие усы и закрашивали зубы черным. Это была наша личная терапия.

И вот, спустя десять лет нашей бесконечной дружбы, я сижу в той же позиции и снова плачусь ей — только уже потому, что этот урод вернулся во плоти.

— И... и что, он будет жить с вами?! — Катя испуганно прикрыла рот ладошкой, округлив глаза еще сильнее. А потом, нервно хихикнув, прыснула: — Надеюсь, ты ему яд в утренний кофе подсыпать не собираешься?

Я в ответ лишь молча и очень многозначительно сощурила глаза, медленно пережевывая пищу.

— Эй, Леонова, хорош, торгуй лицом попроще! — Катька замахала на меня руками, забавно отсаживаясь чуть дальше по скамье. — Я не собираюсь терять лучшую подругу только из-за того, что тебя за решетку посадят! Тебе тюремная роба не пойдет, поняла?

От её паники весь мой воинственный запал на секунду испарился, и мы обе громко, до колик рассмеялись на всю столовую, привлекая внимание парней за соседними столиками.

С Каткой всегда было так — она умела превратить мою самую мрачную драму в повод для шутки.

В конце пар мы вышли с Катюхой под ручку, направляясь к моей машине, когда к нам размашистой походкой подошел Макс.

Внешность у него была, конечно, модельная, чего уж греха таить. Симпатичный шатен с мягкими, слегка выющимися волосами, которые всегда аккуратно лежали, и теплыми карими глазами. На нем была простая черная спортивная кофта на молнии с капюшоном, которая хорошо подчеркивала его подтянутую фигуру. Макс выглядел как типичный правильный и милый парень из университета — полная противоположность тому мрачному, татуированному урагану, который прочно обосновался в моей прихожей.

Он тут же собственнически приобнял меня за талию, притягивая к себе, и оставил влажный след на щеке от своего звонкого причмока.

— Привет, красавица. Какие планы на вечер? — улыбнулся он, заглядывая мне в глаза. — Может, в кино? Или ко мне?

Я аккуратно отстранилась, утирая мокрую щеку тыльной стороной ладони, и выдала самую хищную из своих ухмылок:

— О нет, Максик. Планы на сегодня грандиозные. Буду вытравливать одного очень наглого козла с моего поля. Тараканы в моем доме зажрались, пора проводить дезинфекцию.

Катка тут же покатила со смеху, прекрасно понимая, о ком речь, и бесцеремонно пихнула Макса в плечо, оттаскивая его от меня.

— Так, Ромео, давай, галка, лети отсюда на другой забор! У Леоновой сегодня по плану битва не на жизнь, а на смерть. Не мешай женщине готовиться к войне.

Макс только недоуменно захлопал глазами, переводя взгляд с одной из нас на другую. Еще раз захихикав над его растерянным лицом, я помахала ему рукой, запрыгнула в машину и поехала провожать Катюху до дома.

К особняку я вернулась только под вечер. Уставшая, измотанная, еле перебирающая ноги. Все-таки ходить весь день в университете на босоножках с каблук — это чистое самоубийство. Пятки горели синим пламенем, и единственное, о чем я мечтала, — это скинуть обувь, дойти до кровати и больше не двигаться.

Стоило мне войти домой, как я тут же без сил скинула сумку с тетрадями прямо на пол и буквально плюхнулась на пуфик. Стягивая эти чертовы босоножки, я издала такой громкий стон облегчения, что он эхом разнесся по пустому холлу.

Но расслабиться мне не дали. Из-за угла гостиной тут же лениво высунулась темная голова, и я от неожиданности знатно вздрогнула. Кирилл опирался плечом о косяк, держа в руке стакан с ледяной водой.

— Слышу такие звуки и уже подумал, что ты притащила в дом мужика, пока брата нет, — усмехнулся он, нагло разглядывая мои голые ступни.

— Пока что мужиков в дом тащит только он! — зло прошипела я.

Я резко подобрала сумку с пола и, гордо вскинув подбородок, направилась к винтовой лестнице.

— Брата сегодня не будет, — вкрадчиво проговорил Кирилл уже снизу, когда я почти поднялась на второй этаж. — Матвея вызвали на объект, там какие-то проблемы с проводкой. Так что меня оставили за старшего.

От его слов я тут же обомлела и замерла на ступеньке, даже не дойдя до конца. Внутри всё похолодело от мысли, что мы в этом огромном особняке остались совершенно одни. Я медленно повернула к нему голову, крепче сжимая лямку сумки.

— Это он, конечно, зря, — ядовито выдавила я. — Вдруг ты решишь снова свалить? Так лет на двадцать на этот раз. Ты же у нас мастер спорта по исчезновениям.

Кирилл лишь картинно закатил глаза и отставил стакан в сторону.

— Хочешь поговорить об этом, Карамель?

— Нет! — тут же громко крикнула я, перебивая его. — Избавь меня! Мне вообще всё равно на тебя и твои причины, ясно? Просто не маячь у меня перед глазами, и мы отлично поладим. И да! — я развернулась и строго ткнула в него указательным пальцем сверху вниз. — То, что ты теперь живешь через стенку в гостевой, не дает тебе права выходить на балкон. А уж тем более курить там!

— На *твоем* балконе? — Кирилл медленно выгнул одну бровь, и на его губах заиграла порочная, хищная улыбка чудовища.

— Да! Просто напомним, что он один на наши две комнаты. Перегородка чисто символическая. Поэтому даже не смей туда суваться!

Не став слушать его ответ, я развернулась и тут же ушла в свою комнату, громко хлопнув дверью.

Пока я делала уроки и готовилась к сдаче экзаменов, в комнату пополз странный, резкий запах. Мой балкон был приоткрыт на проветривание. Я тут же нахмурилась, отложила ручку и решительно вышла на свежий воздух. Ну конечно! Этот идиот стоял у самой двери своей комнаты, вальяжно прислонившись к косяку, и курил.

— Я же сказала не курить! — прошипела я, скрестив руки на груди и сверля его яростным взглядом через невысокую балконную перегородку.

— Ты сказала не курить на балконе, — усмехнулся он, выпуская изо рта густое облако дыма и даже не думая тушить сигарету. — А я курю в комнате. Технически я закон не нарушал, Карамель.

Я лишь злобно рыкнула от его непробиваемой наглости, круто развернулась и вернулась к себе. С силой захлопнув балконную дверь, я продолжала бубнить под нос проклятия в адрес этого татуированного гада.

По завершении всех учебных дел я решила, что заслужила награду. Натянула большие беспроводные наушники, врубил музыку на полную громкость, чтобы полностью отгородиться от присутствия Северского в доме, и пошла вниз, на кухню. Из недр морозилки я выудила большое ведерко мороженого. Спустившись в гостиную, я с ногами уселась на диван и принялась есть его прямо из ведра.

Но и тут меня ждало полное фиаско.

Я даже очередную ложку не успела засунуть в рот. Вдруг краем глаза я заметила быстрое движение. Прямо около моего плеча наклонилась знакомая фигура и бесцеремонно сожрала всё лакомство прямо с моей ложки.

Я тут же вздрогнула от неожиданности и замерла на месте, во все глаза уставившись на пустую ложку в своей руке. Сдернув наушники на шею, я услышала его довольный, хриплый голос:

— Карамельное... Моё любимое.

Я перевела взгляд с ложки на его довольную физиономию, и мое лицо исказила гримаса полного отвращения.

— Фу-у-у! — тут же скрючилась я, демонстративно отодвигаясь от него. — Нельзя взять другую ложку и не облизывать мою?! Это просто отвратительно!

— С каких пор ты такая брезгливая стала? — Кирилл усмехнулся и одним легким, пружинящим движением перепрыгнул через спинку дивана, усаживаясь рядом со мной вполоборота. Он закинул руку на спинку дивана позади моей головы, сокращая дистанцию до минимума. — Помнится, раньше мы ели одно мороженое на двоих и ты не жаловалась.

— Ты мне раньше как брат был! — в сердцах отозвалась я, прижимая ведерко к груди, как щит.

— А теперь? — Кирилл прищурился, и его глаза опасно потемнели, ловя каждое движение моих губ.

— А теперь ты степной козел! — отчеканила я. Северский после моих слов тут же нахмурился, и его ленивая ухмылка мгновенно испарилась. Понял, что перегнул. — Теперь ты чужой, ясно? Никто ты мне. Вообще никто! Поэтому не жри мои бутерброды, не облизывай мои ложки и не пей из моих чашек!

Я со злостью всунула ему в руки это ведро вместе с ложкой, резко встала с дивана и быстрым шагом направилась в сторону кухни, чтобы помыть руки и хоть как-то унять внутреннюю дрожь.

— Ты стала горькой, Карамель! — прикрикнул он мне вдогонку из гостиной. В его голосе снова послышалась легкая, издевательская усмешка, но я спиной чувствовала, что мои слова про «чужого» задели его эго куда сильнее, чем он пытался показать.

Я лишь гордо фыркнула, не оборачиваясь, и скрылась за дверью кухни.

Я весь вечер безвылазно просидела в своей комнате. Спускалась вниз только пару раз — налить стакан ледяной воды да перекусить на скорую руку. Всё остальное время я яростно зубрила эту проклятую учебу. Мне нельзя было завалить грядущий экзамен. На кону стояла моя повышенная стипендия и, что важнее, гордость перед Матвеем, который так много в меня вкладывал.

В комнате царила невыносимая духота. Кондиционер не спасал, поэтому я настежь распахнула балконную дверь, впуская в спальню прохладный ночной воздух и стрекотание цикад. Забравшись с ногами под пушистое одеяло прямо с огромным, тяжелым учебником по экономике, я продолжила читать. Формулы, графики и термины сливались в сплошную серую кашу. Я зубрила до самой середины ночи, пока в какой-то момент глаза не начали закрываться сами собой. Телефон на тумбочке показывал три часа ночи, когда я окончательно отрубилась, так и не выключив настольную лампу...

Сквозь тяжелый сон и вязкий полумрак комнаты я словно кожей почувствовала чье-то чужое, слишком близкое присутствие. Воздух вокруг стал как будто гуще, а в шлейф ночной прохлады примешался едва уловимый, знакомый аромат горького табака и дорогого парфюма.

Кое-как приоткрыв отяжелевшие веки, я сонно обвела глазами спальню. В темноте никого не было. Только легкие занавески колыхались от сквозняка из балконной двери. Я заторможенно огляделась: настольная лампа была выключена, а тяжелый учебник, с которым я засыпала в обнимку, аккуратно лежал на прикроватной тумбочке, бережно заложенный тонкой закладкой на нужной странице.

В голове промелькнула смутная мысль: «Странно, я совершенно не помню, когда успела его убрать и выключить свет...» Мозг, измученный зубрежкой, наотрез отказался анализировать эту странность. Решив, что сделала всё на полном автомате перед тем, как окончательно провалиться в сон, я поглубже зарылась носом в подушку. Натянув пушистое одеяло до самого подбородка, я снова улеглась на бок и так же быстро, в ту же секунду отрубилась, погружаясь в беспамятство до самого утра.

Глава 3

По ту сторону льда

Кирилл

Когда я парковал свою машину у кованых ворот этого чертова стеклянного особняка, мои ладони впервые за много лет едва заметно дрожали. На заднем сиденье лежала белая коробка с пышным голубым бантом. Я весь день колесил по городу, поднял на уши всех старых знакомых, перерыл закрытые аукционы и отдал сумасшедшее, просто космическое количество бабла перекупщикам за единственный экземпляр этого редкого коллекционного издания «Красавицы и Чудовища». Я чертовски спешил успеть именно к её восемнадцатилетию. Я знал, что моя Карамелька уже взрослая, но в моей голове она всё ещё оставалась той маленькой девчонкой с опухшими от слез глазами, которую я когда-то убаюкивал сказками.

Я ожидал увидеть что угодно, когда переступил порог дома Леоновых. Думал, что она бросится мне на шею, будет плакать, кричать, расспрашивать. Но когда я поднял глаза и встретился с ней взглядом... у меня внутри всё оборвалось.

Я подумал, что обознался. Передо мной стояла совершенно роскошная, умопомрачительная девушка. Да, родные черты лица узнавались мгновенно — те же упрямые губы, тот же разрез глаз. Но это была взрослая, уверенная в себе женщина. И она... была вообще не рада меня видеть. Вместо детских объятий я натолкнулся на глухую стену из ледяного высокомерия, колючих, пропитанных ядом слов и чистой ненависти.

Каждое её язвительное слово про «подачки бродягам» било мне прямо в сердце, выжигая там новые шрамы. Но я привык держать лицо. В моем мире проявление эмоций — это смертный приговор, поэтому я лишь привычно, порочно усмехался ей в ответ.

Я не мог объяснить ей причину своего исчезновения. Не имел права. Если бы я рассказал Матвею и Каралине, в какое дерьмо вляпался мой отец перед смертью и какие люди за нами охотились, я бы подписал им смертный приговор. Я уехал, чтобы защитить единственную семью, которая у меня осталась. За десять лет в моей жизни не было и дня, чтобы я не вспоминал эту смешную, капризную Карамель. Каждый чертов день в перерывах между криминальными разборками я перебирал в руках старые, пожелтевшие фотографии из мыльниц или подолгу залипал на экран старенького телефона, разглядывая наши пиксельные снимки из детства. Воспоминания о том, как я воровал её оладья и как она засыпала на моем плече, были единственным, что грело мою прогнившую душу в том аду.

После смерти отца я окончательно ушел по наклонной. Ввязался в самые грязные, черные дела криминального синдиката, долго выбивал себе место под солнцем, ломал кости, получал пули и в итоге на этом же дерьме и поднялся, возглавив группировку. Как только ситуация в бизнесе наконец образумилась, контракты были легализованы, а я понял, что могу временно выйти из тени и залечь на дно, я сразу же помчал к ним. К моему Матвею. К моей Карамели.

Я ехал сюда с твердой уверенностью, что возвращаюсь к своей некровной младшей сестренке, которую буду опекать и баловать. Но реальность ударила меня под дых.

Какого хрена? Смотря на неё в этой пижаме, смотря на её длинные ноги в этих издевательски коротких шортах, я с ужасом осознал: ни хрена она мне не сестра. То дикое, первобытное, собственническое влечение, которое вспыхнуло во мне при виде её губ, к сестрам не чувствуют. Между нами была чертова бездна в десять лет разницы, шрамов и моего криминального прошлого, но мне впервые в жизни стало плевать на правила.

Когда она швырнула мне в грудь мою книгу и со слезами на глазах выкрикнула, что я идиот и никогда не интересовался её жизнью, я едва сдержался, чтобы не перевернуть эту бар-

ную стойку и не прижать её к себе. А ночью... ночью я просто не смог совладать со своей одержимостью. Я тайно перешагнул через символическую перегородку нашего общего балкона, бесшумно вошел в её душную спальню, где она уснула прямо с учебником.

Я бережно забрал из её рук книгу, заложил страницу, выключил свет и укрыл её одеялом. Я стоял в темноте и слушал её ровное, спокойное дыхание, сходя со ума от желания коснуться её кожи.

Она была права. Я был козлом, идиотом и всем остальным, как она меня называет. И я действительно ей не брат.

Была бы она ещё младше — я бы с пеной у рта ей доказывал обратное. Доказывал, что я ей как брат. Что я сопли ей вытирал и на руках кружил половину её детства, пока сам ещё был зелёным сопляком. Но сейчас... Передо мной стояла настоящая, уже взрослая, совершеннолетняя девушка. И я ни хрена не хочу быть ей братом.

Мне хочется прикоснуться к этим губам, смять её нежную кожу пальцами и ласкать всю ночь, слушая её стоны.

Я резко тряхнул головой, с силой выкидывая это чёртово наваждение прочь из мыслей. Нельзя. Я не мог вот так просто взять и растоптать многолетнюю дружбу с Матвеем. Брат доверил мне самое дорогое, пустил под свою крышу, а я смотрю на его сестру как оголодавший хищник.

Но я ничего не мог с собой поделать, когда моя Карамель была так близко. Она стала безумно гордой, и это меня заводило. Она стала колючей, выпуская свои иголки при каждой нашей встрече, и это притягивало сильнее любого магнита.

А её вызывающие образы просто конкретно рвали мне башню. Эти ультракороткие рваные шорты, обтягивающие топы, открытый плоский живот... С каждым её шагом по дому во мне закипала ярость. Хотелось прямо сейчас закрыть её в комнате и не выпускать в таком виде наружу. Чтобы ни один ублюдок в этом городе, включая её Максика, не смел даже смотреть на то, что с этих самых дней принадлежит только мне.

Я навис над ней в полумраке комнаты. Внутри всё горело от бешеного, сдерживаемого коктейля из нежности и тёмной одержимости. Присев у края кровати, я аккуратно убрал непослушную тёмную прядь волос с её лица. В холодном лунном свете, струящемся из открытого балкона, её лицо казалось невероятно хрупким, спокойным и умиротворённым. Совсем как в детстве.

Только сейчас от этого вида у меня перехватывало дыхание совершенно по-другому.

Я смотрел на её пухлые, приоткрытые во сне губы и мысленно повторял её имя. Каралина.

— Кара... — едва слышно, одним лишь дыханием сорвалось с моих губ. — Ты ведь знаешь, что твоё имя означает расплату? Моя личная кара. И я готов нести её всю свою жизнь. Готов гореть в этом аду, лишь бы ты была рядом.

Поддавшись сумасшедшему импульсу, я медленно протянул руку. Мой палец, привыкший к холодному металлу оружия, коснулся её тёплой, бархатистой щеки. Очертил линию челюсти и плавно спустился к нижней губе. Каралина едва заметно вздохнула во сне, слегка подавшись навстречу моему прикосновению, отчего моё сердце пропустило удар.

Я прикрыл глаза, до боли сжимая челюсти. В голове яркой вспышкой нарисовалась картина: как я наклоняюсь, собственнически впинаясь в эти сладкие губы, ломаю её гордость и заставляю стонать под моим телом, забыв обо всём на свете. Соблазн был слишком велик. Воздух в её спальне стал удушающе горячим.

С трудом заставив себя разомкнуть веки, я медленно убрал руку. Рано. Ещё слишком рано. Она должна сама прийти в мой капкан.

Я бесшумно поднялся, бросил на неё последний взгляд и так же тихо, как пришёл, растворился в ночной темноте балкона, закрывая за собой дверь.

Я проснулся рано — в принципе, как это всегда и происходило за последние десять лет. Привычка, выработанная годами постоянного контроля и ожидания удара в спину, не позволяла мне валяться в постели до обеда. На часах не было и семи утра, когда я уже натягивал спортивные штаны.

Спустившись на просторную, залитую утренним солнцем кухню, я первым делом занялся кофемашиной. Пока дом спал, я сварил себе крепкий черный кофе без сахара, от одного аромата которого мозг наконец начал трезветь после тяжелой ночи. Из холодильника достал продукты и на автомате приготовил нехитрый завтрак — яичницу с беконом. Заодно пожарил стопку оладий, то и дело косясь на пустую тарелку на столе и вспоминая, как одна маленькая вредина тоже любила их у меня воровать.

Устроившись за барной стойкой, я открыл в телефоне мессенджеры и принялся внимательно читать закрытые криминальные сводки и новости от моих людей. В городе пока всё было относительно тихо, каналы поставок работали без сбоев, но расслабляться было нельзя. В моем бизнесе секундная слабость стоит жизни.

Около восьми утра входная дверь особняка тихо щелкнула. В холл вошел Матвей — уставший, с темными кругами под глазами после бессонной ночи на объекте, но чертовски довольный. Судя по его лицу, все проблемы с проводкой и документами на стройке удалось решить.

Я отложил телефон, поднялся со стула и молча включил кофемашину заново, чтобы сварить порцию и для него. Матвей на ходу скинул куртку, устало потянулся, хрустнув позвонками, и тяжело опустился на соседний барный стул, блаженно зажмурившись от запаха свежего эспрессо.

— О-о-о, Кир, ты святой человек, — прохрипел брат, принимая из моих рук горячую чашку и делая первый жадный глоток. — Я думал, до кровати не дойду. Ну, рассказывай, как дела? Как вчера день прошел, пока меня не было? Вы тут дом не разнесли?

Я оперся ладонями о гранитную столешницу, лениво прищурился: — Да всё отлично, Матвей. Можешь выдохнуть. Твоя сестра меня вчера даже не побила. Правда, пыталась испепелить взглядом и запретила дышать в сторону балкона, но я выжил.

Матвей хрипло, во весь голос рассмеялся, едва не пролив кофе на свои джинсы. — Ну, Карая может, да, — качая головой, с улыбкой проговорил он. — Характер у нее — чистый порох. Ты уж не обижайся на нее, Кир. Она просто до сих пор злится, что ты тогда уехал и не звонил. Ладно, я в душ и спать, иначе вырублюсь прямо здесь.

Брат похлопал меня по плечу и поплелся наверх, а я остался стоять на кухне, глядя в окно.

Как раз в этот момент наверху послышался шум, и по лестнице вихрем сбежала Каралина.

— Доброе утро, братик! — звонко прокричала она на весь дом.

Раздался короткий чмок — она на ходу поцеловала Матвея в щеку, обдав кухню сладким шлейфом своих дорогих духов. Было чертовски непривычно видеть её в таких образах. Я-то всё ещё помнил ту смешную детскую пижаму, в которой она спала десять лет назад, а сейчас... На ней был белый трикотажный топ в рубчик с высоким горлом, выгодно облегающий фигуру, и строгие черные шорты с высокой талией, затянутые кожаным ремнем. Идеальные ноги, распущенные каштановые локоны, темные солнцезащитные очки — она выглядела как картинка из модного журнала. И от этого вида у меня внутри снова заворочался ревнивый зверь.

Она снова болтала по телефону, и, судя по недовольному голосу на том конце провода, это был парень.

— Максим, я тебе сказала, во сколько нужно быть? — раздраженно пробурчала она в динамик, открывая шкафчик. — Всё, помолчи, ладно? Живей давай. Если мы опоздаем, я тебе уши накручу!

Сбросив трубку, она с легким стуком бросила телефон на гранитную столешницу. Быстро, уверенными движениями сварила себе кофе, бросила туда льда, сделав холодный латте в стаканчике. После чего выудила из холодильника бутылку воды и уже направилась к выходу.

— Эй, а завтрак? — проговорил я ей в спину, лениво указывая кивком головы на стол, где всё еще дымилась приготовленная мной стопка пышных оладий.

Каралина вздрогнула от моего голоса и резко обернулась. Она на секунду замерла, оглядывая меня в моей домашней майке.

— Забыла про твое существование, — процедила она сквозь зубы, вздернув подбородок. — Надеюсь, что вчерашнее — просто кошмарный сон. А нет... ты всё ещё топчешь наш пол. И вообще, я ненавижу оладьи, — Каралина брезгливо скривила свой аккуратный носик, хотя я прекрасно помнил, как в детстве она уплетала их за обе щеки.

Обувая свои элегантные туфли, она снова схватила сумочку и закинула её ремешок на плечо.

Я нахмурился, провожая взглядом её ультракороткие шорты, которые слишком сильно открывали её бедра.

— И куда ты с утра пораньше в таком виде? — мой голос прозвучал куда жестче и требовательнее, чем следовало бы.

Каралина замерла у самой двери, обернулась и смерила меня уничтожающим взглядом поверх темных очков:

— А тебе-то что, Северский? Не делай вид, что тебя внезапно заботит моя жизнь. Ты мне никто. Всё, пока!

Чуть позже, когда Матвей уже ушел к себе отсыпаться, я тоже покинул особняк. Город встретил меня привычным шумом, но в моих мыслях все еще стоял образ Каралины в этих чертовых коротких шортах. Пришлось силой заставить себя переключиться на работу.

Один из моих временных офисов располагался в самом центре, на верхнем этаже не приметного делового центра. Никаких вывесок, полная конфиденциальность. Внутри все было обустроено по моему вкусу: панорамное остекление с видом на серые крыши, звукоизоляция, мебель из темного дуба и минималистичный кожаный диван. Здесь, в одном из закрытых кабинетов, меня уже ждал человек. Молодой, амбициозный парень по имени Илья, которого я временно поставил курировать местное крыло нашего синдиката.

Мы разместились за столом и принялись подробно обсуждать важные дела, ради которых я, в принципе, и приехал в этот город. Легализация старых теневых активов, подписание договоров с новыми поставщиками, распределение долей — всё шло пока что очень даже гладко. И именно это меня настораживало сильнее всего. В моем мире никогда ничего не преподносят на блюдечке. В моей жизни легким и сладким не бывает ничего... если только это не карамельное мороженое, украденное с ложки моей Карамельки.

Илья протянул мне свежую папку с финансовыми отчетами.

— Все подставные фирмы чисты, Кирилл Романович. Проверки из налоговой нам не грозят, они закрыли глаза за приличный процент. Вот, посмотрите пункты расходов на логистику, — парень самодовольно улыбнулся, уверенный, что заслужил похвалу.

Я бегло пролистал документы, и одна из строчек заставила меня хрипло, цинично усмехнуться. На бумаге всё выглядело идеально, но я слишком хорошо знал изнанку этого бизнеса. Я заметил крошечную нестыковку в датах отгрузки на складах. Почти незаметный след чужого длинного носа.

— Что-то не так? — Илья мгновенно растерял всю свою спесь, заметив, как изменилось мое лицо.

— Да так... вспомнил вот одно дельце, — тихо, почти ласково проговорил я, медленно закрывая папку.

Я откинулся на спинку кожаного кресла, а затем резко поддался вперед, опираясь локтями о стол и заглядывая парню прямо в душу. В моем голосе не осталось и капли человечности — только замораживающий свист.

— Тех, кто плохо выполняет мои поручения или пытается за моей спиной утаить хоть копейку, я обычно отдаю на съедение бродячим собакам. В самом прямом смысле. Вот сижу и думаю... отдать тебя туда прямо сейчас или повременить? Дать тебе шанс до завтрашнего утра?

Парень ощутимо напрягся, его лицо мгновенно побледнело, а на лбу выступила испарина. Он судорожно сглотнул, прекрасно понимая, что Северский шутить не умеет.

— Кирилл Романович, клянусь, это просто опечатка бухгалтера! Всё перепроверю лично. Всё будет выполнено в срок и без единой ошибки, уверяю вас!

Я внимательно вглядывался в его испуганные глаза еще несколько долгих секунд, наслаждаясь своей абсолютной властью. Наконец, я удовлетворенно кивнул.

— Свободен.

Поднявшись со своего кресла, я застегнул пуговицу пиджака и вышел из кабинета, оставив парня приходить в себя.

Не успел я дойти до машины, как телефон в кармане брюк неумолимо начал орать, нарушая тишину подземной парковки. Я достал трубку и, увидев на экране имя друга, нажал на кнопку ответа.

— Я думал, ты всё ещё отсыпaeшьcя, — усмехнулся я, садясь в кожаное кресло своего автомобиля и бросая телефон на соседнее сиденье, переключив его на громкую связь.

— Какой там сон, Кир, — раздался уставший, но виноватый голос Матвея. — Меня тут партнеры из юридического отдела сорвали, опять какая-то бумажная волокита. Слушай, я знаю, что нагружаю тебя, но у меня к тебе огромная просьба. Можешь заехать по одному адресу и подхватить Каралину? Если тебе, конечно, не сложно и ты где-то недалеко. Она сегодня без машины — её иномарку утром на плановое ТО в сервис угнали, я обещал, что сам заберу её после пар, но у меня снова по горло возникли дела. Будь другом, а, Кир? Спаси ситуацию.

Я завел мощный двигатель, который отозвался утробным, хищным рыком на всю парковку. Внутри меня всё буквально перевернулось от предвкушения.

— Без проблем, Матвей, я как раз близко, — спокойно соврал я, даже не моргнув глазом.

Хотя на самом деле мне нужно было ехать через весь чертов город, пробиваясь через полуденные пробки. Но Матвею об этом знать было необязательно.

— Спасибо, братуха, с меня должок! Скидываю её расписание, она освобождается через двадцать минут, — Матвей с облегчением выдохнул и скинул трубку.

Я отключил связь и крепко сжал пальцами кожаный руль. Я ни за что на свете не упустил бы эту возможность — снова посмотреть на её хмурое, недовольное личико, заставить её злиться и ловить её ядовитые взгляды. Да ради этого я бы сорвался, даже если бы находился в другом городе или на другом конце страны.

Включив первую передачу, я с пробуксовкой вылетел с парковки делового центра и тут же сорвался с места, направляя машину в пункт назначения — к главному корпусу вуза экономики.

Глава 4

Нарушая границы

Долгожданный звонок с последней пары прозвенел так оглушительно, что вся аудитория одновременно выдохнула с облегчением. Мы с девчонками, счастливые, с заветными пятёрками в зачётках, весело брели по длинному университетскому коридору, стремясь поскорее выйти на свежий воздух.

На крыльце вуза Катюха крепко обняла меня и пулей побежала в сторону припаркованной машины своего старшего брата, который приехал её забрать.

— Пока, Каралина! Вечером споемся! — крикнула она на ходу, забавно помахав мне рукой.

Я осталась стоять на ступенях, высматривая среди плотного потока машин знакомый кроссовер Матвея. Брата нигде не было видно. *«Странно, он же обещал, что сам заберёт меня из-за ТО»*, — промелькнуло в голове.

В этот самый момент со спины ко мне подскочил Макс. Не успела я и глазом моргнуть, как его сильные руки перехватили меня за талию, отрывая от земли. Он закружил меня прямо на глазах у выходящих студентов, громко, на весь двор крича:

— Леонова, я сделал это! Я получил отлично по психологии! Представляешь?!

— Поздравляю! — искренне рассмеялась я, легонько хлопнув его по плечу, пока у меня кружилась голова. — Опустим меня, сумасшедший! У меня, кстати, тоже отлично. Не зря я вчера зубрила до середины ночи, пока от усталости не вырубилась.

Макс с широченной улыбкой аккуратно поставил меня обратно на асфальтированный тротуарчик. Он всё ещё держал руки на моих бедрах и, поддавшись порыву радости, снова оставил свой фирменный влажный след от поцелуя на моей щеке.

И именно в эту секунду, прямо напротив нас, воздух буквально разорвал оглушительный, яростный и затяжной автомобильный сигнал.

Я от неожиданности знатно вздрогнула и инстинктивно отшатнулась от Макса. У самой обочины, перегородив выезд остальным, стоял роскошный, хищный чёрный автомобиль с тонированными стеклами. С тихим жужжанием переднее стекло медленно опустилось, являя миру Кирилла Северского.

Он лениво положил татуированную руку на открытое окно, поигрывая перстнями. Кирилл был в чёрной рубашке с расстегнутым воротом, из-под которой пугающе и маняще виднелись чернила татуировок. Он смотрел на нас в упор, и его глаза сейчас напоминали два куска застывшего антарктического льда. На губах играла ядовитая, пугающая улыбка, от которой у меня по спине пробежали мурашки, а Макс рядом как-то сразу притих и напрягся.

— Запрыгивай, Карамель, — низким, обволакивающим голосом, в котором отчетливо слышался скрежет металла, проговорил Кирилл. — Брат занят. Тебя велено доставить домой в целостности и сохранности. Без... постороннего мусора.

Он красноречиво скользнул тяжелым, обещающим проблемы взглядом по Максиму, а затем снова зафиксировал его на мне.

Внутри меня тут же проснулся дух противоречия.

Я демонстративно повернулась к Максиму, мило улыбнулась и, хлопая ресницами, заговорила громко, чтобы Северский точно услышал:

— Ну, раз у брата дела, меня отлично отвезет Максим. Да, Макс? — я заглянула парню в глаза.

Макс, почувствовав поддержку, мгновенно расправил плечи. Он снова по-хозяйски положил руку мне на талию, притягивая к себе, и довольно кивнул, бросив вызов мужчине в черном автомобиле:— Конечно. Без проблем довезти. Моя ласточка там на парковке.

— Вот и всё, — проговорила я, победно улыбаясь Кириллу и шутливо размахивая своей маленькой сумочкой на цепочке. — Можешь ехать обратно по своим делам, Северский. Нас провожать не нужно.

Кирилл лишь с тяжелым шумом вздохнул, качая головой. В следующую секунду дверца его роскошного авто распахнулась, и он вальяжно вышел наружу. Высокий, пугающе мощный. Он подошел к нам легкой, бесшумной походкой хищника, молча и бесцеремонно отодвинул от меня Макса одной рукой, даже не глядя на него. Кирилл буквально возвысился над бедным студентом как глухая скала, полностью закрывая меня от него.

Он медленно склонился к моему уху. От его сумасшедшей близости, жара татуированного тела и резкого запаха дорогого парфюма с табаком у меня даже дыхание сперло. Сердце испуганно забилось в самом горле.

— Не сядешь сама, Карамель, — вкрадчиво, обжигая кожу шеи, прошептал он, — я запишаю тебя в багажник прямо при всех этих сопляках. И довезу до дома по самой разбитой дороге в округе.

Он плавно отстранился, оглядел меня с ног до головы ехидно скалясь, и добавил чуть громче:

— Думаю, темно-фиолетовый тебе чертовски пойдет.

Мои глаза округлились. Это он сейчас что... намекает на синяки на моей нежной коже от его жестких рук?! Или меня так тарабанить в багажнике будет?

Я яростно фыркнула, но испытывать судьбу и проверять, реально ли он засунет меня в багажник на глазах у препода по экономике, не стала. Когда Кирилл с издевательским поклоном распахнул передо мной дверцу машины, я послушно, хоть и со злостью, уселась на заднее сиденье, демонстративно отвернувшись к окну.

— Свободен, — коротко, как плетью ударил, бросил Кирилл застывшему в шоке Макс.

Северский захлопнул за мной дверь, и сам сел за руль. Заблокировав центральный замок, он плавно выехал с университетского двора. Машина двигалась мягко, в салоне играла какая-то тихая музыка.

Проехав пару кварталов, Кирилл поймал мой уничтожающий взгляд в зеркале заднего вида и широко, совершенно обезоруживающе улыбнулся.

— Ну, как дела, Карамель? Как экзамен?

— Нормально, — грубо бросила я, демонстративно отвернувшись к тонированному окну и скрестив руки на груди. — Было бы ещё лучше, если бы меня не хотели в багажнике везти.

Кирилл тихо, хрипло рассмеялся, плавно перестраиваясь в крайний ряд.

— Ну, технически, ты сидишь в комфортабельном кожаном салоне, Карамель. До багажника дело не дошло. Хотя, признаться, вид сзади, когда ты копалась в сумке, мотивировал меня ускорить процесс погрузки.

— Помолчи, а? — ядовито процедила я, смерив его отражение в зеркале уничтожающим взглядом. — Избавь меня от своих плоских шуточек. Разомни язык вон на бродячих собаках, Северский.

На его лице на долю секунды промелькнуло удивление. Но он быстро вернул себе маску ленивого превосходства.

— Ого, какие мы зубастые. И кто же научил мою маленькую девочку так больно кусаться? Этот твой Максик? Кстати, о собаках. Что это за сопляк? Он хоть знает, с какой стороны за девчонку держаться надо, или только слюни пускать умеет тебе на лицо?

Я почувствовала, как к горлу подкатывает горячая волна въевшейся в кости обиды.

— Макс, по крайней мере, парень со словом. Он не исчезает, когда становится тяжело, и не прячется по норам. И он не трусливый врун, Кирилл.

В салоне мгновенно повисла тишина. Музыка из динамиков вдруг показалась слишком громкой. Улыбка мгновенно сползла с лица Кирилла. Его пальцы на руле сжались так, что побелели костяшки, а желваки на лице заходили ходуном.

Мне было абсолютно плевать, что он сейчас чувствует. Плевать, больно ему или нет. Своё я уже давно отплакала, пережила и отболела в те детские годы, когда каждую весну караулила его у окна. Да и лучшим другом, а уж тем более вторым братом, я его больше не считала. Для меня он был очередным уродом, который только и умеет, что вешать лапшу на уши маленьким девочкам, обещать всегда быть рядом, а потом сливаться.

— Ты ничего не знаешь, Каралина, — глухо, пугающе низко отозвался он, не отрывая взгляда от дороги.

— И знать не хочу! — проговорила я, подаваясь вперед. — И мне совершенно всё равно, по какой такой «уважительной» причине ты испарился. За десять лет — слышишь? За десять долгих лет! — даже в самой сложной, самой дерьмовой ситуации можно было найти одну чертову минуту, чтобы просто позвонить. Написать СМС. Прислать открытку. Подать знак, что ты жив! Но ты выбрал просто стереть нас. Так что не надо сейчас строить из себя заботливого братика. Ты для меня никто.

Кирилл молчал. Он так сильно нажал на педаль газа, что стрелка спидометра резко поползла вверх, а машина хищно ускорила, обгоняя попутные легковушки. Он злился. Внутри этого мужчины сейчас бушевал настоящий ураган, но мне было сочно и сладко от этой маленькой победы. Я задела его эго. Я напомнила чудовищу, что его сказки больше не работают.

Оставшуюся часть дороги до особняка мы ехали в абсолютном молчании..

— Я могу тебе всё рассказать, — вдруг тихо и пугающе серьезно проговорил он, вырвавшись к нашему дому за высокие кованые ворота.

Машина плавно остановилась на подъездной дорожке особняка. Кирилл заглушил двигатель, и в салоне повисла тяжелая тишина. Мужчина медленно обернулся ко мне, и в его потемневших глазах я впервые увидела странную, давящую глубинную усталость вперемешку с серьезностью.

— Но я не думаю, Карамель, что тебе действительно захочется это слушать.

От его вкрадчивого тона во мне с новой силой полыхнула ярость. Ложь, опять бесконечная, удобная для него ложь!

Я резко подалась вперед, практически вплотную приближаясь к спинке его водительского кресла, и буквально прорычала ему прямо в лицо, не скрывая своего презрения:

— Мне вообще не хочется тебя слушать, Северский! Слышишь? Вообще! Я мечтаю только об одном — чтобы этот чертов месяц поскорее закончился, ты собрал свои шмотки и свалил с моей территории раз и навсегда!

Кирилл даже не шелохнулся, лишь его взгляд стал еще более тяжелым и сканирующим. А меня уже было не остановить:

— Не смей лезть в мою жизнь и строить из себя защитника, потому что тебя в ней нет уже очень давно. Ты растерял весь свой лимит нашего общего круга еще десять лет назад, когда просто стёр нас. Ты для меня — чужой человек!

Я не стала дожидаться его ответа, в котором наверняка была бы очередная порция яда или издевок. Резко дернув ручку, я выскочила из душного салона автомобиля на свежий воздух. Развернувшись, я со всей силы хлопнула дверцей машины — так сильно, что, кажется, стекла жалобно звякнули.

И даже сквозь плотное бронированное стекло и закрытую дверь я отчетливо услышала, как Кирилл Северский внутри салона яростно и громко скрипнул зубами от моей финальной пощечины по его раздутому эго.

Гордой, стремительной походкой я взлетела по ступеням крыльца и скрылась за дверями особняка, чувствуя, как внутри меня дрожит каждая клеточка.

Я стремительно взбежала по лестнице, едва перебирая ноги от душащей меня изнутри злости и обиды, а потом буквально влетела в свою комнату. Захлопнув дверь, я заперла её на замок и без сил скатилась по деревянной стене спиной прямо на пол.

Предательские слезы, которые я так отчаянно сдерживала в машине под его тяжелым взглядом, всё же вышли наружу. Они хлынули из глаз горячим, неудержимым потоком. Я судорожно схватилась рукой за грудь, тяжело, прерывисто дыша, и до боли прикусила тыльную сторону ладони, лишь бы сдержать рвущиеся наружу рыдания. Лишь бы ни одна живая душа в этом огромном особняке, а особенно этот татуированный гад за стенкой, меня не услышала.

Почему? Ну почему мне всё ещё так невыносимо больно?!

Десять лет прошло. Я ведь пообещала себе, что отболела, что стерла его, что задушила эту детскую привязанность. Но стоило ему вернуться, как весь мой карточный домик независимости рухнул. И что это за странное, удушающее, давящее чувство внутри, когда я вижу его так близко? От одного его низкого голоса, от этой его порочной хищной улыбки и ленивого взгляда у меня предательски дрожат колени, а сердце начинает стучать в самом горле. Я злилась на себя за эту слабость. Злилась на то, что его близость пугает и манит меня одновременно.

Кое-как утерев мокрое лицо, я поднялась с колен. С размаху бросила сумочку на кровать и направилась напрямик в душ. Мне нужно было срочно смыть с себя этот сумасшедший день, ледяной водой остудить горящую кожу и смыть этот чертов невидимый след от его присутствия.

Пока Матвея всё еще не было дома, внизу хлопнула входная дверь. Сердце пропустило удар, и я подумала, что Кирилл всё же ушел по своим делам, оставив меня одну. Вынырнув из ванной комнаты, я наспех замоталась в одно лишь махровое полотенце, едва прикрывающее бедра, и тихонько выскочила в коридор второго этажа, чтобы проверить обстановку.

Тихими, почти бесшумными шагами я двинулась вперед по паркету. Но стоило мне пройти половину коридора, как я замерла. Дверь в спальню моего брата была подозрительно приоткрыта. Слегка заглянув в образовавшуюся щель, я почувствовала, как по спине пробежал ледяной пот.

В комнате Матвея был Кирилл. Он стоял у его рабочего стола, прижав телефон ухом к плечу, и абсолютно беззастенчиво швырялся в вещи моего брата, перебирая какие-то папки с документами. Он явно что-то искал, целенаправленно заглядывая в ящики стола. Кирилл тихо, вполголоса с кем-то разговаривал. Из-за плотного гула крови в моих ушах и его низкого тембра я не могла разобрать ни единого слова, но сама картина выглядела пугающе. Что этот татуированный гад забыл в вещах Матвея?

От возмущения и испуга у меня перехватило дыхание. Я судорожно прикрыла рот ладонью, пятясь назад и мечтая только об одном — тихонько уйти, пока он меня не заметил. Но Кирилл, словно обладавший звериным чутьем, физически почувствовал мое присутствие и резко обернулся к двери. Его глаза мгновенно зафиксировали меня сквозь щель.

— Потом перезвоню. Да, нашел, — коротко бросил он в трубку и сбросил телефон, не сводя с меня потемневшего взгляда.

Поняв, что я раскрыта, я тут же развернулась и быстро побежала по коридору в сторону своей спальни. Сзади слышались его тяжелые, уверенные шаги — он даже не бежал, он просто шел за мной, как хищник за загнанной в угол добычей. Я едва удерживала сползающее на ходу полотенце, судорожно прижимая его к груди. Влетев в свою комнату, я с силой хлоп-

нула дверь и повернула замок. Из коридора послышался глухой щелчок — дверь в комнату Матвея тоже закрылась.

Я тяжело задышала, прислонившись спиной к дереву, и шумно выдохнула, пытаясь унять дрожь. Спасена...

И только через пару секунд до моего затуманенного паникой мозга дошло. Дверь моего балкона была открыта настежь.

Я в ужасе резко метнулась туда, чтобы запереть пластиковую створку, но было слишком поздно. На моем балконе, вольготно оперевшись спиной о перила и скрестив руки на широкой татуированной груди, уже стоял Кирилл. Он перешагнул через символическую перегородку между нашими комнатами за считанные секунды.

На его губах играла опасная, порочная усмешка чудовища, загнавшего свою жертву в самый центр ловушки.

— Любопытство губит кошек, маленькая Карамель, — вкрадчиво прошептал он, делая медленный шаг с балкона прямо внутрь моей спальни...

— Я не разрешала тебе заходить в мою комнату, — твердо проговорила я, изо всех сил удерживая на груди сползающее полотенце. — И... я всё расскажу Матвею! Зачем ты вообще залез в его вещи? Что тебе нужно было в его комнате?

Кирилл на мои угрозы лишь хрипло, порочно усмехнулся. С абсолютным спокойствием он запустил руку в карман брюк, достал оттуда маленькую черную флешку и лениво покрутил её между пальцами.

— Твой брат сам попросил меня забрать её из его рабочего стола и привезти ему, Карамель. Матвей забыл её, пока в спешке уезжал в офис. А вот мне действительно интересно... — он сделал шаг вперед, и его холодный взгляд намеренно медленно скользнул по моим обнаженным плечам вниз, к мокрым каплям на коже. — Почему ты бродишь по дому в таком виде, зная, что здесь находится мужчина?

Я упрямо вздернула голову, стараясь не выдать свой страх перед его пугающими размерами.

— Моему брату плевать на то, как я выгляжу. На то он и брат! А я думала, что ты ушел. Даже жалко, что ты всё ещё здесь.

Я снова судорожно поправила полотенце, мысленно молясь всем богам, чтобы ткань оставалась на мне. Руки ходили ходуном от того, как этот гад лениво, по-кошачьи приближался ко мне, продолжая ехидно усмехаться.

Северский подошел вплотную. От него веяло чистым, осязаемым жаром. Прежде чем я успела отшатнуться, его большая ладонь взметнулась вверх. Кирилл жестко перехватил обе мои руки своей одной, сжимая их прямо на моей груди вместе с краями махрового полотенца. Бежать было некуда. Ткань натянулась, плотно облекая моё тело, и я оказалась полностью в его власти.

— Моя Карамель слишком любопытна, не так ли? — вкрадчиво, опасно проговорил он, низко склоняясь к моему лицу, так что я почувствовала аромат его парфюма.

— Забудь это слово, Северский! — яростно прошипела я ему прямо в губы, отчаянно пытаясь не смотреть на его татуированную шею. — Ты больше не имеешь права называть меня так.

— Почему же? — Кирилл прищурился, и его усмешка стала шире. — Разве не я нарек тебя этим словом пятнадцать лет назад? Или тебе больше нравится сокращение? Кара... — его голос упал до интимного шепота. — Я был бы очень рад, если бы ты по-настоящему покарала меня. Это даже забавно, когда ты стреляешь в меня своими детскими молниями.

— Пошел вон! — выдохнула я, изо всех сил дергаясь в сторону и пытаясь вырваться из его железной хватки.

— Я спрячу все твои конфеты, Карамель, за такое поведение, — снова проговорил он со знакомой хрипотцой, и его свободный большой палец едва ощутимо, до мурашек коснулся моей горячей щеки.

Мое тело сработало быстрее разума. По старой детской привычке я обиженно надула губы, как делала это в восемь лет на кухне. Но осознав, какую глупость совершила, тут же взяла себя в руки и ледяным тоном прошептала:

— Я ненавижу конфеты, Северский. И тебя я тоже ненавижу.

Кирилл медленно разжал пальцы, отпуская мои запястья, но его взгляд продолжал буквально выжигать на мне клеймо. Больше не желая оставаться с этим чудовищем в одной комнате, я резко развернулась и, придерживая полотенце, сама быстрыми шагами вышла из собственной спальни в коридор, чтобы спрятаться.

Глава 5

Порочный маршрут

Кирилл

Весь оставшийся вечер до прихода Матвея Каралина старательно меня игнорировала. Впрочем, если честно, мне самому сейчас было совершенно не до её милых детских колкостей. Работа в этом городе с ходу показала свои недочёты, выкатив наружу те самые скрытые бугры и проблемы, о которых я и подозревал. И это конкретно меня бесило. Внутри всё клочкотало от ярости. Мне нужно было срочно вернуться обратно в офис и самому со всем этим дерьмом разобраться, заставив пару идиотов хавать землю. Но я ловил себя на упрямой, сумасшедшей мысли: я не хотел уезжать из этого особняка, пока окончательно не обуздаю характер своей строптивой Карамельки. Она въелась мне под кожу.

Ближе к ночи вернулся Матвей. Мы переместились в гостиную, открыли бутылку дорогого сухого вина и просто болтали о том, у кого как сложилась жизнь за эти долгие десять лет. Если честно, Матвей далеко не глупый парень. Он прекрасно видел мои шрамы, часы, повадки и понимал, что мой бизнес далеко не так чист, как ему хотелось бы. Но он не сопротивлялся тому, кто я есть. Для него я оставался Киром — человеком, который когда-то делил с ним последнее и закрывал спиной. В криминал он не лез, вопросов лишних не задавал, за что я кристально его уважал.

Около одиннадцати часов вечера тихую мужскую беседу безжалостно прервал отчетливый, цокающий звук тонких шпилек со второго этажа.

Я поднял голову, переводя взгляд на винтовую лестницу, и так и замер на месте с бокалом в руке, буквально открыв рот. Чёрт... Воздух из моих легких выбило напрочь.

Каралина спускалась неторопливо, и в этот момент она выглядела как ходячее преступление. На ней был бордовый шелковый топ с глубоким, соблазнительно драпирующимся декольте-качелями, который держался на тонкой лямке вокруг её изящной шеи, полностью обнажая идеальные смуглые плечи и гладкую спину. На груди поблескивала круглая золотая пряжка. Этот топ переходил в экстремально короткую черную мини-юбку, которая так плотно обтягивала её бедра, что у меня перед глазами всё поплыло от ярости и дикого, животного желания. Тонкие ремешки черных босоножек на умопомрачительном каблуке подчеркивали её длинные, загорелые ноги. В руке она небрежно держала маленькую черную сумочку, а её волосы были собраны в высокую, кокетливую вечернюю причёску.

Матвей, судя по звуку, тоже подавился вином. Он резко поставил бокал на столик и нахмурился.

— И куда это ты в одиннадцать вечера собралась в таком виде? — строго проговорил брат, в упор глядя на сестру.

Каралина, абсолютно не обращая на меня внимания, уверенно подошла к барной стойке и легким движением бросила перед Матвеем свою синюю зачётку.

— Ты сам сказал, что я могу отдыхать, как мне вздумается, если получу «отлично» за этот адский экзамен, — победно вскинув подбородок, проговорила она своим сладким, дерзким голосом. — Я получила. Пятерка уже в заметке и в зачетке. Так что я пошла отдыхать. Мы с Катькой едем в клуб, поэтому ночью меня не жди.

Матвей тут же возмутился, всплеснув руками и багровея от злости:

— Каралина, стоп! Отдыхать — это не значит идти ночью в клуб в юбке, которая едва прикрывает твои трусы! Ты с ума сошла?! Время видели?

— Я уже взрослая, Матвей! — резко оборвала его она, и в её глазах вспыхнул упрямый огонек, который я так сильно любил подавлять. — И я сама решаю, как, где и с кем мне отдыхать. Всё, пока!

Она изящным жестом послала брату воздушный поцелуй, а меня напоследок лишь смерила своим фирменным ледяным, уничтожающим взглядом.

Внутри меня в эту секунду с грохотом рушились последние барьеры адекватности. Какой, к чертям, клуб? Какие танцы в таком виде перед толпой чужих ублюдков? В венах закипал свинец, но я заставил себя внешне остаться абсолютно спокойным.

Я лениво отсалютовал ей своим бокалом с вином, глядя прямо в её вызывающие глаза, и хрипло, с едва заметной усмешкой произнес:

— Хорошего вечера, Карамель. Смотри, чтобы улей обратно не покусал.

Она раздраженно фыркнула и круто развернулась к выходу, покачивая бедрами на своих шпильках.

Матвей снова тяжело опустился на барный стул, в один жадный глоток осушая свой бокал до самого дна.

— Извини, Кир, — устало проговорил он, качая головой. — Она совсем отбилась от рук в последнее время.

Я лениво покрутил вино в своем бокале, глядя на закрытую дверь, за которой только что скрылась Каралина.

— Хочешь, я её догоню и закрою в комнате? — вкрадчиво предложил я, и в моем голосе промелькнула опасная полушутливая нотка. — Ну, как тогда, помнишь? Когда у неё была ветрянка, она вся была в зелёную крапинку, а друзья во дворе пищали и звали её в бассейн? Мы же заколотили то окно.

Матвей хрипло усмехнулся, потянувшись к бутылке и наливая себе ещё вина.

— Ей не шесть лет, Кир. Она уже взрослая. Закройте её в комнате сейчас — означает забыть о её существовании на добрый месяц. Она закроется изнутри, будет злиться, игнорировать меня и посылать всё к чертям. Я не хочу рвать и без того эту тонкую, хрупкую связь между нами после смерти родителей. Мне просто... нужно наконец смириться с тем, что моя Карала выросла. Что в её жизни будут другие мужчины, разбитые сердца и тонны сопливых платков. Но вот это плечо, — Матвей с грустной улыбкой похлопал себя по крепкому плечу, — всегда готово её принять и утешить. Так что пусть развлекается. Немного посплетничают с Катькой, потанцуют и вернётся под утро.

Я сделал глоток, пряча циничную усмешку за краем бокала. Матвей был слишком хорошим, слишком мягким братом.

— Ловко она сидит у тебя на плечах, — усмехнулся я, глядя на друга в упор. — Болтает ножками в своих шпильках и плюет прямо тебе на макушку, а ты и рад.

На это Матвей снова заржал на всю кухню, мгновенно сбрасывая меланхолию.

— Ну уж нет, я тоже умею мстить. Она просто завтра не найдет свои конфеты, — хитро проговорил он.

Я удивленно вытупил на него глаза, застыв с бокалом у губ.

— Конфеты? Она же сама мне вчера в лицо шипела, что вообще не ест сладкое и конфеты не выносит.

Матвей залился искренним, громким смехом, поднимаясь со стула.

— Ну конечно, слушай её больше! Она тебе и не такое наговорит, лишь бы характер показать.

Брат подошел к самому нижнему кухонному ящику гарнитура — в сторону которого я за эти три дня даже ни разу не смотрел. Матвей с грохотом выдвинул его, и я едва не прыснул со смеха. Ящик был доверху, просто тонной забит разным сладким миром: шоколадные

батончики, мармеладки, леденцы, дорогие киндеры и куча упаковок с карамелью. Настоящий склад маленькой контрабандистки.

В голове сразу яркой вспышкой промелькнули её слова: *«Я ненавижу конфеты, Северский! И тебя тоже ненавижу!»*

«Врушка, — ласково подумал я, и внутри меня разлилось приятное, обжигающее тепло. — Маленькая, гордая, лживая Карамелька». Она прятала от меня свои слабости точно так же, как прятала эти конфеты в нижнем ящике.

Я заперся в своей гостевой комнате и до глубокой ночи решал рабочие вопросы. Телефон раскалился от звонков. Внутренний контур штормило, и я буквально рычал в трубку, расхаживая по тёмной комнате.

— Реши этот вопрос без меня! — жёстко отрезал я, прижав динамик к уху. — Если потребуется, ликвидируй проблему прямо на месте. Мне нужен этот товар. И если твои люди его не достанут к утру, я лично закопаю их в таком месте, что их вечность искать будут. И тебя вместе с ними.

На том конце провода послышалось испуганное шипение и торопливые ругательства — пацаны поняли, что я не шучу. Я уже хотел сбросить вызов, как вдруг периферийным зрением уловил еле заметное движение за занавеской открытого балкона. В лунном свете там промелькнула тонкая, хрупкая тень.

Я тут же хищно усмехнулся, мгновенно догадавшись, кто решил поиграть в шпиона в три часа ночи. Тихо, абсолютно бесшумно, как тень, я подошел к балконной двери и одним резким, уверенным движением дёрнул этого маленького лазутчика на себя, втягивая внутрь своей тёмной спальни.

Каралина испуганно пискнула, но я моментально перехватил её за талию, прижимая спиной к своей груди, и закрыл ей рот ладонью. Она судорожно забилась в моих руках, пытаясь вырваться. Я продолжал держать телефон у уха, даже не меняя ледяного тона:

— Сломай ему ноги, если придется, — проговорил я в трубку с глухим, звериным рыком. — Пусть сидит до моего приезда так. Наручники снимешь только после моего приказа. Всё, выполняй.

Отключив телефон, я небрежно швырнул его в карман своих домашних брюк.

Я был только в одних свободных спортивных штанах. Моя широкая грудь, рельефный пресс и руки, полностью забитые тёмными татуировками, были абсолютно обнажены. Каралина, зажата в моих тисках, тяжело и прерывисто дышала, а её аккуратная грудь вздымалась в такт моим собственным вдохам.

В полумраке комнаты, залитой лишь холодным лунным светом, её глаза казались огромными и слегка затуманенными. От неё веяло шлейфом дорогих алкогольных коктейлей, клубным дымом и её сладким парфюмом. Моя Карамелька погуляла на славу. Клубный наряд сидел на ней немного растрепанно.

Я медленно убрал ладонь от её губ, но уходить не дал — перехватил её за запястья, заставляя обернуться ко мне лицом. Наша близость была непозволительной, удушающей. Её дикое сердце колотилось под моими пальцами как сумасшедшее.

Я низко склонился к её лицу, обжигая дыханием её покусанные губы, и лениво усмехнулся:

— Ну что, Карамель? Любопытство снова завело кошку в клетку к чудовищу? Напомни-ка мне, какое наказание положено шпионам в моих сказках?

Каралина, несмотря на хмель и испуг, упрямо дернула подбородком, пытаясь вырвать запястья.

— В твоих сказках чудовище обычно получает пулю в лоб, Северский, — выплюнула она мне прямо в лицо свою ядовитую колкость.

Но поиграть в независимую стерву я ей не позволил. Моё терпение окончательно лопнуло. Одним резким, жестким движением я буквально впечатал её спиной в стену. Моя ладонь поднялась вверх, властно перехватывая её за горло — не сжимая, лишь фиксируя на месте и лишая малейшего шанса на побег.

Каралина тут же напуганно, судорожно вздохнула, замирая в моих тисках. Её зрачки расширились, отражая лунный свет.

Я медленно перевел взгляд с её испуганного, но гордого лица вниз, на её тело. И то, что я увидел, красноречиво доказывало — её тело её же нагло предает. Под этим бордовым шелком не было абсолютно никакого белья. Ткань натянулась, и её соски возбужденно налились, явно просачиваясь сквозь тонкий материал топа от близости моего тела. В моем паху в ту же секунду всё дико загудело. .

— Скажи мне, Кара... — прошипел я, снова возвращаясь взглядом к её лицу и чувствуя, как внутри разгорается пожар. — Как мне тебя наказать? Что-то интересное услышала по телефону?

— Я всё расскажу Матвею, — прошипела она в ответ, хотя её голос предательски дрожал. — Он узнает, кто ты. Он вышвырнет тебя отсюда на улицу, бандит!

Я тихо усмехнулся, сильнее прижимаясь к ней всем своим твердым телом так, чтобы она почувствовала моё желание.

— Расскажи, Карамелька... Обязательно расскажи. Вот только подумай на секунду: кому твой брат поверит? Своему лучшему другу, который ни разу его не предал, или маленькой вредной сестре, которая то и дело выставляет свои иголки просто потому, что конфетка ей сегодня кислая попалась?

Каралина тяжело, шумно сглотнула. Я приблизился ещё ниже, обжигая её губы своим дыханием. Мой большой палец медленно, с давящей нежностью провел по её нижней губе, очертил подбородок и спустился к шее.

— Может, мне и правда спрятать все твои конфетки из нижнего ящика, а? — вкрадчиво прошептал я. — Или, может... просто сорвать с тебя этот вызывающий наряд прямо сейчас?

Она тут же мелко задрожала в моих руках, но бежать ей было некуда.

— Ты права, Карамель. Мы с тобой далеко не брат и сестра. И это, чёрт возьми, приятно осознавать...

Я наклонился к её шее, скользнул выше и коснулся горячими губами самой мочки её уха. Каралина от этого прикосновения натянулась как струна, затаив дыхание.

— А знаешь, почему? — прошептал я ей прямо в ухо, отчего по её коже крупными каплями посыпались мурашки. — Потому что то, что я мечтаю сделать с тобой в этой комнате... с сестрами не делают. Их просто оберегают и защищают от таких ублюдков, как я. А тебя я хочу взять. Всю, до самого остатка.

Моя свободная ладонь медленно скользнула вниз по её бедру, сминая шелк юбки и слегка приподнимая её вверх, оголяя нежную кожу. Каралина судорожно выдохнула и упёрлась обеими ладонями мне в грудь, пытаясь удержать хоть какую-то дистанцию, но её пальцы лишь беспомощно скользили помоей горячей коже.

Я заглянул в её затуманенные, полные дикой страсти и страха глаза и хрипло выдохнул:

— Так как же мне тебя наказать, Кара?

Она судорожно глотнула воздух, её грудь бурно вздымалась касаясь моего тела. Но даже в такой уязвимой позиции её колючий характер никуда не делся. Она попыталась выставить вперед подбородок и выдавить очередную ядовитую колкость:

— Смотри не перетрудишься, дедуля. А то мафиозный радикулит прихватит — Матвею придется тебя из этой комнаты на носилках выносить чтобы дать...

Я не дал ей договорить. Моё терпение мгновенно вылетело в трубу. Наклонившись, я жестко заглушил её слабое сопротивление глубоким поцелуем. Каралина даже не успела закры-

чать. От неожиданности она напрочь забыла, как дышать: её глаза удивленно вытаращились в темноте, а пальцы, которые только что робко упирались мне в грудь, инстинктивно взметнулись вверх и вцепились в мои плечи, до боли сжимая кожу.

Этот поцелуй выжигал всё изнутри. Я полностью потерял контроль, сгорая от её вкуса. Моя ладонь скользнула с её шеи ниже, я стал сжимать её в своих крепких объятиях, практически отрывая от пола. Пальцы с силой впились в её округлые ягодицы через тонкую ткань юбки, прижимая её к своему паху, а вторая рука бесцеремонно смяла её грудь, которая так маняще просачивалась сквозь бордовый шелк топа. Каралина тихо, жалобно промычала мне в губы, и в следующую секунду я отчетливо почувствовал, как её тело обмякло, гордость треснула, и она сама, ведомая взрослой страстью, начала робко, но отчаянно подаваться навстречу моим ласкам.

И именно в этот момент, когда она полностью сдалась, в моей голове будто набатом забил голос Матвея: *«Она моя сестра... Не хочу рвать эту связь...»*

Черт. Черт!

С трудом разорвав этот сумасшедший поцелуй, я резко, одним движением отстранился от неё, едва удерживая загнанное дыхание. Мои руки дрожали. Каралина осталась стоять у стены — покрасневшая, с опухшими, зацелованными губами и затуманенным взглядом.

— А теперь проваливай из моей комнаты, — глухо, леденящим шепотом шикнул я на неё, заталкивая собственное желание поглубже в ад. — Если подобное повторится еще хоть раз, Карамель... я больше не буду себя останавливать. И тогда тебе никто не поможет.

Поняв, что только что произошло и как близко она была к полному падению, Каралина мгновенно протрезвела. В её глазах отразился панический шок. Она судорожно поправила юбку и, не произнося ни слова, сорвалась с места, вылетая обратно на прохладный балкон и скрываясь в своей спальне.

Как только дверь за ней с грохотом захлопнулась, я остался в полной темноте. Тяжело, со стоном потерев лицо обеими руками, я без сил опустился на край кровати. Сердце в груди ломало ребра. Я был на грани того, чтобы уничтожить всё.

Глава 6

Сладкий дефицит

У меня был чёткий, идеально выверенный план на весь оставшийся месяц: тотально, бескомпромиссно игнорировать это татуированное чудовище. Я внушала себе, что между нами абсолютно ничего не произошло. Той ночью я просто была не в себе, алкоголь ударил в голову, а в комнату к нему я забрела лунатиком. Ничего не слышала, ничего не знаю, и вообще — я мирно спала у себя в кровати!

Вот только мой гениальный план трещал по швам. Каждый божий раз, когда я выходила из своей комнаты и сталкивалась с ним в коридоре, я буквально покрывалась пунцовыми пятнами от волнения. Стоило мне поймать его взгляд, как в памяти ураганом пронёсся тот горячий поцелуй, тяжесть его изрисованных чернилами рук на моих бёдрах и его хриплый, порочный шёпот у самого уха.

Кирилл больше не смотрел на меня как на ту маленькую девочку с хвостиками. Теперь в его льдистых глазах горело то, от чего у меня перехватывало дыхание. Он смотрел на меня как на плод вожеления. Жадным, раздевающим, абсолютно собственническим взглядом хищника.

А что я?

Я смотрела на него как на что-то смертельно опасное, дикое и недостижимое. Я отчаянно пыталась убедить себя, что он просто снова играет со мной, как в детстве, только ставки стали гораздо выше. Но если отбросить всю мою обиду и посмотреть на Северского ещё раз — трезво, с точки зрения взрослой женщины... чёрт, он был чертовски порочен. Чертовски красив, сексуален и притягателен той самой тёмной, запретной мужской энергетикой. Идеально очерченные скулы, этот его хищный взгляд, безупречно развитое тело, покрытое шрамами и татуировками.

Насколько он опасен в реальной жизни? Тот ночной разговор, который я подслушала... он правда ломает ноги людям? Правда способен убить? От одной этой мысли волоски на моем теле вставали дыбом, а по коже пробежал ощутимый мороз.

Пытаясь унять внутреннюю дрожь, я быстро, как тень, проскользнула мимо Кирилла, который сидел за барной стойкой и лениво листал что-то в телефоне. Мой организм требовал экстренной дозы эндорфинов. Мне срочно, просто жизненно необходимо было поднабраться сахара, иначе я рисковала прямо сейчас грохнуться перед ним в обморок от паники.

Я резко наклонилась, дёрнула на себя наш секретный нижний кухонный ящик, уже мысленно разворачивая любимый карамельный батончик... но стоило мне заглянуть внутрь, как я замерла.

Там было абсолютно пусто. Моя контрабанда испарилась.

Я так и осталась стоять в согнутом положении, чувствуя, как за моей спиной раздается тихий, до невозможного довольный и хриплый мужской смехок...

Я резко развернулась, яростно нахмутив брови и уперев руки в бока. Кирилл продолжал невозмутимо сидеть за барной стойкой, лениво крутя в руках чашку.

— Северский, быстро вернул всё на место! — прошептала я, готовая разорвать его на куски. — Если из-за твоего мафиозного аппетита у меня начнется сахарная кома, Матвей тебя закопает на той самой стройке.

Кирилл лишь невинно пожал широкими плечами и выдал самую наглую из своих ухмылок:

— А я тут при чём, Карамель? Я ничего не брал. И понятия не имею, что там вообще лежало. Может, мыши съели? Крупные такие.

— Матвей! — во весь голос крикнула я на весь дом, чувствуя, как закипаю.

Брат тут же выплянул сверху, лениво оперевшись на перила второго этажа. — Ну чего ты орешь с утра пораньше, Краля?

— Матвей, где моя заначка?! — проговорила я, обиженно надувая губы и указывая пальцем на пустой ящик.

— Ты пришла слишком поздно, Караля, поэтому я их перепрятал, — улыбаясь, отозвался брат, даже не думая меня спасти.

Я отчаянно зарычала и принялась яростно рыться по всем остальным шкафам и ящикам кухни, с грохотом выдвигая их один за другим. Но там были только крупы и кастрюли.

— Верни хотя бы одну! — взмолилась я, оборачиваясь к лестнице. — Пожалуйста!

— Прости, малышка, но ты наказана, — непреклонно отрезал Матвей.

— Я вернулась нормально! Не было и двух ночи! — попыталась оправдаться я, хотя сердце предательски екнуло.

— Ты пила алкоголь, — строго отозвался брат.

Я замерла, и в моих глазах вспыхнул яростный, дикий огонь. Я медленно перевела взгляд на Кирилла. Тот сидел с максимально честным лицом, но в глубине его льдистых глаз плясали черти. Стукач! Чертов татуированный стукач!

— Откуда тебе-то знать?! — прошипела я Матвею, но мой уничтожающий, полный ненависти взгляд был намертво прикован к Северскому.

— Я заходил к тебе с утра в комнату, чтобы забрать пустой стакан, — спокойно ответил сверху брат. — Там перегар стоял такой, как будто ты выпила бочку виски в одиночку.

— Неправда! — смущённо и зло проговорила я, резко оборачиваясь к Кириллу.

Тот лишь лениво пожал плечами, безмолвно говоря: «А я что? Я ничего не говорил». Но мы оба знали, кто устроил мне эту сладкую блокаду.

Внутри меня сорвало все предохранители. Забыв про всё на свете, я схватила со стола кухонное полотенце, скрутила его в жгут и яростно побежала за братом вверх по лестнице.

— Я выкину твою приставку, понял?! — кричала я на ходу, размахивая полотенцем, пока Матвей со смехом уворачивался от моих ударов на втором этаже. — Я разобью её молотком и сброшу с крыши! Ты у меня три месяца в гонки на калькуляторе играть будешь!

— Придется отдать все твои запасы в детский дом, — внезапно донесся снизу спокойный, но пугающе холодный голос Кирилла.

Эти слова ударили меня прямо под дых. Я мгновенно замерла со вскинутым полотенцем. Матвей тоже резко перестал смеяться и застыл на месте, растерянно глядя на друга.

Детский дом.

Это словосочетание мгновенно вскрыло самую страшную, гноящуюся рану в моей душе. Напоминание о том, как после смерти родителей Матвей зубами вырывал у органов опеки право оставить меня себе, чтобы нас не раскидали по разным сторонам. Но восемнадцатилетнему пацану тогда никто не поверил. Меня всё равно забрали на долгих три года, и пока мой брат буквально выгрызал законное право меня опекать, работая на износ и судясь с системой, я жила в этом сером казенном аду. Одинокая, брошенная всеми маленькая девочка.

Кирилл, который когда-то держал меня за руку у могилы и клялся, что никуда не денется, не просто нарушил обещание. Он даже не знал, через что мне пришлось пройти, пока его не было в городе. А теперь этот мафиози хладнокровно шутит про место, которое снится мне в кошмарах.

В глазах мгновенно вскипела горячая пелена слез. Обида, злость и дикая боль смешались в один удушающий ком. Я с размаху бросила кухонное полотенце прямо на пол к ногам Матвея. Стрельнула в брата раненым, полным слез взглядом, в котором читалось обвинение: «Зачем

ты пустил этого монстра в наш дом?», и просто убежала в свою комнату, с силой захлопнув дверь и повернув замок.

Спустя два долгих часа, выплавав все девичьи слезы в подушку, я решила сделать им всем назло. Хватит страдать и запираяться в четырех стенах. Пусть давятся сами своими конфетами!

Я собралась по максимуму. Накрасилась ярче обычного и оделась тоже исключительно назло этим двум собственникам. Мой наряд кричал о бунте: белый обтягивающий топ-кроп в рубчик полностью оголял плоский живот и загорелую спину, а экстремально короткие джинсовые шорты с высокой талией, дерзкими рваными разрезами и бахромой по краям едва прикрывали ягодицы. Дополнили образ темные солнцезащитные очки, изящные золотые часы на запястье и большая брендовая сумка-тоут на плече.

Цокая каблуками совершенно новых, только что распакованных босоножек, я уверенно направилась на выход. Брата внизу не оказалось.

— Матвей, где ключи от машины?! Ты обещал её забрать из сервиса! — крикнула я снизу вверх, надеясь, что он уже пригнал мою иномарку.

— Прости, Краля, но я ещё не успел, дико много работы в офисе! — Матвей тут же высунулся через перила второго этажа... и замер на месте, подавившись воздухом. Его глаза округлились. — Караля, твою мать! У тебя все булки навывкат! Я тебя в монашки отдам, если не прекратишь так ходить!

— На улице жара тридцать семь градусов! — яростно огрызнулась я, вскинув голову. — Хочешь, чтобы с меня там текло огромной лужей? Мне дышать нечем!

— Куда ты вообще собралась? — прошипел брат, уже стремительно спускаясь по лестнице, взбешенный моим внешним видом.

— За сладким! Мне срочно нужно что-то вкусное, раз кое-кто решил поиграть в строгого папочку и отобрал мои запасы!

В этот момент из своей комнаты лениво вышел Кирилл. Стоило ему мазнуть по мне взглядом, как я физически ощутила, как по его телу прошла судорога, а тяжелая мужская челюсть сжалась до белых пятен на коже.

Заметив эту реакцию, я решила пойти ва-банк. Я демонстративно, медленно наклонилась вперед, выставив свои обтянутые денимом округлости прямо перед их лицами, чтобы якобы поправить застежку на босоножке.

— Караля, твою мать! Имей совесть! — шумно выдохнул и шикнул брат, закрывая глаза рукой.

Я тут же резко выпрямилась и развернулась к ним лицом, невинно хлопая ресницами:

— Что я сделала? Матвей, ты начинаешь вести себя глупо.

— Это ты тут задницу нам свою показываешь! Мы не на порносите, Каралина! — Матвей уже всю багровел от злости. — Иди переоденься поприличнее что-нибудь накинь! Платье в пол, штаны... или что там еще нормальные девушки носят?

— Ты собралась идти на улицу в одних трусах? — внезапно подал голос Кирилл. Его тон был настолько низким, глухим и угрожающим, что у меня инстинктивно перехватило дыхание.

Я демонстративно оглядела свой внешний вид, оценивая шорты.

— По-моему, всё на месте. И вообще, Северский, это не твое собачье дело, — я лишь независимо откинула длинные каштановые локоны назад и повернулась к брату. — Матвей, вызови мне такси.

— Кирилл, отвези её, куда ей надо, — тут же скомандовал Матвей, устало потирая переносицу. — А то у меня важная встреча через час, я еще не всё подготовил по документам. Спасай.

Северский вместо ответа лишь лениво, хищно кивнул, засовывая руки в карманы.

— Нет! — тут же панически крикнула я, пятясь к двери. — Я лучше на автобусе тогда доеду! Или пешком дотопаю!

Матвей недоуменно выгнул бровь, переводя взгляд с меня на друга. Кирилл сделал плавный шаг вперед, сокращая между нами расстояние, и его губы тронула леденящая душу ухмылка:

— Дуется за конфеты... — хрипло проговорил он, выдавая брату удобную версию моей истерики.

Прежде чем я успела хоть что-то возразить, Кирилл железной хваткой подхватил меня под локоть, практически лишая опоры под ногами, распахнул дверь и просто вывел меня на раскаленную улицу, навстречу своей машине.

Сказать, что мы мило сели в машину, спокойно побеседовали и обсудили все наши колкие моменты? Нет, нет и ещё раз нет! Меня просто бесцеремонно запихнули на переднее сиденье, пристегнули ремнем безопасности, как какую-то опасную воровку, чтобы я точно не вздумала сбежать на ходу, и лихо увезли к чёрту на куличики. Причём этот татуированный гад даже не поинтересовался, куда конкретно мне надо.

Всю дорогу в салоне стояло такое напряжение, что воздух, казалось, можно было резать ножом. Кирилл с такой силой сжимал руль, что его изрисованные чернилами руки буквально скрипели на дорогой коже. Он что-то яростно бурчал себе под нос, а когда его телефон неумолимо разрывался от звонков, он просто рявкал в динамик: *«Занят! Мне вообще наплевать, кто там у вас сдохнет первым! Приеду — разберусь!»* — и со злостью сбрасывал вызов.

После десятиминутной удушающей тишины он всё же тяжело, шумно выдохнул. Слегка повернул голову, мазнув по мне сложным, потемневшим взглядом, а потом снова забубнил что-то нечленораздельное, зло потирая переносицу. Посмотрев на весь этот сольный концерт, я мысленно съязвила: *«Ну прямо победный мачо Книги рекордов Гиннеса по всем временным показателям агрессии, ревности и психоза! Дайте ему медаль»*.

— Извини, — вдруг глухо выдал он. Это было сказано мягко, непривычно тихо и с реальным, искренним извиняющимся тоном, от которого у меня внутри всё на секунду замерло. — Я не знал про детский дом, — тихо отозвался он, глядя на дорогу.

Видимо, братец всё-таки успел посвятить его в подробности нашего прошлого за те двадцать минут, пока я штурмовала гардеробную после своего психа. На мгновение к горлу подкатил горький ком, но я быстро взяла себя в руки. Скрывая за колючками старую боль, я демонстративно отвернулась от него к тонированному окну, глядя на пролетающие мимо пейзажи.

— Тебе и незачем было это знать, — сухо и безразлично отозвалась я, крепче сжимая лямку своей сумки. — Мы чужие люди, Северский. Прекрати уже лезть в мою жизнь, ясно? Тебя в ней нет.

— Кто бы говорил, — моментально отозвался он, и его пальцы снова сжали руль до белых костяшек. — «Прекрати лезть»? Тогда почему твой любопытный нос так и норовит лазить на общем балконе каждый божий вечер, м?

Я тут же замерла на месте, чувствуя, как щеки предательски обдаёт жаром. Нападать в ответ — лучшая защита.

— Ничего я не лазаю! — попыталась я яростно воспротивиться, так и не поворачивая к нему лица. — Больно надо за тобой следить!

— Ну конечно, — Кирилл опасно прищурился, притормаживая на светофоре и полностью поворачиваясь в мою сторону. Его глаза буквально пригвоздили меня к кожаному креслу. — И этот твой сегодняшний бунтарский наряд... Что ты им хотела сказать, Карамель? Что тебе на всё плевать? Или... что ты чертовски хочешь меня?

От его самоуверенности у меня челюсть едва не отвисла. А он, нагло и не скрываясь, медленно опустил взгляд к моим голым бедрам в рваных шортах и добавил:

— Или, может быть, ты решила просто показать мне всё и сразу, чтобы я окончательно сорвался?

— Пошел ты! — тут же вспыхнула я, яростно разворачиваясь к нему всем телом. — Как хочу, так и одеваюсь! На улице лето, если ты не заметил. И вообще... у меня парень есть! Слышал? Настоящий, адекватный парень. Так что не набивай себе цену, дедуля. До тебя мне нет никакого дела!

Кирилл на мое упоминание Макса и «дедулю» лишь хищно, до опасного блеска в глазах сузил зрачки, и машина с диким ревом мотора сорвалась с места, унося нас дальше вглубь города...

Он привёз меня на набережную. Стоило машине замереть на парковке, как я пулей вылетела на улицу, даже не успев толком сообразить, куда именно мы приехали. Но сбежать из-под его тяжелого взгляда мне не удалось — Кирилл вышел следом. Его длинные, уверенные шаги в два счета сократили расстояние между нами, и он ловко перехватил меня за запястье, потащив в сторону видневшегося впереди летнего заведения.

— Да отвали ты, а! — тут же зашипела я, отчаянно вырываясь и пытаюсь разжать его железные пальцы. — Хватит меня таскать как послушную собачку!

Стоило нам сделать всего пару шагов по деревянному настилу от парковки, как дорогу нам преградил проходящий мимо парень. Заметив мои короткие рваные шорты, голый живот и то, как я отчаянно сопротивляюсь, он решил проявить благородство.

— Девушка, у вас всё нормально? — поинтересовался он, косясь на Кирилла. — Нужна помощь?

Кирилл даже не замедлил шаг. Он лишь на секунду обернулся, и его глаза опасно сузились, превращаясь в два смертоносных лезвия.

Ф— Если прямо сейчас не отвалишь, — глухо, со стальным скрежетом шикнул на него Северский, — помощь нужна будет тебе. И не здесь, а в ближайшем травмпункте. Шевели лапами, пока я добрый.

Парень мгновенно побледнел, оценив масштабы этой груды мышц, и поспешил раствориться в толпе.

— Ты просто чудовище! Безжалостное, дикое чудовище! — прошипела я на него, но руку из его хватки уже не вырывала. Не хватало еще, чтобы этот псих действительно прямо на глазах у отдыхающих кого-нибудь поломал из-за своей дурной ревности.

— А ты моя красавица, Карамель, — вкрадчиво, с леденящей душу усмешкой проговорил он, открывая передо мной стеклянную дверь и уверенно усаживая за дальний столик у окна.

По-хозяйски пододвинув ко мне ламинированное меню, Кирилл вальяжно откинулся на спинку стула и тут же стал выбирать что-то для себя.

Я со злостью выдохнула и огляделась. Кафе было огромным, двухэтажным, с высокими потолками и панорамными окнами, из которых открывался роскошный вид на реку и плывающие мимо теплоходы. Внутри было много посетителей — от семейных пар до шумных студенческих компаний. В воздухе стоял умопомрачительный, густой аромат свежемолотого кофе, теплой коричной выпечки и ванили. Интерьер радовал глаз: обилие живой зелени в огромных кадках, мягкие диванчики цвета морской волны и стильные плетеные светильники. Настоящий рай для сладкоежек.

И всё, чего я сейчас хотела от этой жизни — это сладкого. Много, приторно и желательно так, чтобы у Северского от одного вида моей тарелки зубы заныли.

Когда к нам подошел официант, я, не глядя в меню, выдала свой манифест независимости:

— Мне, пожалуйста, большой кусок торта «Прага», шоколадный коктейль со взбитыми сливками и три шарика карамельного мороженого с топпингом.

Кирилл лишь лениво приподнял бровь, глядя на этот углеводный взрыв, и сухо бросил парню:

— Мне просто черный кофе. Без сахара.

Официант быстро кивнул и испарился. В воздухе снова повисло тяжелое, удушающее электричество. Я сложила руки на груди, демонстративно выставив вперед свои обтянутые белым топом плечи, и со всей доступной мне стервозностью посмотрела в его глаза.

— Ну и чего ты сидишь? Заказ сделан, долг перед Матвеем выполнен. Может, ты уже уйдешь, Северский? — ледяным тоном проговорила я, надеясь пробить его непробиваемую броню. — Дальше я сама справлюсь. Без твоего конвоя.

— У нас свидание, — спокойно отозвался он, сверля меня своим тяжелым, немигающим взглядом, и просто лениво сложил руки в замок на столе.

— Чего?! — тут же хихикнула я, причем сделала это так громко и фальшиво, что пара человек за соседними столиками невольно обернулись в нашу сторону. Я поправила солнцезащитные очки на носу и ядовито добавила:

— Извини, Северский, но я с пожилыми на свидания не хожу. Мой лимит на благотворительность в этом месяце исчерпан.

На мою явную грубость Кирилл лишь едва заметно дёрнул уголком губ, ни капли не обидевшись.

— Я ровесник твоему брату, Карамель. Мне всего двадцать восемь.

— Для меня ты стар, ясно? — отрезала я, упрямо вздернув подбородок. — Максимум, что мы можем для тебя сделать — это проводить тебя на медицинское обследование. У тебя явно не все дома, раз ты путаешь семейную принудилровку от Матвея с романтической прогулкой.

Кирилл лениво наклонился вперед, опираясь локтями о стол и сокращая расстояние между нами до опасного минимума. Из-под расстегнутого ворота его рубашки хищно мазнули чернильные татуировки. — Да неужели? Тогда следующий поход после сладкого ты планировала сделать на карусели? Ведь получается, если я для тебя старый, то ты у нас малышка ещё? Маленькая девочка в коротких шортиках, которая капризничает без сахара.

Я открыла было рот, чтобы выдать ему самую сокрушительную колкость в его жизни, но к нам как раз вовремя подошел официант. Он аккуратно расставил на столе мой углеводный рай: лоснящийся шоколадом кусок «Праги», высокий стакан коктейля со взбитыми сливками и креманку с карамельным мороженым.

— И слюнявчик, будьте добры, — внезапно обратился Кирилл к парню-официанту, даже не моргнув глазом. — Переживаю, что девочка может обляпать свой... бунтарский наряд.

Официант судорожно сглотнул, из последних сил сдерживая профессиональную улыбку, быстро кивнул и буквально испарился от нашего столика. Мои щеки мгновенно вспыхнули от ярости и смущения. Я со всей силы просверлила Северского уничтожающим взглядом, готовая прямо сейчас вонзить в него приборы.

— Грязное чудовище, — отчетливо шикнула я ему в лицо, демонстративно проигнорировав его издевку, и со злостью впилась своей маленькой вилкой в сочную мякоть торта.

Я запихала приличный кусок «Праги» в рот, надеясь, что сладость заглушит то дикое, сумасшедшее сердцебиение, которое этот гад вызывал во мне одним лишь своим присутствием. Он сидел напротив, неторопливо попивая свой горький черный кофе, и в его глазах плясало такое откровенное торжество, что мне захотелось вылить на его чистую рубашку еще и этот шоколадный коктейль...

Как только я восполнила свой дефицит сахара, мир вокруг перестал казаться таким беспросветно мрачным. Настроение стремительно поползло вверх — я вроде как даже подобрела и начала невольно улыбаться, пока мы неторопливо бродили по набережной под палящим июльским солнцем. На пару минут я даже забыла, какая опасная тень висит за моим плечом.

Но стоило нам сесть в машину и поехать в сторону дома, как этот негодяй включил режим максимального издевательства.

Кирилл демонстративно провез меня мимо пяти разных детских площадок, специально притормаживая у каждой из них. Он вальяжно крутил руль одной рукой, косился на меня через свои темные очки и абсолютно уверенным, вкрадчивым голосом обещал, чтобы я сходила покаталась и он будет пристально следить за мной. Пообещал, что лично проконтролирует, чтобы меня во дворе никто не вздумал приманивать бездомными котятками, не подкупал дешевыми конфетами и, упаси боже, не утащил в темный переулок.

На весь этот бред мне оставалось только яростно фыркать, складывать руки на груди и демонстративно отворачиваться к окну. Тоже мне, нянька с пистолетом выискалась!

Правда, на фоне пережитого стресса мой желудок коварно потребовал вторую волну углеводного штурма. Мне до безумия, просто до дрожи в пальцах захотелось съесть целую упаковку свежих эклеров с жирным кремом или огромную, горячую, сочную булку с черешневой начинкой из местной пекарни.

— Заверни в кондитерскую на углу, — потребовала я, требовательно ткнув пальцем в сторону вывески. — Мне срочно нужна булка.

На мою капризную просьбу Северский лишь громко, во весь голос рассмеялся. Он лениво окинул меня взглядом и выдал:

— Куда в тебя столько лезет, Карамель? С такими аппетитами у тебя скоро из этих шорт задница будет вываливаться во все стороны, как дрожжевое тесто из кадушки.

Я от возмущения даже воздух ртом захлопнула. Ах так?! Тесто?!

— Знаешь ли, на хорошую и качественную выпечку всегда есть повышенный спрос! — моментально отозвалась я, ядовито прищурившись и с вызовом посмотрев на его идеальный профиль. — Так что одна я со своим «тестом» точно не останусь. Покупатели быстро выстроятся в очередь, дедуля.

Кирилл от моей наглости тут же подавился собственными словами. Его смех мгновенно оборвался. Он резко крутанул руль, перестраиваясь, и снова смерил меня таким злым, потемневшим и собственническим взглядом, что у меня по спине пробежал ощутимый разряд тока.

Но, вопреки моим ожиданиям, Кирилл не стал читать нотации. Вместо этого он молча затормозил у самой лучшей кондитерской на углу, заглушил мотор и вальяжно вышел из машины.

Его не было минут десять. Когда дверь авто снова распахнулась, Кирилл запрыгнул на водительское сиденье, держа в руках огромный, шуршащий крафтовый пакет, от которого на весь салон умопомрачительно запахло свежей выпечкой и растопленным шоколадом. Он молча швырнул пакет мне на колени.

Стоило мне заглянуть внутрь и покопошиться в этих крафтовых свертках, как я буквально вытянулась в лице от шока. Он скупил половину витрины! Там лежал мой самый любимый французский эклер в густом темном шоколаде, огромная пышная булка с черешней, еще одна с черникой, сочень с творогом, булка с маком и даже отдельная коробочка с новомодным пирожным «Сникерс». Следом за пакетом мне на колени прилетела холодная бутылка минералки и банка воды с лимоном.

Я ошарашенно посмотрела на него, хлопая ресницами и не понимая, откуда в этом безжалостном мафиози столько скрытой заботы.

— И в заключение... — низким, пробирающим до костей голосом отозвался он.

Прежде чем я успела издать хоть звук, Кирилл резко захлопнул свою водительскую дверь, мгновенно сократил расстояние между нами, нависая над коробкой передач, и склонился к моему лицу. Он перехватил мой подбородок и оставил на моих губах быстрый, но невероятно глубокий и горячий поцелуй. Это длилось всего секунду, но меня прошибло таким мощным разрядом тока, что от неожиданности аж судорога в ногу стрельнула.

— Спасибо... — только и смогла беспомощно прошептать я, пока в голове всё плыло, а мысли путались. Я совершенно ничего не соображала после этого внезапного нападения.

А потом я судорожно трянула головой, пытаясь прийти в себя. Хорошо, что на мне всё ещё были огромные солнцезащитные очки! Иначе мне было бы безумно, до пылающих щек стыдно смотреть ему в глаза вот так напрямую, выдавая всю свою растерянность и вспыхнувшее желание.

Кирилл лишь медленно облизнул свои губы, смакуя мой вкус, хищно усмехнулся и сорвался с места, направляя машину в сторону дома. А я осталась сидеть на пассажирском сиденье, прижимая к себе пакет со сладостями, чувствуя, что буквально микроинсульт получила от этого Северского. Сердце колотилось как бешеное, и я окончательно поняла: этот раунд остался за чудовищем.

Глава 7

Из плоти и стали

Кирилл

Прошла ещё одна неделя. Отношения между мной и моей Карамелью оставались натянутыми до предела, напоминая оголённый провод под напряжением. Но я намеренно не давил на неё. Моя тёмная, пугающая даже меня самого одержимость не должна была сломать её хрупкий мир, а уж тем более — разрушить многолетнюю дружбу с Матвеем. Я терпеливо ждал, пока горькая сладость этой девчонки сама приведёт её в мои руки. К тому же, криминальный синдикат требовал моего личного, жесткого присутствия: в последнее время мне приходилось выезжать по важным делам почти на целые сутки и возвращаться в особняк глубокой ночью.

Один из таких дней выдался по-особенному мрачным. В три часа ночи мы стояли на территории одного из заброшенных, полуразрушенных заводов на окраине города. Вокруг царил зловещая тишина, нарушаемая лишь свистом ветра сквозь разбитые панорамные окна и редким падением капель дождевой воды где-то в глубине пустых цехов. Воздух был пропитан запахом сырости, ржавого железа и мазута.

Оперевшись бедром о край старого стола, заваленного какими-то пожелтевшими чертежами и картами, я лениво крутил в пальцах, обтянутых черным латексом, хирургический острый скальпель. Холодное лезвие хищно поблескивало в скупом свете единственной зажженной свечи.

Передо мной, привязанный к железному стулу посреди цеха, сидел продажный пёс. Ничтожество, которое ради своей гордости и легких денег когда-то продало собственную жену на потеху другим ублюдкам. А теперь этот смертник решил кидануть ещё и меня — пригребастал себе крупную сумму из последнего транша, наивно думая, что я не замечу. Он решил, что раз у Северского и так слишком много миллионов, то пропажи никто не хватится.

Идиот. Я помнил каждую копейку в своей империи. Я знал точную, идеальную цифру на своем счете до самого последнего чертова рубля.

Я медленно подошел к нему. Лезвие скальпеля с легким нажимом коснулось его кожи. Я неторопливо, аккуратно вырисовывал на его груди узоры, едва заметно пуская первую кровь, а он орал как бешеный, дергаясь в путах, плевая и брызгая слюной от дикого страха и боли.

— Пожалуйста, Северский! Хватит! Я всё верну! — истошно хрипел он, задыхаясь.

Я лишь лениво приподнял бровь, наклоняясь к его лицу. Мне важно было узнать, кто из крыс работает с ним в связке, прежде чем его безжизненное тело найдут в грязной сточной канаве на окраине.

Либо же вообще не найдут — этого я для себя ещё окончательно не решил...

Я долго мучил этого предателя. Процесс затянулся, потому что ублюдок постоянно отключался от боли и страха, и мне приходилось терпеливо ждать, пока он вынырнет обратно из отключки, чтобы продолжать снова. Но в моем бизнесе терпение — это такое же оружие, как и скальпель в моих пальцах.

И вот, как только с его разбитых губ наконец сорвалось нужное мне имя, всякая жалость во мне испарилась. Я с силой оторнул его стул ногой, и это ничтожество вместе со своей железной опорой с грохотом покатилося по разбитому, покрытому цементной пылью бетонному полу цеха.

— Избавьтесь от него, — глухо проговорил я, брезгливо сплюнув на землю и доставая из пачки сигарету.

Парни из охраны без слов шагнули из темноты, подхватывая хныкающего ублюдка. Вот и всё. Это было всё, что мне необходимо. Имя крысы у меня в кармане, а значит, чистка синдиката продолжится.

Я вернулся в особняк уже под самое утро, когда небо над сосновым бором только начало окрашиваться в нежно-розовые тона. Измотанный до предела, слегка в чужой крови — но благодаря черному цвету моей рубашки это месиво практически не было заметно. Стараясь не шуметь, я проскользнул в свою гостевую комнату. Скинул с себя всю пропитанную запахом пороха и чужого тела одежду, закинул шмотки в стиральную машину и тут же запустил быстрый цикл стирки, чтобы уничтожить любые улики.

После этого я встал под ледяной душ, смывая с кожи липкую грязь этой ночи. Вода приятно остужала горящие мышцы. Выйдя из кабины, я даже не стал обтираться полотенцем или прикрываться им — в доме в такой час все спали без задних ног. Я просто вышел в комнату полностью обнаженным, лениво взъерошивая мокрые темные волосы руками, как вдруг...

— А-а-ах! — раздался внезапный, умопомрачительно смешной и испуганный девичий писк прямо у меня под ухом.

Я тут же замер на месте, напрягая каждую мышцу, и резко повернул голову к выходу. В дверях моей спальни стояла Каралина. Видимо, дверь была приоткрыта. Она во все глаза, не моргая, смотрела на меня сверху вниз, сканируя каждую татуировку, кубики пресса и... всё остальное. Её аккуратное личико мгновенно, за долю секунды, покраснело до цвета спелой вишни. Бедная девчонка от шока даже пошевелиться не могла, застыв как вкопанная.

— Я... э-э-э... — тут же запинаясь, проговорила она, наконец приходя в себя. Она резко развернулась на пятках, пытаясь убежать обратно в коридор.

Но я был быстрее. Намного быстрее. Сократив расстояние между нами в один бесшумный шаг, я с резко прихлопнул дверь ладонью, закрывая её прямо у неё перед самым носом. Каралина так и замерла, испуганно прижавшись лицом к косяку и стоя ко мне спиной. Из-за её частого дыхания лопатки под тонкой майкой мелко дрожали.

— Ты что-то хотела? — вкрадчиво прошептал я ей на самое ухо, обжигая влажным дыханием кожу.

Я медленно протянул руку и аккуратно убрал её густые локоны на одно плечо, полностью обнажая для себя её незащищенную, пахнущую ванилью шею. От моей пугающей близости и абсолютной наготы за её спиной Каралина сжалась еще сильнее.

— Да... — тут же заткнулась она, сглотнув ком. Но тут же затараторила, пытаясь спастись: — Но я потом... да... потом зайду!

— Время пять утра, Карамель, — тихо усмехнулся я, ловя губами её судорожный вздох. — Что тебе надо так рано?

Одним плавным, но властным движением я перехватил её за плечи и развернул к себе лицом. Но Каралина лишь крепко-крепко зажмурилась, отказываясь открывать глаза и судорожно вжимая голову в плечи.

— Ты уже и так всё посмотрела, — усмехнулся я, наклоняясь ниже.

— Я ничего не видела! — пискнула она, а её щеки, казалось, сейчас загорятся. — Отойди! Слышишь? Отойди от меня! — она тут же смешно замахала своими маленькими руками перед собой, пытаясь отгнать меня от своего тела, как назойливое насекомое.

— Зачем пришла? — уже строго, без капли издевки спросил я.

Я снова жестко вжал её спиной в дубовую дверь и властно взял рукой за горло — не Но я был быстрее. Намного быстрее. Сократив расстояние между нами в один бесшумный прыжок, я с размаху прихлопнул тяжелую деревянную дверь ладонью, закрывая её прямо у неё перед самым носом. Каралина так и замерла, испуганно прижавшись лицом к косяку и стоя ко мне спиной. Из-за её частого дыхания лопатки под тонкой майкой мелко дрожали.

— Мне... мне нужны ключи от машины, — едва слышно проговорила она, с трудом сдерживая дрожь. — Матвей спит, а они у него в комнате...

— Зачем?

— Ты что-то хотела? — вкрадчиво прошептал я ей на самое ухо, обжигая влажным дыханием кожу.

Я медленно протянул руку и аккуратно убрал её густые каштановые локоны на одно плечо, полностью обнажая для себя её незащищённую, пахнущую ванилью шею. От моей пугающей близости и абсолютной наготы за её спиной Каралина сжалась ещё сильнее.

— Да... — тут же заткнулась она, сглотив ком. Но тут же затараторила, пытаясь спастись: — Но я потом... да... потом зайду!

— Время пять утра, Карамель, — тихо усмехнулся я, ловя губами её судорожный вздох. — Что тебе надо так рано?

Одним плавным, но властным движением я перехватил её за плечи и развернул к себе лицом. Но Каралина лишь крепко-крепко зажмурилась, отказываясь открывать глаза и судорожно вжимая голову в плечи.

— Ты уже и так всё посмотрела, — порочно усмехнулся я, наклоняясь ниже.

— Я ничего не видела! — пискнула она, а её щеки, казалось, сейчас загорятся. — Отойди! Слышишь? Отойди от меня! — она тут же смешно замахала своими маленькими руками перед собой, пытаясь отгнать меня от своего тела, как назойливое насекомое.

— Зачем пришла? — уже строго, без капли издевки спросил я.

Я снова жестко вжал её спиной в дверь и властно взял рукой за горло — не сжимая, но фиксируя на месте. Каралина тут же распахнула свои огромные, вытаращенные глаза, испуганно глядя исключительно на мое лицо, боясь опустить взгляд хоть на сантиметр ниже.

— Мне... мне нужны ключи от машины, — едва слышно проговорила она, с трудом сдерживая дрожь. — Матвей спит, а они у него в комнате...

— Зачем?

— Съездить с подружками на пикник за город. Я все экзамены сдала, у меня теперь официальные каникулы, имею право! — в её голосе снова попыталась прорезать бывшая дерзость.

— И кто едет? — лениво уточнил я, продвигаясь бедром ещё ближе к ней.

— Э-э-э... Мы едем парами. Катка со своим парнем, ну и...

— И кто едет с тобой? — мой голос упал до опасного, леденящего ультразвука.

— Максим... — едва слышно прохрипела она.

В ту же секунду внутри меня сорвало все чертовы предохранители. Мозг затопило. Этот соплёк снова крутится возле моей девчонки?! На пикник с ночевкой?!

— Исключено! — прорычал я ей прямо в губы, и в моих глазах вспыхнуло безумное пламя, которое видело ничтожество на заводе пару часов назад. — Ты никуда не поедешь.

Я резко отстранился от неё, оторвал её руку от двери и с силой притянул к себе, заставляя почувствовать всю мою дику, мужскую злость. — Слушай меня сюда, Карамель. Если я хоть раз увижу кого-то из этих соплёков рядом с тобой ближе чем на метр... ему я лично переломлю хребет на твоих глазах. А тебя — трахну прямо при всех них, посреди этого чертова пикника, уяснила?! Чтобы каждый ублюдок в этом городе раз и навсегда знал, чья ты.

Каралина от моих страшных, грязных слов впала в полный ступор. Её губы задрожали, а в глазах заблестели слезы. — Ты... козлина... Да как ты смеешь?! — неистово зашипела она, пытаясь ударить меня.

Но я не стал слушать её крики. Моё терпение на сегодня было исчерпано. Перехватив её за талию, я просто выставил её за дверь своей комнаты в коридор и с глухим стуком захлопнул створку перед её носом, поворачивая замок. Внутри меня всё продолжало гореть синим пламенем. Она доведет меня. Эта маленькая, горькая Карамелька доиграется до того, что я запру её в этой комнате навсегда...

Я проспал до самого вечера. Ночная чистка на заводе и утренний ураган в лице Каралины высосали из меня все силы. Проснуться в районе пяти часов дня и узнать от друга, что его младшая сестра сбежала из дома с огромной спортивной сумкой и втихаря стащенными ключами от машины, было, конечно, катастрофой.

Матвей рвал и метал, у него срывалась важнейшая сделка, а колес под задницей не осталось. В итоге мне пришлось отдать свои ключи от внедорожника другу, а самому тащиться на другой конец города на такси, чтобы забрать из сервиса иномарку Каралины после планового ТО. И вот картина маслом: я, двухметровый мафиозный авторитет, весь в татуировках и шрамах, злой как черт еду по трассе на миниатюрной сиреневой машинке. Внутри меня всё буквально разрывало от ярости. Маленькая дрянь всё-таки нарушила мой прямой запрет.

Я резко нажал на кнопку вызова на панели и бросил телефон рядом на пассажирское сиденье, включив громкую связь. Трубку сняли после третьего гудка.

— Аллю, — тут же отозвался бодрый, весёлый голосок моей Карамели. На заднем фоне играла какая-то клубная музыка и смеялись сопляки.

Я крепче сжал руль, заставляя свой голос звучать обманчиво спокойно, хотя в венах кипел свинец:

— Я вроде бы тебе очень ясно дал понять Карамель, на что ты рассчитываешь, если уедешь. Ты мои слова мимо ушей пропустила? Где ты находишься?

— Где надо, — отозвалась она абсолютно спокойно и даже с какой-то издевательской гордостью. — Мой брат знает, где я. А ты... да ты вообще никто, Северский. Слышишь? Никто. Поэтому отвали от меня.

И она сбросила вызов. В динамике раздались короткие гудки.

«Никто, значит... Отлично. Мы это очень скоро исправим», — подумал я, и на моих губах заиграла леденящая душу, хищная улыбка чудовища. Она сама только что подписала приговор своему пикнику.

Я тут же, не теряя ни секунды, набрал номер Матвея. Ждать, пока он сам во всем разберется, времени не было — ревность выжигала мне легкие.

— Матвей, твоя благородная сестрёнка уехала за город со своим Максимкой, — жестко, без прелюдий соврал я другу в трубку, зная, на какие рычаги давить. — И если ты не хочешь стать дядей как можно быстрее, то тебе лучше вернуть её домой. Ну или скажи мне адрес, где эта база отдыха. Я как раз на её машине, заберу эту дуру.

Матвей на том конце провода мгновенно пришел в ярость. Он грязно выругался, пообещал запереть Каралину в подвале на год и быстро продиктовал мне координаты загородного кемпинга у озера.

Я успешно добрался туда за два часа, выжимая из сиреневой малолитражки всё, на что она была способна. Машина влетела на парковку турбазы, подняв тучу пыли.

Глава 8

Замкнутый круг

Загородная турбаза встретила нас оглушающим ароматом сосновой смолы, жара и свежесть. Это было потрясающее уединенное место: вековые корабельные сосны обступали зеркальную, абсолютно гладкую гладь огромного лесного озера, в котором лениво отражалось заходящее багровое солнце. Вдоль берега тянулись уютные деревянные домики-срубы с небольшими верандами, а у самой воды располагался чистый песчаный пляж с шезлонгами.

На самом деле я знатно приврала Кириллу, соврав, что мы едем парами — мне просто до безумия хотелось его позлить, уколоть посильнее и заставить поревновать. Но этот негодяй, видимо, совсем слетел с катушек на почве своего собственничества. Впрочем, я была на сто процентов уверена, что его утренние грязные угрозы — это обычная пустая провокация. Он берёт меня на слабо. Кирилл Северский никогда в жизни не посмеет тронуть меня в *том само-мключе*, о котором так яростно рычал у двери. Я — родная сестра его лучшего друга. Если Матвей узнает, какие пошлые словечки его мафиозный товарищ шепчет мне на ухо, Кирилл явно лишится головы. Матвей за меня любого уничтожит.

Максим, Артём и Стас уже вовсю сустились у мангалов, переворачивая сочный, исходящий паром шашлык, а мы с Катькой и девчонками переоделись и развалились на пластиковых лежаках у самой кромки воды.

Назло Северскому я выбрала самый дерзкий и откровенный купальник из всех, что у меня были — роскошный раздельный бикини глубокого винного цвета. Лиф на тонких бретельках с жесткими косточками идеально приподнимал грудь, а плавки с высокой посадкой на завязках оголяли каждый изгиб моих бедер. Главной фишкой этого купальника были массивные золотые кольца-петли на груди и бедрах, которые безумно красиво поблескивали на солнце, подчеркивая мой свежий загар. Поправив на носу огромные солнцезащитные очки, я лениво потягивала из трубочки ягодный сок.

Мы вовсю хихикали, делясь университетскими сплетнями.

— Леонова, ну ты даешь, — Катька перевернулась на живот, подставляя спину солнцу. — Твой Максик уже третий раз косится на твои золотые пряжки на бедрах. Смотри, у него сейчас шашлык сгорит от усердия.

— Пусть смотрит, смотреть не вредно, — лениво отозвалась я, поправляя лямку лифа. — Нам, красивым женщинам, положено собирать комплименты.

Но нашу ленивую и веселую идиллию безжалостно оборвал громкий, надрывный рев автомобильного мотора. К нашему палаточному лагерю на бешеной скорости подкатила... моя сиреневая малолитражка.

Я тут же испуганно приподняла очки на лоб, вглядываясь в лобовое стекло. Дверца со скрипом распахнулась, и из крошечного салона моей «малышки», чертыхаясь и едва не путаясь в собственных длинных ногах, еле-еле выбрался Кирилл. Его пугающе огромная фигура в этой кукольной машинке выглядела настолько комично, что я сначала не выдержала и прыснула от смеха на весь пляж: *«Боже, гроза преступного мира на сиреновом пони!»*

Но уже в следующую секунду мой смех застрял в горле, а внутренности сжались в тугой испуганный комок. Весь мой бунтарский запал испарился. Как? Как, чёрт возьми, этот монстр меня нашел?!

Кирилл лениво покрутил головой по сторонам, разминая затекшую шею, и его ледяной взгляд мгновенно зафиксировал нашу компанию — парней у мангала и нас, полуголых девчонок на шезлонгах. Вокруг него словно физически заискрил воздух от ярости.

Пытаясь скрыть панику, я тут же подскочила с лежака и, громко шлепая резиновыми шлепками по песку, направилась в его сторону. Натянула на лицо самую невинную, сладкую улыбку и развела руками, разглядывая сиреневый капот:

— О, Северский! Ты привез мою малышку из сервиса? — я подошла ближе, кокетливо заглядывая ему в лицо. — Какая прелесть. Спасибо большое, дедуля, выручил!

Кирилл Северский медленно, с убийственным спокойствием смерил меня тяжелым взглядом сверху вниз. Его глаза задержались на бордовом шелке моего бикини, на открытом животе, на золотых кольцах, которые буквально кричали, а затем он перевел свой темный, обещающий кровавую расправу взор на замерших у мангала парней.

Он шумно, со свистом выдохнул сквозь сжатые зубы, и его челюсть заходила желваками.

— Ты, наверное, издеваешься надо мной, Каралина? — глухо, пугающе тихо проговорил он, делая к полуголой мне шаг вплотную и полностью закрывая собой солнце...

— Не совсем понимаю, о чём ты говоришь. Сейчас ключи принесу, жди, — быстро проговорила я.

Я резко развернулась и направилась в сторону одного из деревянных домиков-срубов. Стоило мне пойти мимо парней у мангала, как Макс тут же сократил между нами расстояние. Мальчишки тоже все стояли в одних плавках. Эти идиоты, стоило им приехать, сразу скинули шмотки, с разбегу прыгнули в прохладное озеро и теперь сушились у костра.

Макс подлетел ко мне с широкой улыбкой и собственнически обнял за талию, прижимая к своему мокрому телу.

— Кто это такой, Каралина? — негромко спросил он, косясь на сиреневую малолитражку. — Охранник твоего брата? Почему он таскается за тобой повсюду?

Краем глаза я заметила, как Кирилл, только что неподвижно стоявший у машины, просто сорвался с места. Его походка хищника не обещала ничего хорошего. Почуввав неладное, я тут же аккуратно вывернулась из объятий Макса и поспешила дальше по деревянной тропе к своему домику.

Но побег не удался. Кирилл на ходу жестко, наотмашь оттолкнул плечо Макса, заставив того покачнуться, и уверенно пошел следом за мной.

Я влетела в комнату, но не успела даже повернуться, как Кирилл зашел внутрь. Дверь за ним захлопнулась с глухим, зловещим стуком. В ту же секунду воздух в маленьком деревянном домике словно выкачали полностью. Стало нечем дышать. Я подбежала к тумбочке, схватила свою сумочку, выудила оттуда ключи от внедорожника Матвея и торопливо протянула их Кириллу на вытянутой руке.

— Вот, обмен! Забирай машину Матвея, а я позже уеду на своей. Всё честно.

Кирилл молчал. Он смотрел на меня таким тяжелым, пожирающим и потемневшим взглядом, что мне до безумия, просто до паники захотелось накинуть на себя хоть что-то ещё. Моя напускная смелость испарилась. Было невыносимо, до дрожи неловко от того, что он видит меня настолько голой в этом вызывающем винном бикини.

— Эй, Кирилл? — я испуганно помахала связкой ключей перед его лицом. — Всё, ты свободен. Можешь возвращаться к моему брату.

— Ты ведь помнишь, что я тебе обещал сегодня утром? — вкрадчиво, пугающе низко проговорил он.

Северский медленно склонил голову набок, и в его льдистых глазах промелькнуло что-то по-настоящему безумное и криминальное.

— Что мне выбрать первым, Кара? Сломать твоему сопляку хребет на глазах у твоих подружек... или трахнуть тебя прямо там, на песчаном пляже?

Я тяжело, судорожно сглотнула, отступая назад, пока не уперлась поясницей в край кровати. Сердце колотилось в груди как сумасшедшее. В голове набатом забила мысль: он что же...

не шутил, что ли? Он что, настолько стал испорченным и безжалостным за эти десять лет? Для него вообще существуют человеческие законы?

Кирилл в один широкий шаг сократил наше расстояние до абсолютного максимума. Его мощная, горячая грудь практически коснулась моих плеч, и у меня окончательно сперло дыхание от его удушающего запаха табака и дорогого парфюма.

— Ты как личный грех, Карамель... — тихо прошептал он, обжигая мои губы своим дыханием и медленно поднимая руку к моей шее. — Который хочется совершать снова, и снова, и снова. До полного иступления.

Я вся совсем вжалась в жесткий деревянный бортик кровати, не имея возможности сделать даже шаг назад. Кирилл медленно, с пугающей и гипнотизирующей нежностью провел большой ладонью по моей щеке. Его пальцы скользнули в волосы, бережно зарываясь в локоны, а затем плавно спустились ниже — по шее, очерчивая ключицу. Он вел своим потемневшим, голодным взглядом эту обжигающую дорожку прямо к моей груди, которая судорожно вздымалась под тонкой тканью.

Я замерла, боясь лишний раз вздохнуть или пошевелиться. Внутри всё плавилось от запретного коктейля из страха и желания.

— Кирилл... — едва слышно прошептала я.

Мои руки взметнулись вверх, пытаюсь то ли оттолкнуть его, то ли мне просто самой уже это так показалось, и я в панике просто сжала его плечи.

— Катись на хрен отсюда! — собрав остатки гордости, яростно выплюнула я, пытаюсь взять себя в руки и вернуть маску стервы.

На весь мой жалкий бунт Кирилл лишь тихо усмехнулся. В его глазах полыхнуло что-то по-настоящему жуткое.

— Как хочешь, Карамель. Тогда я всё-таки сначала сломаю твоему сопляку хребет, — хладнокровно проговорил он, резко отступая назад и слегка отталкивая меня в сторону.

Он развернулся и стремительно направился напрямик на выход из домика.

— Стой! — тут же панически пискнула я, чувствуя, как душа уходит в пятки. — Что ты вообще на себя берешь?!

Я рванула за ним, со всей силы дёрнула его за руку, пытаюсь остановить, но Кирилл был как огромный, недвижимый горячий валун — он даже не замедлил шаг. Поняв, что силой его не удержать, я обогнула его фигуру и впечаталась спиной в закрытую входную дверь, перекрывая её и раскинув руки в разные стороны, как живой щит.

— Только попробуй! — задыхаясь, проговорила я, преграждая ему путь. — Мы с Максом не встречаемся, ясно?! Мы просто друзья! Одногруппники!

— Потом разберемся, когда я буду его ломать, — отрезал Кирилл.

Его низкий, вибрирующий голос не оставлял сомнений — он сделает это. Он шагнул вперед, уверенно сдвигая меня в сторону одной рукой, словно я была пушинкой. Я совершенно не справлялась с таким сокрушительным мужским напором. У меня оставалась лишь одна, самая последняя, безумная и отчаянная попытка его остановить.

Плвать на всё.

Я сама резко дёрнулась к нему навстречу, приподнимаясь на носочки, и со всей силы, яростно впилась в его сухие, горячие губы. Мои пальцы судорожно сжали плотную ткань его черной рубашки на плечах, сминая её в кулаках.

Кирилл и медлить не стал. Из его груди вырвался глухой, торжествующий животный рык. Он мгновенно, одним сильным движением подхватил меня под бедра, отрывая мои голые ноги от пола, и впечатал меня обратно в свободную деревянную стену у самой двери.

Этот поцелуй не был нежным — Северский словно заживо пожирал меня в этом сладком, запретном греху. Он властно раздвинул мои губы, вторгаясь языком, заставляя меня полностью

подчиниться его бешеному ритму. Я физически не могла выпутаться из его железных объятий, а в глубине души... в глубине души я, кажется, уже и не хотела вовсе.

Разум кричал, что это безумие. Я ведь знала, что это неправильно. Знала, что люто ненавижу его за эти долгие десять лет молчания и разбитое детство. Но почему тогда прямо сейчас всё так сладко и болезненно разрывается в моей груди от каждого его касания? Почему моё тело так отчаянно плавится под руками этого татуированного чудовища?

Кирилл впечатывал меня в стену с такой силой, что его пальцы сжались чуть сильнее, фиксируя мои бедра. Я кожей чувствовала, что завтра от этих железных тисков на моем теле останутся явные красные пятна, но мне было плевать.

Он целовал меня взахлёб: в шею, в губы, в горящие щёки, тяжело дыша и словно действительно пожирая меня целиком, забирая себе каждый мой вдох.— Гореть мне в аду за это, — хрипло шептал он мне прямо в губы в секундных перерывах между поцелуями. — Но как же мне плевать, Кара... Мне чертовски плевать на всё. Ты моя.

Я судорожно глотала воздух, чувствуя как безумное желание окончательно отключает мозг.— Из-за тебя... — томно, прерывисто выдохнула я ему прямо в губы, сильнее сжимая ткань на плечах, — я сама совершаю самый большой грех. Это так неправильно, Кирилл...

На мои слова он лишь хрипло усмехнулся, и в его глазах промелькнуло опасное торжество чудовища, которое наконец-то поймало свою красавицу.— Я всё ещё могу выйти за дверь и выполнить свое другое обещание, Карамель, — прошептал он, до безумия интимно и жестко вжимаясь в меня своим напряженным пахом через тонкую ткань брюк.

Я отчетливо почувствовала всю силу его мужского желания, и дышать самой стало невероятно тяжело. Внизу живота всё стянулось в тугую, пульсирующий узел. Кирилл снова спустился губами к моей шее, впиваясь в нежную кожу так властно и голодно, что я точно знала — к утру там останутся яркие, несмываемые багровые следы. Его метка. Чтобы все видели, кому я принадлежала.

— Есть условие, — хрипло проговорил он, на секунду отстраняясь от моей шеи, но продолжая жадно изучать пальцами изгибы моего тела, лаская открытые бедра. — Ты остаёшься здесь, на этой турбазе. Но я остаюсь с тобой в этом домике до самого завтрашнего утра. Либо... мы прямо сейчас забираем твои шмотки и уезжаем вместе домой. Выбирай.

Я попыталась собрать в кучу остатки ускользающего разума. Посмотрела в его потемневшие, безумные глаза, судорожно вздохнула и выдала свой встречный ультиматум:— Либо... ты просто сейчас садишься в машину и едешь домой один, — подытожила я, отчаянно пытаясь удержать последнюю крупицу контроля над ситуацией.

Кирилл лишь опасно прищурился, и его пальцы на моих бедрах сжались еще сильнее, обещая, что из этого домика я сегодня точно никуда не уйду...

Мои ультиматумы в отношении Кирилла Северского явно не работали. В криминальном мире он привык диктовать свои правила, поэтому в итоге мы остались на турбазе до самого вечера.

Кирилл лениво лежал рядом со мной на соседнем шезлонге. Он был в одних брюках и солнцезащитных очках, небрежно потягивая из стакана холодную воду. Его безупречный торс с рельефными кубиками пресса и тёмными татуировками приковывал к себе взгляды всех девчонок на пляже, но сам Северский этого словно не замечал. Вся его скрытая, хищная концентрация была направлена исключительно на меня.

Я же после нашей бурной стычки в домике расслабиться больше не могла. Пляжный бунт официально провалился. Я спешно переоделась обратно в свободную футболку и короткие шорты, а свежие багровые следы на шее от его голодных поцелуев судорожно прикрыла распущенными волосами, молясь, чтобы подруги ничего не заметили.

Кирилл включил режим тотального конвоя. Он совершенно, наотрез не подпускал ко мне ни одного из парней. Стоило Артёму или Стасу сделать хотя бы шаг в мою сторону, как

Северский опускал очки на нос и пригвождал их таким леденящим взглядом, что у бедных студентов мгновенно пропадало желание общаться. Мне оставалось лишь тоскливо пожимать плечами, безмолвно извиняясь перед друзьями за этот ходячий апокалипсис.

Иногда мы вместе подходили к компании у мангала. Кирилл собственнически держал меня в максимальной близости около себя, практически прижимая к своему горячему боку, и буквально прожигал тяжёлым взглядом каждого, кто пытался заговорить со мной.

Разрядить эту удушающую атмосферу попытался Артём. Переворачивая очередную порцию шашлыка, он забавно повёл бровями и шутливо обратился ко мне:

— Леонова, ну у тебя и брат! Очень, конечно, обеспокоенный парень, раз решил приставить к тебе на пикник такого опасного... дядю. Мы тут вообще-то мирные экономисты, а не банда налётчиков!

Я даже громко рассмеялась на слове «дядя», представив, как от этого обращения сейчас знатно перекосило раздутое эго двадцативосьмилетнего мафиози. Кирилл действительно на секунду замер, его челюсть опасно сжалась, а взгляд пообещал Артёму вечные проблемы с зачётами.

Но что-то к концу дня окончательно пошло не так. Хмель полностью выветрился из моей головы, уступив место вернувшейся гордости, обиде и осознанию, что я снова поддалась его власти. Прямо перед отъездом мы снова жутко разругались в пустом домике. Я кричала, что ненавижу его контроль, а он рычал, что я веду себя как безответственная малолетка.

В итоге меня просто в очередной раз бесцеремонно утащили домой. Кирилл за шкуру захихал меня в сиреневую малолитражку, заблокировал двери и на бешеной скорости повёз обратно в особняк, оставляя позади испорченный пикник и мои разбитые надежды на независимость. Возвращение в город обещало стать началом настоящей войны в стенах нашего дома...

Глава 9

Испытание на прочность

Кирилл

После всего этого детского сценария, который устроила Каралина на турбазе, она была взбешена до предела. Всю дорогу обратно до города она демонстративно молчала, а её колючий взгляд обещал мне как минимум смертную казнь через четвертование. В её представлении я устроил ей тотальный, удушающий контроль. Пусть думает так, если её девичьему эго от этого легче. Главное — её недопарень Максим остался с целым хребтом, а сама она сидела рядом со мной, живая и невредимая.

Но на этом весёлый аттракцион под названием «Поймай Карамель» не закончился. Стоило нам доехать до особняка, как мне пришлось пересаживаться обратно в сиреневую кукольную машинку, подхватывать Матвея и тащиться через весь город обратно к этой чертовой турбазе, чтобы забрать его внедорожник.

— Ну ты и устроил там шороху, Кир, — Матвей всю дорогу за рулем своего джипа качал головой от смеха, по видео-звонку, когда мы ехали обратно к дому в две машины. — Мне пацаны её одноклассники уже отписались. Спрашивали, что за суровый киллер приехал за Леоновой.

Я лишь угрюмо молчал, вжимая педаль газа в пол. Мне было не до смеха.

Стоило нам наконец вернуться в особняк ближе к полуночи, как Карамель снова устроила нам грандиозную забастовку. Она заперлась в своей спальне, демонстративно бахнув дверью так, что люстра в холле зазвенела, и наотрез отказалась спускаться даже за водой.

Я сидел на кухне, лениво покручивая в руках полупустой стакан с виски, и слушал тишину дома. Сколько бы я ни твердил себе о своей дикой, темной одержимости к ней, реальность раз за разом была под дых: она всё ещё оставалась маленькой девчонкой. А самое главное — невероятно капризной. Этот её детский бунт, глупые ультиматумы и напускное высокомерие в какой-то момент начинали меня откровенно раздражать. Но, чёрт возьми, одновременно с этим это заводило меня так, что в паху всё дико сводило от напряжения.

Её упрямство действовало на меня как красная тряпка на быка. Внутри меня, как у истинного Северского, закипало сумасшедшее, порочное желание. Хотелось сломать её оборону к чертям собачьим. Прямо сейчас подняться на второй этаж, выбить эту дверь, прижать её к постели и медленно, методично выбить из неё всю эту спесь. Долго, до изнеможения, но со всей лаской и нежностью, на которую вообще было способно моё прогнившее сердце. Чтобы она наконец перестала колотиться своими детскими иголками и полностью, без остатка растворилась в моих руках.

Я сделал глоток виски, обжигая горло. На часах было два часа ночи. Матвей уже давно спал в своей комнате, утомленный тяжелым днем. А я продолжал смотреть на потолок, за которым в темноте дышала моя личная маленькая расплата.

Около трех часов ночи, когда тишина особняка стала окончательно удушающей, я не выдержал. Накинув брюки, я бесшумно вышел на общий балкон. Прохладный ночной воздух приятно остужал кожу, но мысли всё равно крутились вокруг запертой двери через стенку от меня.

Перешагнув через символическую невысокую перегородку, я подошел к её балконной двери. Конечно же, из-за жары она была открыта настежь. Я бесшумно, как тень, скользнул внутрь её погруженной в полумрак спальни. Мне просто нужно было посмотреть на неё хотя бы пару минут, чтобы унять этого бешеного зверя внутри.

В блеклом лунном свете я зацепился взглядом за приприватную тумбочку. Там лежала та самая коллекционная книга «Красавица и Чудовище». На одной из страниц даже была аккуратная закладка. Улыбнувшись своим мыслям, я почувствовал, как ледяная броня вокруг моего сердца дает ощутимую трещину. Читает. Всё-таки читает мою сказку.

Я осторожно присел на край её кровати. Поддавшись старой, въевшейся в подкорку привычке из детства, я протянул руку и бережно убрал непослушный темный локон с её лица. Каралина от этого легкого прикосновения заворочалась, шумно вздохнула и тут же слегка приоткрыла свои огромные, затуманенные сном глаза. Она сонно, непонимающе разглядывала мой силуэт в темноте.

— Кирилл?.. — хрипло, едва слышно проговорила она, кутаясь по самый нос в пушистое одеяло.

— Что такое, Карамель? — тихо, одним лишь дыханием отозвался я, не убирая ладони от её теплой щеки.

— Вали отсюда... — так же сонно и беззлобно проворчала она, забавно жмурясь от остатков сна. — Осмотр моих купальников на сегодня окончен. Свободен, дедуля...

Она перевернулась на другой бок, еще сильнее зарываясь носом в подушку и уже стремительно засыпая обратно. Но перед тем, как окончательно отключиться, она едва разборчиво пробормотала:

— Больше... никогда... не целуй ме... — и отрубилась, погружаясь в глубокий сон.

Я замер, всматриваясь в её умиротворенное лицо, и на моих губах заиграла мягкая, но чертовски собственническая улыбка.

— Хорошо, — едва слышно прошептал я в темноту спальни, наклоняясь к её макушке. — Тогда ты целуй меня.

Я в последний раз нежно погладил её пальцами по бархатистой щеке, поднялся с кровати и так же бесшумно, как пришел, ушел через балкон обратно к себе. Внутри меня больше не было злости. Было только четкое, нерушимое знание: эта капризная, вредная Карамелька принадлежит мне от первой и до последней строчки нашей личной, совсем не детской сказки.

Я проспал до самого вечера. Но этот сон не принёс мне долгожданного покоя. Стоило мне закрыть глаза, как сознание затянуло в липкий, тяжёлый омут подсознания, превращая мои воспоминания в настоящий адский кошмар.

Сначала всё было так осязаемо и тепло. Мне снова восемнадцать. На дворе кружится золотая осень, а я сижу на ковре в нашей старой гостиной. Маленькая восьмилетняя Карамелька упрямо заглядывает мне в лицо, прижимая к себе пушистого плюшевого мишку. Её глаза всё ещё опухли после похорон родителей, и я, сжимая её крошечные, ледяные ладошки в своих руках, снова и снова клянусь ей:

— Я всегда буду рядом, слышишь? Я буду оберегать тебя от всего мира, маленькая. Ты — моя самая сладкая Карамель, — шепчу я, и от этого детского доверия в груди разливается щемящее тепло.

Но в следующую секунду картинка резко, до тошноты искажается. Безжалостный монтаж сна переносит меня в темноту. Декорации меняются на мою нынешнюю гостевую комнату. Подо мной на шелковых простынях лежит взрослая, умопомрачительно красивая Каралина. Её каштановые локоны разметались по подушке, бордовый шелк топа маняще смят моими руками, а дыхание сбито от страсти. Я нависаю над ней, сгорая от дикой, порочной одержимости, и снова хрипло выдыхаю ей в губы:

— Ты — моя самая сладкая Карамель...

Каралина внезапно открывает глаза. В них больше нет страсти — только ледяная пустота. Одним молниеносным движением её рука взмывает вверх, и она с глухим щелчком приставляет холодное дуло пистолета прямо к моему виску.

— Твоей Карамели больше нет, Северский. Ты сам её убил, — леденящим душу шёпотом произносит она.

Звучит выстрел, но вместо боли картина снова ломается. Я оказываюсь посреди того самого заброшенного завода. В центре пустого цеха, залитого багровым светом заходящего солнца, на железном стуле сидит маленькая восьмилетняя Карамелька. Она привязана к нему толстыми веревками, её черное траурное платье порвано, а из глаз нескончаемым потоком льются слезы. Она беззвучно кричит, умоляя о помощи, но я не могу сделать и шага — мои ноги словно вросли в бетон.

Очередной обрыв — и на стуле сидит уже взрослая Каралина в том самом винном бикини. К её виску приставлено дуло пистолета, который держит невидимая тень из моего криминального прошлого. Ловушка захлопнулась.

На этот раз оцепенение спадает, и я со всего размаху срываюсь на бег. Я бегу к ней, срывая голосовые связки, кричу её имя, вытягивая вперед руку в отчаянной попытке успеть, закрыть её своим телом, спасти! Но пространство вокруг издевательски растягивается. Домик, стул, Каралина — всё это начинает стремительно удаляться от меня, улетая в бездонную черную пропасть.

Всё, что я вижу сквозь эту бесконечную бездну — это то, как она горько плачет, глядя мне прямо в душу, и её прерывистый голос эхом бьет мне по барабанным перепонкам:

— Ты ведь обещал прийти... Ты клялся, что защитишь... Где ты был, Кирилл? Почему ты меня бросил?!

Я тянусь к ней рукой, пальцы судорожно сжимают пустоту, лёгкие горят от нехватки воздуха.

— Кара!!! — кричу я, сходя с ума от собственного бессилия.

А потом происходит последний, самый страшный обрыв. Полная, звенящая тишина. Вокруг никого нет. Лишь на сыром асфальте под нескончаемым дождем лежит та самая коллекционная книга «Красавица и Чудовище», которую я так долго искал для неё. Её роскошная кожаная обложка испачкана грязью, а из-под золотого тиснения медленно, зловеще растекается густая, темно-красная лужа крови...

Я проснулся в районе восьми часов вечера. Помятый, с гудящей от кошмаров головой и липким чувством тревоги, которое никак не желало отпускать. Быстро принял холодный душ, накинул свободные серые спортивные штаны и, даже не утруждая себя футболкой, спустился вниз. На ходу бросил взгляд на ключницу в холле — ключей Матвея не было. Дверь в его рабочий кабинет на первом этаже тоже была приоткрыта, а внутри царил полумрак. Брата дома не было, его снова сорвали на какой-то объект.

Вдруг из глубины кухни донеслись странные, ритмичные звуки и тихое, едва различимое девичье мурлыканье. Я бесшумно скользнул по коридору и замер в проёме двери, ведущей на кухню-гостиную.

Картина, которая открылась моему взору, заставила моё сердце пропустить тяжёлый удар, а в паху мгновенно и до боли всё затянуло.

Карамель стояла спиной ко мне возле барной стойки. На ней были нацеплены огромные беспроводные наушники, из которых глухо басили треки, и она, абсолютно не замечая ничего вокруг, увлеченно занималась приготовлением попкорна. Но сильнее всего меня добил её домашний наряд. Это был роскошный белоснежный шелковый комплект, состоящий из ультракоротких шортиков со свободными, волнистыми краями и топа на тонких лямках с оборками. Спина была полностью обнажена до самой поясницы, а тонкая полоска нежного кружева на груди едва прикрывала её прелести. Шелковая ткань соблазнительно обтягивала её округлые бедра, и Карамелина, тихо напевая что-то себе под нос, плавно, издевательски медленно виляла задом в такт музыке.

Я несколько секунд просто стоял, не в силах пошевелиться, жадно пожирая её взглядом. Внутренний зверь, который ещё пару часов назад был в моем кошмаре от страха её потерять, сейчас требовал немедленно забрать своё.

Сделав несколько абсолютно бесшумных шагов босыми ногами по прохладному мрамору пола, я приблизился к ней вплотную. Наклонился и по-хозяйски, резко обнял её со спины, вжимаясь своим обнаженным прессом в её гладкую шелковую спину. Мои большие ладони легли на её плоский, бархатистый живот, медленно поглаживая его, а затем спустились ниже, собственнически сжимая её бедра под шортиками.

Каралина от неожиданности судорожно вздрогнула всем телом, едва не выронив миску. Она моментально стянула наушники на шею, тяжело дыша и испуганно хватаясь рукой за сердце.

— Господи, Северский! Ты придурок?! Я думала, тебя дома тоже нет! — проговорила она, оборачиваясь ко мне вполоборота, её щеки мгновенно залил густой румянец.

— А проверить мою комнату ты не рискнула, верно? — вкрадчиво прошептал я ей прямо в губы, не разжимая объятий. Я медленно опустил взгляд на её белоснежный наряд и опасно выгнул бровь. — Поэтому нарядила это? Разврат чистой воды, Карамель. Ты решила меня окончательно добить после вчерашнего?

— Я... я просто хотела лечь у себя и посмотреть фильм! — она панически указала пальцем на пачку попкорна на стойке, отчаянно пытаюсь вернуть самообладание. — Я вообще не собиралась выходить из своей комнаты! Думала, дом пустой.

Она попыталась отпихнуть мои руки и отойти в сторону, но я лишь усмехнулся. Перехватив инициативу, я заблокировал её тело у барной стойки, с силой упершись ладонями в гранитную столешницу по обе стороны от её бедер. Каралина оказалась зажата в капкане из моих рук.

— Где твой брат? — тихо спросил я, наклоняясь к её лицу так близко, что наши ресницы почти соприкасались.

— Откуда мне знать? Работает, наверное. Его никогда нет дома, — Каралина попыталась вздернуть подбородок, но её дыхание уже стало прерывистым, а зрачки расширились от волнения.

— То есть... мы в этом огромном доме совершенно одни? — заговорщически прошептал я, и на моих губах заиграла леденящая, хищная улыбка.

— Разве у тебя нет никаких своих... дел на вечер? — Каралина сделала слабую попытку упереться ладонями в мою грудь, но её пальцы лишь беспомощно заскользили по татуировкам.

— Есть, — глухо, с рыком отозвался я, ловя губами её судорожный вздох. — Мои главные дела на сегодня — это ты, Карамель. От первой и до последней строчки.

Не дав ей опомниться и вставить очередную колкость, я одним мощным движением подхватил её на руки, отрывая от пола. Каралина от неожиданности испуганно вскрикнула, тут же принимаясь яростно колотить меня кулачками по плечам и дергать ногами.

— Отпусти меня, Северский! Ты сбрендил?! Отпусти сейчас же, что тебе вообще от меня нужно?! — кричала она на весь дом, пока я уверенным, размашистым шагом нес её к винтовой лестнице, ведущей наверх.

Вместо ответа я лишь крепче прижал её к своей груди и со всей силы, с глухим хлопком припечатал ладонью по её обтянутой шелком заднице, заставляя её на секунду задохнуться от возмущения и замолчать.

— Сказал же, Карамель, — накладывая арест на её тело, прорычал я, поднимаясь по ступеням в её спальню, — сегодня ты платишь по всем моим счетам...

— По каким ещё счетам, кретин?! Живо поставь меня на землю! — яростно шипела Каралина, колотя меня кулачками по спине, пока я уверенно перешагивал порог её спальни.

Стоило нам войти в комнату, я без лишних слов смахнул одеяло и бесцеремонно сплюхнул её на кровать. Каралина отлетела на мягкие подушки, тяжело дыша и спешно одергивая края своих шортиков. Я же, не теряя времени, нагло скинул с себя серые спортивные штаны, оставаясь в одних боксерах, и с абсолютно невозмутимым видом улегся на кровать прямо рядом с ней, закинув руки за голову.

— Кирилл, это вообще-то совсем не смешно! — отозвалась она, испуганно округлив глаза и вжимаясь спиной в изголовье кровати от моей наготы. — Ты что творишь?!

— Верно, извини, — спокойно бросил я.

Я тут же встал с постели, заставив её облегченно выдохнуть, и быстро вышел из комнаты. Но радовалась Карамель рано. Спустя ровно пять минут я вернулся, держа в руках ту самую большую миску с теплым попкорном, которую она оставила на кухне, и снова по-хозяйски лег на её кровать.

Сунув обалдевшей девчонке чашу прямо в руки, я устроился поудобнее на подушках, вытянув свои длинные ноги, и взял с тумбочки коллекционную книгу в роскошном кожаном переплете.

— Ну что, почитаем? — я лениво открыл обложку.

Каралина недоверчиво выгнула идеальную бровь, переводя взгляд с меня на миску с попкорном: — Ты... ты серьезно? Просто почитать? И после этого ты сразу уйдешь к себе?

— Как пожелай, Карамель. Уйду сразу после последнего слова.

— Ладно... — протянула она, подозрительно прищурившись. — Черт с тобой, читай уже.

Она смирилась, аккуратно улеглась спиной на мягкие подушки рядом со мной, поджав под себя одну ногу, и принялась медленно есть попкорн. При этом она постоянно косилась на наше отражение в большом зеркале шкафа-купе напротив — мы вдвоем на её кровати смотрелись до безумия интимно и правильно.

Я лишь тихо усмехнулся её настороженности, устроился поудобнее и раскрыл первую страницу. Набрав в легкие воздуха, я начал читать:

— *«В одном далеком королевстве, среди мрачных лесов и неприступных скал, высился замок, где жило одинокое Чудовище...»*

Я читал подробно, слово в слово, как было написано на этих дорогих страницах, но вкладывал в каждую реплику те самые эмоции, интонации и хрипловатые переливы голоса, которыми убаюкивал её в детстве. Совсем как в те полгода, когда мы были совсем не разлей вода после похорон.

Карамель держалась минут десять, демонстративно хрустя попкорном, но в итоге её девичье любопытство победило. Она всё же не выдержала. Медленно, как робкий котенок, она придвинулась ко мне плотнее, заглядывая через мое плечо прямо в книгу и замороженно рассматривая шикарные иллюстрации. А они действительно стоили каждого отданного за них рубля: картинки были оформлены в потрясающей золотой фольгированной технике, переливаясь на свету то глянцевым блеском, то глубоким матовым бархатом.

А потом сработала её многолетняя мышечная память. По старой детской привычке Каралина расслабилась и доверчиво положила свою голову мне на руку, а ладошку аккуратно устроила на моем животе. По моей коже мгновенно пробежал табун обжигающих мурашек, но я лишь заставил себя глубже дышать и мягко улыбнулся в темноту, чтобы ненароком не спугнуть эту мимолетную, хрупкую идиллию. Наклонившись, я ласково поцеловался её в макушку, вдыхая шлейф её ванильных духов, и спокойно продолжил читать дальше.

Но стоило сказке подойти к финалу, и мне осталось дойти до самой последней страницы — той самой, которую я так сильно хотел ей показать, — как я заметил, что её дыхание стало абсолютно ровным и глубоким. Моя Карамель уже крепко спала.

Я тихо, бережно отложил книгу чуть в сторону на тумбочку. Осторожно приобнял её за хрупкие плечи и немного спустился ниже на подушках, аккуратно размещая её сонную голову у себя на груди. Шелковые оборки её белого топа едва щекотали мою кожу.

Ещё немного посмотрев на обложку книги в полумраке, я просто прикрыл глаза. Её тепло, этот родной аромат ванили и мерное, успокаивающее дыхание прямо мне в грудь просто сводили меня с ума, даря такое умиротворение, которого я не чувствовал никогда.

— Ты моя самая сладкая Карамель... — едва слышно, одним лишь выдохом прошептал я ей в волосы.

Прежде чем окончательно уснуть, я долго смотрел в темноту потолка, слушая её мерное дыхание. В голове крутилась одна и та же настойчивая, тягучая мысль: я ведь мог. Мог прямо сейчас воспользоваться отсутствием Матвея, сорвать этот чертов белый шелк и взять эту непокорную, вредную красавицу прямо здесь, в её постели. И я был на сто процентов уверен — в этот раз она бы меня не оттолкнула. Её тело, её судорожные вздохи и то, как она доверчиво уложила ладонь на мой живот, говорили громче любых слов. Она хотела меня не меньше, чем я её.

Но я не стал. Ещё не время. Я не хотел брать её силой или пользоваться моментом, когда её бдительность усыпила старая детская сказка. Я хотел, чтобы она пришла ко мне сама. Осознанно. Со всей своей гордостью и упрямством.

А в том, что это случится, у меня не было ни единого сомнения. Она всё равно уже моя. Вся, до последней клеточки тела, до каждого колючего слова. А покорить её до конца, сломать её последнее сопротивление и заставить шептать моё имя в экстазе — это уже был исключительно вопрос времени. Которого у меня теперь было предостаточно.

Я поглубже вдохнул её ванильный аромат, сжал её в своих руках ещё крепче, защищая от всего мира, и просто уснул, впервые за долгое время чувствуя себя абсолютно легко.

Глава 10

Шкаф с двойным дном

Утро началось не с кофе. Оно началось с осознания того, что я официально и бесповоротно попала в ад.

Яркое солнце бесстыдно заливало мою комнату через панорамные окна, заставляя меня зажмуриться. Я сладко потянулась, чувствуя под щекой странную, непривычно твердую, горячую и мерно вздымающуюся... подушку? Пальцы моей руки, уютно устроившейся на этой самой «подушке», наткнулись на рельефные бугры, а под ладонью отчетливо забилося сильное сердце.

Я резко распахнула глаза. Дыхание перехватило так, словно мне в грудь прилетел боксерский хук.

Моя голова покоилась на широкой, безупречно мускулистой и полностью обнаженной груди Кирилла Северского. Чернила его татуировок в утреннем свете выглядели чертовски контрастно на смуглой коже. Хуже того — моя левая нога в коротких шортиках была по-хозяйски закинута на его бедро, а сам этот татуированный шкаф крепко обнимал меня за талию, прижимая к своему горячему боку.

Внутри меня одновременно взорвались термоядерная бомба стыда и оглушительный вулкан уязвленной гордости. Я?! Спала с этим козлом?! Сама прижалась к нему?!

Я попыталась ювелирно, как сапер на минном поле, убрать ногу, но стоило мне шевельнуться, как Кирилл, даже не открывая глаз, лишь порочно усмехнулся во сне и сжал пальцы на моей талии еще сильнее, утыкаясь носом в мои растрепанные волосы.

— Куда поползла, Карамель? — хрипло, со сна до безумия низко пророкотал он. — Лежи уже, колючая.

— Северский, пусти, ублюдок! — в паническом ужасе зашептала я, колотя его ладошкой по плечу. — Ты как здесь... мы как... Живо отпусти меня, дедуля, пока я тебе глаза не выколола!

Кирилл лениво приоткрыл один глаз, сканируя мое пунцовое от стыда лицо, и его ухмылка стала еще шире. Он явно наслаждался моим фиаско.

И именно в этот момент, когда градус абсурда зашкаливал, снизу на весь особняк оглушительно бахнула входная дверь. Сердце упало куда-то в район пяток.

— Кирилл! Караля! Вы дома? — раздался из холла бодрый голос Матвея, вернувшегося с утренней летучки. — Кир, собирайся, юристы привезли правки по контракту, надо ехать!

Послышались тяжелые шаги брата, уверенно направляющиеся к лестнице на второй этаж.

— Мама дорогая... — пискнула я, и вся моя спесь слетела в ту же секунду.

Паника накрыла с головой. Если Матвей зайдет и увидит своего лучшего друга в одних трусах в постели его совершеннолетней сестры, которой он вчера читал сказочки... особняк превратится в братскую могилу.

Я сорвала с себя его руку, пулей подскочила с кровати и принялась судорожно хватать Кирилла за плечи, пытаясь стащить его двухметровый труп с матраса.

— Вставай! Вставай, чертово чудовище! Брат приехал! Через балкон, живо! — сипела я, задыхаясь от страха.

Кирилл же двигался с грацией ленивого, сытого сыча. Он неторопливо сел, потянулся, хрустнув позвонками, и с издевательским наслаждением наблюдал за моей беготней.

— Спокойно, Карамель. Чего ты так занервничала? Ну увидит Матвей, что мы читали книжку. Мы же просто... спали. В обнимку.

— Я тебя сейчас лично с этого балкона скину на мраморные плиты! — прошипела я, хватая его за руку и с силой таща к стеклянной двери.

Я рванула балконную створку на себя, собираясь выпихнуть его на общую территорию, но тут шаги Матвея раздались уже на верхнем этаже коридора. Прямо у моей двери. Бежать на балкон было поздно — брат мог заметить движение через панорамные окна.

— Сюда! — пискнула я, резко меняя траекторию.

Я подлетела к своему огромному зеркальному шкафу-купе, с грохотом отодвинула створку и буквально со всей силы толкнула Кирилла внутрь, прямо на вешалки с моими платьями и шелковыми блузками. Северский от такой наглости даже опешил, но сопротивляться не стал — лишь хищно подмигнул мне из темноты, когда я с силой задвинула зеркальную панель обратно, за секунду до того, как ручка моей двери дернулась.

Дверь распахнулась. На пороге стоял Матвей — в идеальном деловом костюме, но с легкой улыбкой.

— Разбудил? — уточнил брат, заметив моё взвинченное состояние.

— Да нет, я как раз только встала, — судорожно соврала я, натягивая улыбку, которая больше напоминала нервный тик. — С-сейчас только переоденусь...

— Ладно, тогда я к Кириллу, мне помощь его нужна по документам, — кивнул Матвей.

— Ага, ладно, давай!

Как только его фигура скрылась за дверью, я тут же подбежала к порогу и провернула ключ в замке. Всё, закрыто.

В ту же секунду зеркальная панель отодвинулась, и Кирилл буквально вывалился из шкафа с оглушительным грохотом, переламывая пополам мои хлипкие плечики. В его руках, ко всему прочему, запуталась парочка моих кружевных трусиков.

— Ты что, грязное бельё в шкафу складываешь? — хрипло усмехнулся этот наглец, выпутывая пальцы из кружева.

— Они не грязные, придурок! — яростно зашипела я, вырывая своё бельё из его рук и стора от стыда.

— Эй, Караля, у тебя там всё нормально? — внезапно донесся из коридора встревоженный голос Матвея, который, видимо, услышал грохот шкафа.

Я подскочила на месте, зажимая Кирилла ладонью за рот.

— Да, супер! Просто вешалка упала! — крикнула я через дверь. — Большая такая... деревянная! — прорывалась я уже шёпотом, глядя в упор на Северского. — Будешь чинить, — прошипела я, собирая изломанные вещи и перетаскивая эту кучу одежды на кровать. — Ну ты только посмотри... Не утро, а какая-то генеральная уборка из-за тебя!

— Ого, а это что тут? — подал голос Кирилл.

Я обернулась и похолодела. Этот гад присел на корточки у самого дна шкафа и уже уверенно открывал крошечную, замаскированную потайную дверцу в стене. Мой самый главный секрет.

— Не трог... Ну конечно, все мои тайники раскрой! — буркнула я, подлетая к нему и пытаясь оттолкнуть его мощное плечо.

Но куда там. Он всё же открыл её, и оттуда просто лавиной, огромной горой вывалились к нашим ногам плюшевые мишки, старые машинки, какие-то дурацкие сувенирчики и куча пыльных конвертиков с открытками. Всё то, что когда-то он дарил мне в детстве. Да, я всё сохранила. Но когда десять лет назад он уехал и бросил меня, я от обиды просто скинула всё это в коробку, чтобы не видеть. А когда мы переезжали в этот особняк, я тайно оборудовала этот тайник. В конце концов, игрушки же не виноваты, что человек, который их дарил, оказался чудовищем козлиным.

И вот теперь я стояла с пунцовым, горящим от стыда и неловкости лицом. А Кирилл... Кирилл медленно, бережно разбирал всё это сокровище, перебирая пальцами старых мишек и подолгу рассматривая каждую открытку со своим почерком.

— Я думал, ты всё выбросила, раз там нет ни одной моей вещи, — тихо проговорил он, кивая на аккуратные полки над моей кроватью, где сидели подарки от Макса и университетских друзей.

— Ничего не трогай! — шикнула я на него, присаживаясь рядом и принимаясь в панике запихивать игрушки обратно в тайник. — Они там в стене и лежали, чтобы рожу твою лишний раз не вспоминать!

Кирилл хрипло, во весь голос рассмеялся, бесцеремонно выталкивая моих медведей обратно на пол.

— Это так мило... Ты всё сохранила. О, а это что? Фантик от карамельной конфеты? Серьезно?

— Это закладка была, отдай! — вскрикнула я, вырывая бумажку из его руки.

Но он так резко и неожиданно отпустил этот несчастный фантик, что я не удержала равновесия и с глухим писком плюхнулась спиной прямо на мягкий ворс ковра. А Кирилл, пользуясь моментом, просто нагло заполз на меня сверху, подминая под нас гору плюшевых игрушек. Капкан его тела снова заблокировал меня.

— И как получилось? — прошептал он, нависая надо мной.

— Что? — не поняла я, когда дыхание под его тяжелым, горячим прессом мгновенно сперло.

— Не вспоминать мою рожу. Получилось?

— Конечно, получилось! — яростно соврала я, упираясь ладонями в его обнаженную грудь. — Пока ты не припёрся сюда снова! Теперь вот ломаешь мои вещи и шкафы!

— Эй, Карая, ты не знаешь, где Кирилл? В комнате его нет, — неожиданно раздался приглушенный голос Матвея, но уже... из гостевой спальни Кирилла. Брат явно собирался пойти проверить меня и выйти на общий балкон, чтобы заглянуть в мое окно.

Вот же блин! Катастрофа номер два!

— Вали быстрее! — в панике прошипела я, судорожно вываливаясь из-под Кирилла.

Я резко схватила его за руку, пинками дотасила до двери моей ванной комнаты и затолкнула внутрь. Заскочив следом, я с размаху крутанула краны, включая воду в душе на полную мощность для звукового эффекта.

— Карая! — закричал Матвей, уже заходя в мою спальню через балконную дверь. — Чёрт, ты чё тут за погром устроила? Вещи на кровати, игрушки на полу...

Я приоткрыла дверь ванной, слегка прикрывая ладонью брызги воды.

— Чего?! — крикнула я как можно громче, перекрывая шум душа.

— Кирилла не видела? — спросил брат из комнаты.

— Не видела я твоего идиота! — крикнула я в ответ.

В ту же секунду Кирилл, стоявший прямо за моей спиной в тесном пространстве ванной, собственнически подмял меня под себя. Он вжал моё хрупкое тело спиной в холодный кафель стены, нависая сверху и усмехаясь. Прежде чем я успела издать хоть звук, его горячие губы принялись властно, голодно целовать мою шею и плечи, спускаясь к бретельке пижамного топа. Я мелко задрожала, впиваясь пальцами в его руки и снова мысленно проклиная свою сумасшедшую, предательскую податливость в его ладонях. Тело плавилось от его жара, пока за дверью стоял мой брат.

— Ладно, пойду на улицу посмотрю! — бросил Матвей из комнаты.

Я судорожно врубила воду в кране еще сильнее, тяжело и прерывисто выдыхая ему в губы. Дверь в мою спальню наконец громко хлопнула — брат ушел. И в эту же секунду я окончательно растаяла в руках своего чудовища, переставая бороться с этим сладким грехом...

Шаги Матвея в спальне окончательно стихли, а затем хлопнула и входная дверь особняка. Брат ушел искать друга на улицу. Но Кирилл даже не думал останавливаться. Наоборот, его поцелуи на моей шее стали еще более требовательными.

Не разрывая нашего сумасшедшего поцелуя, он властно перехватил меня за талию и буквально уволок за собой прямо в душевую кабинку, под плотные струи теплой воды.

Шелковая ткань пижамы мгновенно намокли, облепляя тела как вторая кожа. Капли стекали по нашим лицам, смешиваясь с дыханием. Кирилл рычал мне прямо в губы, с безумной страстью сминая моё податливое тело в своих крепких руках и заставляя меня полностью сгорать в этот момент. Его язык властно ласкал мой, выжигая остатки девичьего разума. Я задышалась от этой близости, вцепившись пальцами в его мокрые плечи.

Вдруг его большая, горячая ладонь скользнула по моему бедру вниз и упрямо забралась под намокшую ткань шортиков, пробираясь к трусикам. Я инстинктивно вздрогнула от пронзившего тело электрического разряда, попыталась сжать ноги, но Кирилл лишь плотнее прижал меня к кафельной стене своим бедром. Его пальцы начали ласково, с давящей нежностью выводить невидимые узоры на моей самой чувствительной коже, заставляя меня плавиться под его руками.

— Моя... только моя, Карамель, — прерывисто, сходя с ума от вожделения, шептал он мне самые сладкие, запретные слова прямо в зацелованные губы.

Я больше не могла и не хотела бороться. Смыв всю свою гордость под этой теплой водой, я начала отчаянно поддаваться ему навстречу. Сама извивалась в его сильных руках, выгибаясь в спине и тихо, жалобно стонала ему прямо в губы от удушающего, сносящего крышу наслаждения. Градус страсти в кабинке зашкаливал, воздух превратился в сплошной горячий пар. И как только Кирилл своими умелыми, сводящими с ума движениями довел меня до самого пика, заставляя моё тело содрогнуться в мощном экстазе, он снова поцеловал меня, заглушая мой стон.

Едва я успела перевести дыхание, как Кирилл резко, без предупреждения разъединил наши объятия. Он шагнул из-под струй воды, одним легким движением нагло сдернул с крючка моё единственное пушистое полотенце, обмотал его вокруг своих бедер и, бросив на меня ленивый, дочерна потемневший взгляд хищника, просто вышел из ванной комнаты. А затем хлопнула и дверь моей спальни.

Я осталась стоять под каплями воды, тяжело дыша и едва удерживаясь на дрожащих, ватных ногах. Кое-как выключив кран, я пошатываясь вышла в спальню. Мокрая пижама облепляла тело, а на полу у моих ног всё так же сиротливо лежала гора плюшевых игрушек и открыток из нашего далекого прошлого.

Я посмотрела на них сквозь пелену выступивших слез, и у меня сжалось сердце. Ловушка захлопнулась окончательно. Я своими собственными руками впустила чудовище обратно, и теперь я навсегда застряла в этой сладкой, порочной клетке нашего общего греха, из которой у меня больше не было сил сбежать...

Глава 11

Наброски детских клятв

Прошло больше недели. Матвей, словно почувствовав неладное, то и дело утаскивал с собой Кирилла по делам строительной компании и юридическим разборкам. Они пропадали на объектах сутками, и мы с Северским почти не виделись. Я даже в какой-то степени была безумно благодарна брату за этот вынужденный карантин. Я просто физически не могла смотреть в глаза Кириллу после той сумасшедшей сцены под теплыми струями душа.

Но ещё больше я злилась. Злость выжигала меня изнутри из-за того, что он тогда просто взял и ушел. Сбежал, растворился, оставил меня одну смывать с кожи следы его ласк. Как это вообще правильнее назвать в нашем чертовом положении? В моей голове круглосуточно, как испорченная пластинка, всплывала одна и та же унижительная мысль: я для него просто маленькая, удобная игрушка, которой он внезапно захотел поиграть. Малышка Карамель выросла, стала большой, капризной и красивой — так почему бы грозе преступного мира не поиграть с ней по-взрослому? Мы ведь никто друг другу. Абсолютно чужие люди. И плевать ему было на то, что у нас за плечами общие воспоминания и разбитое детство.

Моя детская, глупая, несбыточная мечта...

Я сидела на ковре у раскрытого шкафа и в какой уже раз методично перебирала старые вещи, с силой запихивая плюшевых медведей и сувениры обратно в потайной ящик. Пальцы дрожали, пока я не наткнулась на пожелтевший, слегка помятый по краям лист плотной альбомной бумаги. Рисунок, который я нарисовала в десять лет, незадолго до того, как моя жизнь превратилась в ад.

Я замерла, разглядывая детские штрихи цветными карандашами. На нём были изображены мы — только взрослые. Я нарисовала себя высокой, стройной девушкой в пышном белом платье и с длинной, прозрачной фатой. А рядом стоял взрослый Кирилл — широкоплечий, в строгом темном костюме. Мы держались за руки и обменивались круглыми золотыми кольцами. Сверху детским, еще нетвердым почерком было выведено: *«Принц-Чудовище Кирилл и Красавица-Карамель Каралина»*.

Да. Когда-то в детстве я искренне, свято мечтала выйти за него замуж, как бы смешно, нелепо и глупо это ни звучало сейчас. Маленькая наивная девчонка мечтала повзрослеть и связать жизнь с лучшим другом своего старшего брата. А всё потому, что тогда этот парень дарил мне настоящее, чистое счастье. Он был самым красивым, самым добрым и заботливым. Он всегда защищал меня от дворовых мальчишек, катал на плечах, таскал мне конфеты и, самое главное, любил меня по-своему. И читал мне перед сном сказку. Нашу общую, любимую сказку про доброе Чудовище.

И вот теперь, спустя десять лет, я сижу на полу роскошного особняка, прячу эти чертовы игрушки с глаз долой в темный тайник и мысленно проклиная Кирилла Северского всеми словами, которые только знала. Проклинаю за то, что он вернулся. За то, что одним своим присутствием заставляет меня чувствовать эту невыносимую, удушающую боль. Только уже совсем другую. Взрослую, горькую, неразделенную и такую глупую любовь, от которой у меня больше нет противоядия...

Я судорожно выдохнула, аккуратно сложила старый рисунок и засунула его в самый дальний ящик письменного стола, пряча с глаз долой. Хватит сентиментальности. Я быстро взяла себя в руки и набрала Катьку. Подруга, выслушав мой взвинченный голос, тут же скомандовала собираться и в итоге вовсе уговорила меня остаться у неё с ночёвкой. Она заявила, что у неё ко мне накопилось слишком много вопросов после того эпичного побега с турбазы, и нам

просто жизненно необходимо поболтать в спокойной обстановке. Я, конечно же, согласилась. Действительно, нет никакого смысла сидеть в четырех стенах и караулить тишину, пока эти двое вечно заняты своими разборками.

Сходив в душ и смыв остатки утренней хандры, я решила одеться так, чтобы чувствовать себя уверенно. Натянула стильный джинсовый комплект нежно-голубого цвета: обтягивающий топ-корсет на тонких бретельках с дерзкой молнией спереди, выгодно подчеркивающий грудь, и необычные короткие шорты с завышенной талией, из-под которых кокетливо спускалась воздушная двухъярусная юбка из легкой светлой ткани с оборками. Образ завершали изящные белые босоножки на устойчивом каблуке с тонкими ремешками вокруг щиколоток и маленькая сумочка. Волосы я оставила распущенными, позволив им пышной волной спадать на плечи.

Но стоило мне выйти из своей комнаты и буквально вылететь из дверей особняка на улицу, как я на полной скорости столкнулась с Кириллом. От неожиданности я пискнула, влетая прямо в его жесткие, горячие объятия. От него веяло дорогим парфюмом, табаком и уличной прохладой. Его сильные ладони мгновенно легли мне на талию, фиксируя на месте, а следом за ним по дорожке как раз шел Матвей.

— Ты куда это? — строго проговорил брат, на ходу снимая солнцезащитные очки и хмуро оглядывая мой откровенный наряд.

Кирилл при этом даже и не думал убирать свои руки с моих бедер, продолжая собственнически удерживать меня в капкане своего тела и прожигая взглядом.

— Я к Кате, с ночёвкой, — ледяным тоном отозвалась я, демонстративно поправляя сумку на плече и стараясь не смотреть Кириллу в глаза. — Вас всё равно дома нет уже какой день. Вы вечно где-то пропадаете. Поэтому мы посмотрим фильмы, поболтаем, поедим мороженого... Ну и пообсуждаем, какие все парни редкостные козлы.

— У тебя появился парень? — Матвей опасно выгнул бровь, делая шаг ко мне.

— Пока нет, — независимо проговорила я, вздернув подбородок. — Точнее... постоянного нет. Я в процессе выбора.

— Если ты сейчас говоришь о своем Максе, то я категорически против, — жестко перебил меня брат. — Я вчера лично видел твоего ухажера в торговом центре с другой девчонкой. Они обнимались.

— Правда? — я притворно выгнула бровь, хотя внутри даже ничего не ёкнуло — Макс мне никогда особо и не нравился. Но показать этим двум ревнивцам свою уязвимость я не могла. — Что ж... так даже лучше. Теперь у меня есть официальная новость, чтобы всю ночь пострадать, поплакать и заесть горе ведерком карамельного мороженого.

Используя секундное замешательство парней, я со всей силы рванулась назад, наконец вырвалась из капкана рук Северского и быстрыми, уверенными шагами направилась к своей припаркованной машине.

— Я точно ей полностью сменю гардероб! Из дома скоро в одних ремешках выходить будет! — донеслись до меня раздраженные, полные бессильной ярости слова брата, когда я уже открывала дверцу автомобиля.

Я лишь победно улынулась, садясь за руль, но в зеркало заднего вида отчетливо заметила, как Кирилл Северский проводил мою машину таким темным взглядом, что у меня по коже пробежал ощутимый мороз.

Каткин дом мало чем уступал нашему особняку — её родители тоже были из категории зажавшихся богачей. Огромный трехэтажный коттедж из белого кирпича, с идеальным ландшафтным дизайном, ухоженным зеленым газоном и шикарным открытым бассейном на заднем дворе. Родителей, естественно, дома не было, так что вся эта роскошная территория оказалась в полном нашем распоряжении.

Вот только стоило мне припарковаться у её ворот, как меня ждал грандиозный сюрприз. Никаких «тихих девичьих посиделок за просмотром слезливых мелодрам» тут и близко не

намечалось. Катка устроила самую настоящую мини-вечеринку. На заднем дворе вовсю гремела музыка, а у бассейна толпился народ: Артём, Стас, Юлька, куча парней с параллельного потока, ребята постарше и — вишенка на торте — собственной персоной Макс, который уже успел знатно пригубить алкоголя.

Катя встретила меня прямо у входа, держа в руке бокал с шампанским.

— Подруга, ну ты просто богиня! — вытаращила она глаза, разглядывая мой наряд. — Я знала, что ты приедешь красивой, но чтобы настолько рвать шаблоны...

— Катка, ты издеваешься? — я со смехом пихнула её в плечо. — Ты же сказала, что мы будем просто болтать! Я вообще сначала хотела приехать как бомж в растянутых трениках и с пучком на голове. Хрен бы я так наряжалась!

— Ой, да ладно тебе, Леонова! — Катя заливисто рассмеялась, утягивая меня в дом. — Ты у нас будешь выглядеть как королева бала даже в мешке из-под картошки. Пойдем, скидывай сумку у меня в комнате и дуй к нам, там как раз Макс пытается доказать, что он лучший пловец университета.

Быстро забросив вещи на второй этаж, я спустилась к остальным и с ходу влилась в общее безумие. Мы пили ледяные коктейли, шумно танцевали прямо на траве под палящими лучами заходящего солнца и до хрипоты пели в караоке старые рок-хиты. Алкоголь быстро ударил в голову, размывая границы дозволенного, и мы начали фоткаться как ненормальные на Каткин телефон — строили рожи, кривлялись и позировали у кромки воды.

Из-за хмеля в голове и бурлящей внутри обиды меня потащило совсем не в ту степь. Пальцы сами открыли мессенджер, и я, не думая о последствиях, набрала короткое сообщение Кириллу:

«Ты редкостный козел, Северский. Ненавижу тебя».

Ответ прилетел на удивление быстро. На экране высветилось его лаконичное:

«Я сейчас сильно занят по работе с твоим братом. Но как только освобожусь, мы сможем очень подробно поговорить о твоём поведении».

«Да нахрен мне нужно с тобой говорить!!!» — яростно натыкала я по клавиатуре, делая кучу глупых ошибок, потому что буквы уже предательски плыли перед глазами.

Кирилл тут же прислал новое сообщение, и от его тона даже через экран повеяло ледяным душем:

«Ты точно у Кати? Что с твоей орфографией в разговоре? Давно ли ты, Леонова, ска- тилась с отличницы на круглую двоечницу?».

Я лишь злобно фыркнула и не стала ему отвечать, заблокировав экран. Плевать на него! Пусть со своими бумажками целуется.

Мы снова дико хихикали, тусили, и в какой-то момент вся наша пьяная компания с визгами и брызгами переместилась в бассейн. Вода приятно охлаждала разгоряченную кожу.

— Эй, Каралина! Тебе тут на мобильный звонит какое-то «Чудовище»? — Катя, сидевшая на шезлонге у бортика, смешно выгнула бровь, разглядывая экран моего оставленного на столе телефона, и прыснула со смеху. — О боже, это что, тот самый суровый друг твоего брата?

— Потом отвечу! — весело прокричала я из воды.

В эту секунду парни как раз подхватили нас с Юлькой на свои плечи. Началась традиционная пляжная борьба «наездников» — мы пытались столкнуть друг друга в воду под одобрительные крики толпы. Я крепко держалась за шею Андрея, парня с третьего курса, отчаянно толкая Юлю.

— Эй, Караля, он звонит снова! Очень настойчивое чудовище! — Катя помахала моим смартфоном.

— Ну ответь сама тогда, боже, отвязись! — со смехом отмахнулась я, полностью увлеченная игрой.

В следующую секунду мы с Андреем с победным воплем выиграли этот раунд — Юлька с громким плеском ушла под воду. Андрей от радости резко развернулся, на эмоциях спрыгнул, сбрасывая меня со своих плеч прямо в воду, и стоило нам вынырнуть, как он поддался общему куражу и... с ходу вцепился мне в губы мокрым поцелуем.

«Ай, гуляй, шальная!» — бесшабашно пронеслось в моей хмельной голове. Пытаясь заглушить образ Кирилла, я поддалась вперед, обвивая ногами его торс под водой и отвечая на поцелуй.

— АДРЕС! — вдруг раздался из динамика телефона такой громовой, вибрирующий от ярости мужской голос, что у меня внутри всё мгновенно заledenело.

Я в ужасе отпрянула от Андрея, тяжело и прерывисто дыша, и резко обернулась на звук. На бортике бассейна стояла абсолютно бледная, испуганная Катька. Она на вытянутых руках держала мой телефон, показывая мне экран в режиме видеосвязи. Из-за шума воды я и не заметила, что Катя действительно приняла вызов. И Кирилл через камеру в прямом эфире только что увидел, как я целуюсь с другим парнем в бассейне, обвивая его ногами.

Экран телефона внезапно погас.

— Надеюсь, ты ему ничего не сказала?! — панически вскрикнула я, стремительно выныривая из бассейна и цепляясь пальцами за скользкий бортик.

— Я... я не хотела! — Катя судорожно сглотнула, её руки заметно тряслись. — Но он так шипел в трубку... Ну точно чудище лесное, Каралина! Из него словно демоны лезли. Он рывкнул, чтобы я быстро назвала адрес, иначе он перевернет этот город к чертям, а мне назовет цену моей жизни. Я от страха и выпалила нашу улицу...

— Катя, блин! — в полном ужасе проговорила я, понимая, что через сорок минут на эту турбазу ворвется настоящий дьявол, и этот пикник закончится массовым побоищем...

Я тут же начала в панике набирать его номер снова и снова, но этот упрямый придурок только хладнокровно сбрасывал вызовы. Наконец, когда я вбежала в Каткину гостевую ванную и принялась судорожно обсушиваться полотенцем, телефон в моих дрожащих руках ожил.

— Я даю тебе ровно десять минут для того, чтобы ты помогла скрыться своему новому парню, — леденящим душу, вибрирующим от ярости шепотом прошипел Кирилл в динамик. — Ровно десять минут, Кара. Время пошло.

И трубку снова безжалостно скинули.

— Да что б тебя! — в ужасе выдохнула я.

Я пулей выскочила из ванной обратно на задний двор в поисках Андрея. Найдя его у бортика, я принялась чуть ли не слёзно умолять его немедленно свалить отсюда, если он не хочет до конца жизни ходить в инвалидах. Андрей сначала глупо смеялся, абсолютно не понимая моей паники, и снова пытался притянуть меня к себе, чтобы обнять и поцеловать. Но в следующую секунду я просто замерла на месте, чувствуя, как у меня внутри всё окончательно онемело.

По идеально подстриженному зеленому газону Каткиного двора, чеканя тяжелые, уверенные шаги, к нам шёл Кирилл. Ровно десять минут. Он не соврал ни на секунду. Его черная рубашка была растегнута на несколько пуговиц, а взгляд не выражал абсолютно ничего человеческого.

— Всё, Андрей, ты труп... — обреченно проговорила я, предпринимая последнюю попытку вырваться.

Но этот придурок, видимо, знатно перепил. Он вообще не соображал, какая опасность к нему приближается, и уже максимально активно и нагло слюнявил мне шею, пытаясь удержать. Я со всей силы оттолкнула его от себя. Пьяный Андрей не удержал равновесия и с глухим стуком грохнулся прямо на задницу, продолжая глупо хохотать.

Я рванула наперерез Кирилла, преграждая ему путь и раскинув руки в стороны.

— Какого хрена ты припёрся сюда?! — закричала я ему в грудь.

Но Северский словно вообще не видел меня. На его лице не дрогнул ни один мускул. Он просто и бесцеремонно оттолкнул меня в сторону одной рукой, как легкую пушинку, чтобы я не путалась на пути, и продолжил движение.

— Кирилл! Прекрати! — отчаянно попыталась я достучаться до него, хватая за локоть.

Но было бесполезно. Он в два шага дошел до сидящего на траве Андрея, одним легким, звериным движением поднял его за шиворот футболки на груди, рванув вверх, что-то прошипел ему прямо в лицо, а затем с размаху наотмашь ударил кулаком в нос.

Раздался отчетливый хруст. Андрей тут же жалобно охнул, со стоном зажимая залитое кровью лицо ладонями, и мгновенно протрезвел от резкой боли.

— Да я понял! Понял! Извини, мужик! — тут же в панике стал он оправдываться, вжимаясь в газон.

Кирилл даже не посмотрел на него дважды. Он молча обернулся ко мне, его лицо было бледным от ярости, а желваки ходили ходуном. Он грубо схватил меня за запястье и на глазах у замершей в полном шоке толпы студентов потащил прочь с вечеринки.

— Каралина... — испуганно пискнула бледная Катька со стороны шезлонгов.

Я лишь из последних сил махнула ей рукой, давая понять, что всё нормально и вступаться за меня не нужно — иначе Северский здесь камня на камне не оставит.

— Мне вещи забрать надо! Пусти! — шикнула я на него, когда мы уже подходили к его огромному черному внедорожнику, припаркованному у ворот.

— Потом заберёшь, — ледяным тоном проговорил он.

Кирилл распахнул переднюю пассажирскую дверь и просто запихал меня в салон машины, с силой захлопнув створку и мгновенно заблокировав центральный замок.

— Да как ты смеешь?! — яростно закричала я, оборачиваясь к нему, когда он сел на водительское сиденье. — У меня там в комнате остался мобильник, все деньги и ключи от дома! Выпусти меня!

Вместо ответа Кирилл лишь страшно рыкнул, со всей силы со злости ударил кулаком по кожаному рулю, отчего я инстинктивно вздрогнула, и сам вышел из машины, громко хлопнув дверью.

Я осталась сидеть в полумраке салона, чувствуя, как хмель окончательно выветривается. Минут через пятнадцать-двадцать Кирилл снова вернулся. Он молча открыл заднюю дверь, со злостью скинул мою сумку на заднее сиденье, запрыгнул за руль и, резко рванув с места, увез меня прочь от Каткиного дома в темную ночную трассу.

— Козел, — только и смогла ядовито проговорить я, отворачиваясь к окну и чувствуя, как в груди всё разрывается от его удушающего, пугающего собственничества.

Глава 12

Черный омут

Кирилл

Я вжимал педаль газа в пол, выжимая из внедорожника всё, на что был способен его форсированный движок. Стрелка спидометра давно перешагнула за все разумные пределы, а покрышки противно свистели на крутых поворотах ночного шоссе. Руки безумно сильно сжимали кожаный обод. На костяшках правого кулака всё ещё подсыхала чужая кровь — кровь этого ублюдка из бассейна. Багровые капли зловеще поблескивали под холодным светом приборной панели, затекая под стальные грани моих перстней. Внутри меня полыхал настоящий, неконтролируемый ад. Ярость просто выжигала легкие.

Рядом, вжавшись в пассажирское кресло, сидела Каралина. Испуганная до дрожи, но при этом безумно, упрямо злая, она сидела вполоборота к тонированному окну, демонстративно отвернувшись от меня. С её зацелованных, припухших губ нескончаемым потоком срывались ядовитые проклятия и гневное бурчание о том, что я психопат, животное и вообще не имею никакого права вести себя как хозяин её жизни.

Каждое её слово заставляло меня злиться ещё больше. Ну почему она такая чертовски упрямая?! Почему из неё до сих пор прет этот глупый, бессмысленный бунт? Я ведь не слепой. Я видел, как она тает в моих руках. Видел, как её гордость рассыпается в прах под теплыми струями душа, когда моё тело вжимало её в кафед. Я чувствовал, как она содрогалась в моих объятиях, получая чистейшее, крышесносное наслаждение, пока её тихие стоны плавили воздух ванной. Да я нахрен готов дать ей всё, что она только пожелает в этой жизни! Готов бросить к её ногам весь мир, легальный и криминальный, лишь бы она перестала колотиться своими иголками.

— Ты эгоист! Слышишь, Северский? — снова донеслось до меня её яростное шипение из угла салона. — Безжалостный, эгоистичный ублюдок! Старое, грязное чудовище!

Это её «старое чудовище» злило и веселило меня одновременно. Она то и дело, при каждой удобной возможности, напоминала мне о моем возрасте. Пыталась выстроить между нами эту чертову бездну в десять лет разницы, шрамов и моего темного прошлого. Но, чёрт возьми, она до сих пор не поняла главного: я готов был запереть её в этой самой бездне навстречу её воле. Готов был подарить ей каждый чертов грех, который ярким пламенем вспыхивал междуними стоило мне лишь на секунду коснуться пальцами её кожи.

Каралина сидела в этом своем корсете и короткой юбке, которая из-за её позы сползла еще выше, оголяя её загорелые бедра до неприличия, и это просто сводило меня с ума. Перед глазами до сих пор стояла та кошмарная картинка из видеосвязи: полуголая, мокрая Кара в бикини посреди бассейна, обвивающая своими идеальными ногами какого-то сопляка, пока тот слюнявит её губы и шею. Внутри всё переворачивалось от желания вернуться и окончательно забить этого Андрея в бетон.

Я понимал, что технически не имею никакого права вот так грубо врываться в её взрослую жизнь. За те десять лет, пока меня не было в городе, она явно уже выросла из детских сказок. Я невольно вспомнил свой собственный подростковый возраст. Первые глупые отношения, влюбленности, эти классические конфетно-букетные периоды... Осознание того, что кто-то другой мог целовать её, обнимать, дарить эти чертовы букеты и конфеты, пока я выживал на разборках, ударило под дых сильнее любого кастета.

Я лишь глухо, зверски рыкнул от собственного бессилия перед её прошлым и этой удушающей ревностью. Желваки на моем лице заходили ходуном. Хватит. Я больше не собирался

везти её в особняк, где за стеной в любую минуту мог проснуться Матвей. Нам нужно было закончить этот разговор там, где нам никто не мешает.

Сжав зубы, я с силой крутанул руль в сторону, резко сворачивая с трассы на освещенную неоновыми огнями улицу, где располагались самые дорогие, закрытые отели города...

Внедорожник с визгом тормозов замер у парадного входа в один из самых роскошных отелей города. Это было монументальное здание из темного гранита и тонированного стекла, скрытое от посторонних глаз густой полосой деревьев. Здесь платили за абсолютную конфиденциальность, и лишних вопросов тут задавать не привыкли.

Я молча заглушил двигатель. Вышел из машины, размашистым шагом обошел капот и резко распахнул пассажирскую дверь со стороны Каралины. Не слушая её возмущенного писка, я перехватил её запястье и, несмотря на яростные протесты, потащил за собой по ступеням, залитым мягким неоновым светом.

Холл отеля дышал тяжелой, удушающей роскошью. Огромное пространство с колоннами из черного мрамора, приглушенное дизайнерское освещение, дорогие бархатные диваны в углах и густой, едва уловимый аромат сандала и селективного парфюма. Здесь было безлюдно и тихо, как в склепе, что идеально подходило для моих планов.

Я уверенно направился к стойке регистрации, выполненной из цельного куска темного дерева. Каралина всю дорогу отчаянно дергала руку, пытаясь вырваться, её новые белые босоножки со звуком шлепали по полированному полу, а длинные каштановые локоны разметались по плечам.

— Самый дорогой номер. Подальше от всех, на верхнем этаже, — ледяным тоном, не терпящим возражений, бросил я симпатичной девушке-администратору, бросая на стойку свою золотую карту без лимита.

Девушка за стойкой быстро застучала по клавиатуре, но её взгляд то и дело испуганно возвращался к Каралине. Моя Карамель выглядела слишком взвинченной. Её лицо буквально полыхало — то ли от выпитых коктейлей, то ли от дикой злости на меня.

— Господин... всё нормально? — осторожно уточнила администратор, поглядывая на мои татуированные пальцы со следами подсохшей крови на перстне. — Если вы...

— Всё отлично! — рявкнул я на неё так, что бедняжка инстинктивно вздрогнула. Времени на эти китайские церемонии у меня не было. Опершись локтем о стойку, я хищно прищурился и добавил, кивая на притихшую от неожиданности девчонку:

— Невеста моя. Просто перебрала на девичнике, характер показывает.

Каралина от слова «невеста» тут же яростно нахмурилась и брезгливо дернула лицом, прожигая меня взглядом, в котором можно было утопить целый флот.

— Простите... — девушка-администратор, собрав остатки профессионального мужества, напрямую обратилась к моей Карамели. — У вас точно всё хорошо? Я могу позвонить в...

— Всё отлично! — внезапно рявкнула уже сама Каралина, перебивая её и переходя на крик. Накинулась на несчастную администраторшу исключительно от злости на меня, не желая, чтобы чужие люди лезли в наши разборки.

Я не выдержал и тихо посмеялся. Моя девочка. Характер — чистый порох, даже в хмельном состоянии понимает, кто здесь хозяин.

Перепуганная девушка быстро выдала электронный ключ от 512-й комнаты и скороговоркой протараторила:

— Если что-то потребуется, вы можете круглосуточно позвонить на стойку регистрации с внутреннего телефона, вам всё принесут в номер... Хорошего отдыха.

Я резко забрал ключ-карту и, не выпуская Каралину из своего железного плена, потащил её вглубь холла к лифтовой зоне. Она всё еще упрямо дёргала руку, пытаясь вывернуть сустав, но послушно вошла за мной в открывшиеся зеркальные двери лифта.

Кабина была отделана золотыми панелями и зеркалами в пол. Зеркала лифта мгновенно отразили нас двоих в полный рост. Я жадно разглядывал её — сначала через отражение золотых панелей, а затем повернулся к ней полностью, вальяжно складывая руки на груди. Каралина даже спрятаться здесь от меня не могла. Как бы она ни отворачивалась к стенке, зеркала выдавали её со всех сторон, демонстрируя изящный изгиб обнаженной спины и то, как тяжело вздымалась её грудь.

— Было бы очень сексуально взять тебя прямо здесь, — проговорил я, и под конец фразы мой голос сорвался на глухой, животный рык.

Я сократил наше расстояние до нуля, вжимаясь своим жестким пахом ей прямо в спину и заставляя её вздрогнуть от этого бесстыдного напора. Каралина смотрела на меня через зеркало. Она дико злилась, яростно хмурилась и сжимала зубы до белых пятен на коже, но бежать из этой кабины было некуда.

— Я буду видеть тебя со всех сторон, моя сладкая карамель, — обжигая её шею дыханием, прошептал я.

— Катись ты! — рванула она в сторону, и в этот самый момент металлические двери лифта со звоном разъехались.

Каралина просто вылетела в холл пятого этажа, цокая каблуками по ковровой дорожке. Я лениво пошел следом, ни на секунду не теряя её из виду. Дойдя до нужной двери с золотыми цифрами «512», я приложил электронную карту. Замок тихо щелкнул, мы вошли внутрь, и я запер дверь на засов.

Номер был огромным и выглядел как ожившая фантазия для грешников. Он состоял из двух просторных зон. Гостиная часть поражала своими гигантскими панорамными окнами в пол, из которых открывался умопомрачительный вид на ночной, переливающийся миллионами неоновых огней дальний город. Чуть дальше располагалась роскошная спальня. Здесь царил глубокий, интимный полумрак, который мягко разбавляли встроенные неоновые лампы, спрятанные прямо под парящим подиумом огромной двуспальной кровати. Они отбрасывали на ковер мягкий, приглушенный фиолетовый свет, создавая порочную, удушающую атмосферу.

А самое интересное — этот номер обладал всеми грёзами, которые я так сильно любил. И один из моих самых главных, запретных и сладких грехов сейчас с размаху сел на кожаный диван в гостиной зоне.

Каралина сидела сердито поджав под себя ногу, и буквально кряхтела от злобы, буравя меня своим уничтожающим, но таким чертовски желанным взглядом.

Я медленно снял пиджак, швырнул его на кресло и остался в одной черной рубашке с закатанными рукавами. Сев в кресло напротив, я упрямо посмотрел на неё.

— Зачем ты меня провоцируешь, Карамель? — тихо, но так отчетливо спросил я, что каждое слово ударило по стенам номера. — Для чего ты сначала пишешь мне, оскорбляешь, а потом просто игнорируешь? Для чего устраиваешь этот цирк, пока вместо тебя на звонки отвечает по видеосвязи чужой человек, наблюдая, как в твою глотку какой-то сопляк засовывает свой язык?

Каралина лишь дерзко фыркнула. Она даже не подумала опустить глаза или испугаться. Хмель и обида выжгли в ней остатки тормозов, и она решила до конца давить на мои самые болезненные точки, провоцируя своими ответами.

— А это не твое собачье дело, Северский! — выплюнула она мне прямо в лицо, вздернув подбородок. — Кто хочет, тот и засовывает мне в глотку язык. А может, и еще чего! Тебе-то какая разница? Ты мне никто!

От этих грязных, вызывающих слов у меня в голове окончательно сорвало резьбу. Кровь с шумом ударила в виски. Я просто не сдержался — подскочил к дивану, рванул её за запястье вверх, заставляя подняться, и дернул её руку.

— Ты, наверное, нахрен еще не поняла, да, чья ты?! — прорычал я ей прямо в губы, сжимая пальцы до белых костяшек и вжимая её тело в своё тело. — Ты не можешь стонать мне в губы от моих рук, а потом стонать под этими сопляками из университета! Не смей даже думать об этом!

— Я сама решу, под кем мне стонать! — так же громко, со слезами злости на глазах крикнула она, упрямо сверля меня своим диким, горящим взглядом и пытаюсь вырвать руку.

Я замер. Мои зрачки расширились до предела, затапливая радужку яростью. Стук её сердца отдавался в моих ладонях.

— Ты ведь это несерьезно сейчас, да? — уточнил я глухим, утробным рыком, склоняясь к её лицу так низко, что наши носы соприкоснулись.

— О да! Я предельно серьезно, Северский! — отчеканила она, тяжело дыша. — Если бы ты не приперся туда и не устроил свое побоище, думаю, я прямо сейчас так сладко стонала бы под Андреем в его постели!

Каралина со всей силы толкнула меня обеими руками в грудь. От неожиданности я слегка ослабил хватку, и она, круто развернувшись на своих каблуках, уверенно направилась прямоком к выходу из номера.

— Куда ты собралась?! — рыкнул я ей в спину, чувствуя, как внутри взрывается тротильный заряд.

— Обратно! — бросила она через плечо, даже не оборачиваясь, и капризно махнула рукой, слегка покачиваясь на высоких шпильках. — Ты ненормальный, Северский. Поспи и остынь.

— Ну хрен с тобой, Карамель, — прорычал я, полностью теряя рассудок.

Два широких шага — и я снова оказался рядом. Моя ладонь жестко, собственнически легла ей на шею сзади. Одним резким движением я развернул её хрупкое тело к себе лицом, вжимая спиной в ближайшую стену, и впился в её сухие, искусанные губы, полностью заглушая её очередной протест...

Этот дикий поцелуй мгновенно выбил из неё всю хмельную спесь. Я физически почувствовал, как её тело обмякло, а в расширенных зрачках отразился панический страх. До моей маленькой глупой Карамели наконец-то дошло, какую фатальную ошибку она совершила, намеренно разозлив зверя. Наш опасный разговор о сопляке Андрее сорвал мои последние тормоза. Но самое потрясающее — её собственное тело, напрочь проигнорировав панику мозга, снова предательски и отчаянно отозвалось на мои жесткие ласки.

Каралина не стала отталкивать меня. Её пальцы судорожно взметнулись вверх и, путаясь в петлях, она первая начала лихорадочно расстегивать пуговицы моей рубашки. Ладони девчонки скользнули под ткань, жадно поглаживая мою горячую грудь и плечи. Она сама, теряя остатки сил, выгибалась мне навстречу, прерывисто, томно шепча прямо в мои губы:

— Ты... ты просто чудовище, Северский... Слышишь? Ненавистное чудовище...

Из моей груди вырвался утробный рык. Не разрывая этого сумасшедшего поцелуя, я перехватил инициативу и вцепился в её корсет. Одним резким, властным движением я сорвал его с её хрупкого тела. Затрещала ткань, замок поддался, и в ту же секунду, осознав, что под корсетом на ней нет абсолютно никакого белья, я окончательно потерял рассудок. Моя ревность и голод слились в один удушающий экстаз. Оторвавшись от её губ, я спустился ниже, принимаясь исступленно, жадно ласкать её обнаженную грудь обжигающими поцелуями.

Кара снова судорожно выгнулась в моих руках, запрокидывая голову назад и впиваясь пальцами в мои темные волосы. Её дыхание сбилось на рваный шепот. Ведомая этим порочным, запретным инстинктом, она опустила руки к моему поясу и принялась торопливо расстегивать мои штаны.

В считанные секунды избавившись от мешающей одежды и сорвав с её бедер легкую светлую юбку с оборками, я одним мощным движением подхватил её под бедра. Она инстинк-

тивно обвила ногами мой торс. Не переставая покрывать быстрыми, глубокими поцелуями её шею, оставляя там новые багровые метки своей стопроцентной собственности, я размашистым шагом перенес её в спальню — прямо к огромной двуспальной кровати, окутанной фиолетовой неоновой подсветкой.

Я резко, без предупреждения кинул её голое тело на белоснежные простыни. Каралина лишь испуганно, громко охнула от этого неожиданного падения, буквально утопая в мягком матрасе. Стоя у подножия кровати в приглушенном неоновом полумраке, я быстрым движением снял с себя остальное белье, полностью обнажая свое тело.

Моя Карамель мгновенно замерла, затаив дыхание и во все глаза разглядывая мой силуэт в темноте. В фиолетовых лучах неоновых светов каждый рельеф моего пресса, шрамы и плотный ковер татуировок выглядели пугающе. Я отчетливо видел, как сильно она напугалась моей силы, но в её глазах всё ещё горел тот самый упрямый, ответный огонь страсти, который мы оба так долго пытались задуть.

В панике от моего вида она инстинктивно попыталась отползти назад, к самому изголовью, судорожно прикрываясь покрывалом. Я лишь хищно усмехнулся. Одним легким движением руки я сдернул это покрывало с кровати и безжалостно швырнул его на пол. Она предприняла вторую попытку спрятаться — начала судорожно зарываться под тонкое белое одеяло, надеясь отгородиться от меня хотя бы этой хрупкой преградой.

Но чудовище пришло забрать своё. Я с силой сдернул одеяло прочь, лишая её последней защиты. Прежде чем она успела перевернуться, моя большая, горячая ладонь перехватила её изящную щиколотку. Одним мощным, уверенным рывком я протащил её скользящее тело по белым простыням прямо к себе, к самому краю кровати.

Каралина испуганно пискнула, мгновенно упираясь ладонями в мою жесткую, татуированную грудь, когда я тяжелой, удушающей скалой навис сверху, полностью перекрывая ей кислород и блокируя любые пути к отступлению...

Я покрывал её дрожащее тело поцелуями. Каралина выгибалась мне навстречу на прохладных простынях, судорожно хватая ртом воздух и раз за разом упрямо твердя мне в губы: — Ты чудовище... Слышишь, Северский? Ты просто дикое чудовище...

— А ты моя красавица, — шептал я ей в ответ, обжигая кожу.

Я ласкал её тело так, словно хотел выжечь на ней свое имя до конца дней. Покрывал её плечи, ключицы и живот глубокими поцелуями и легкими укусами, от которых она прерывисто вздыхала. Мой язык изучил каждый изгиб её бархатистой кожи, доводя нас обоих до полного иступления в этом неоновом полумраке. Наконец, я избавил её от последней ткани. Каралина инстинктивно сжалась, попытавшись прикрыться руками, но я перехватил её запястья, не давая ей расслабиться ни на секунду. Я навис сверху, чувствуя, как внутри всё плавит от дикого вожделения.

— Ты ведь хочешь меня, верно? — хрипло выдохнул я, фиксируя её взгляд на себе. — Твое тело кричит об этом так сильно, что я физически чувствую это, Карамель.

Я тут же раздвинул её бедра, уверенно размещаясь между ними.

— Хочу... — только и отозвалась она прерывистым шёпотом, окончательно сдаваясь, сжимая мои плечи.

Но образ того сопляка в бассейне до сих пор стоял у меня перед глазами, выжигая легкие адской ревностью. Я до боли сжал челюсти и низко, опасно склонился к её лицу. — Ты бы правда переспала с ним, если бы я не приехал? — прорычал я ей прямо в губы.

— Да! — тут же упрямо буркнула она, даже в такой момент пытаясь уколоть мою гордость.

— Супер, — только и шикнул я.

Потеряв остатки контроля, я вошел в неё — резко, мощно и сразу до самого основания. Каралина тут же испуганно пискнула, её тело под мной мгновенно замерло, натянувшись

как струна. Но я был слишком ослеплен злостью и ревностью, чтобы дать ей время привыкнуть или расслабиться. Я брал её снова и снова, жестко, глубоко, наказывая за эти дурацкие, вызывающие мысли и за слова о другом мужчине.

По её виску тут же покатилась одинокая горячая слеза. Каралина крепко зажмурилась, но при этом целовала меня в ответ отчаянно, дико, словно забирая весь мой кислород. Её аккуратные ногти больно, до крови вонзались мне в спину, оставляя рваные полосы. А я, под сумасшедшим напором накопленных чувств и душасцей ярости к ней, просто продолжал брать её тело. Без ласки. Без нежности. Как дикий зверь.

Но в какой-то момент её сдавленный всхлип пробился сквозь пелену моего безумия. Я на секунду замер, вглядываясь в её лицо через полумрак. Видя её слезы и то, как она болезненно шипит сквозь зубы, я почему-то резко притих.— Все нормально? — выдохнул я, вглядываясь в её глаза.

— Да... — тут же проговорила она, на удивление крепко обнимая меня за шею и притягивая к себе еще теснее, словно умоляя не останавливаться.

Но как только я сделал еще пару глубоких движений, то отчетливо почувствовал, что между её бедер стало уж слишком мокро и горячо. Внутри шевельнулось нехорошее предчувствие. Я слегка отстранился, и Каралина снова болезненно поморщилась, закусывая губу. А когда я вышел из неё окончательно... я просто застыл на месте. Время словно остановилось.

— Твою мать! — тут же дико рыкнул я, в панике подсакивая с постели.

Каралина на простынях вся мгновенно сжалась в маленький комочек, судорожно подтягивая колени к груди. По её щекам непрерывным потоком текли беззвучные слезы. Белоснежная ткань простыни под ней была безнадежно испорчена ярким, темно-красным огромным пятном.

— Кара, ты... — я запнулся, во все глаза разглядывая то, что я только что натворил в своей слепой ярости. У меня внутри всё просто рухнуло в бездну.

— Блять! — со всей силы заорал я и наотмашь ударил кулаком в стену номера, с треском разбивая и дорогую штукатурку, и костяшки собственной руки в кровь. Боль в руке была ничем по сравнению с тем, как сейчас разрывало мою грудь.

Я резко повернулся к ней, запустив обе руки в свои мокрые волосы и сжимая голову как можно сильнее, пытаясь прийти в себя от шока. Это было чертовски не круто. Мой мозг судорожно цеплялся за последнюю глупую надежду.— Просто скажи... скажи, что у тебя месячные пришли так не вовремя, ведь да, Карамель?! Скажи, чёрт тебя дери!

На мой безумный, умоляющий вопрос она лишь медленно, едва заметно качнула головой из стороны в сторону, не открывая глаз.

— Дура... Какая же ты дура... — выдохнул я, чувствуя, как у меня самого подсакиваются ноги. Я же разорвал тебя всю.

Я был на сто процентов уверен, что она выросла, что у неё за эти годы кто-то был, а она... она была абсолютно чиста. И я только что взял её так грубо, как последний ублюдок. Моя дикая, слепая ярость уничтожила всё, что я должен был беречь больше собственной жизни.

— Я... — тут же запнулась она, начиная рыдать еще сильнее, утыкаясь лицом в подушку.

— Что «ты»?! Что «ты», Кара?! — рывкнул я, теряя контроль над эмоциями и низко склоняясь над ней. Внутри меня всё клокотало от смеси вины и непонимания. — Для чего ты провоцировала меня?! Почему молчала?! Хотела выглядеть взрослой перед своим дедулей? Смелой?! Опытной стервой?! Что, Кара?!

Я уже психовал неистово, расхаживая по комнате взад-вперед. Каралина снова вся сжалась под моим криком, пряча лицо.— Я... — но она так и не смогла ничего сказать сквозь душасщие её рыдания. Наконец, она подняла на меня свои полные боли и разочарования глаза: — Отвези меня домой... Пожалуйста... Отвези меня домой! — прорыдала она.

Я сжал челюсти с такой силой, что зубы отчетливо скрипнули в тишине номера. Посмотрел на её изломанную фигуру на простынях, и мне захотелось задушить самого себя.— Надеюсь, в твоей спортивной сумке есть штаны, — прошипел я, пытаюсь вернуть голосу хоть какую-то жесткость, чтобы окончательно не завывать от собственной вины. — Иначе ты останешься здесь, в этом номере.

На мой вопрос она лишь беззвучно, слабо кивнула головой.

— Жди... — глухо проговорил я.

Быстро собрав с пола свое разбросанное белье и брюки, я натянул всё на себя, даже не заботясь о рубашке. Схватив ключи от машины со стола, я быстрыми шагами вышел из номера, направляясь к лифту.

Я должен был остановиться. Обязан был сообразить, когда почувствовал, как она судорожно, до боли сжимается вокруг моего члена. Она была такая невероятно узкая, тесная, что у меня с самого начала поплыло перед глазами. Но я в своем ревном психозе не придал этому значения. Подумал, дурак, что у неё просто было мало партнеров в жизни или ещё что-то... Я начисто потерял контроль.

— Дьявол, — глухо прошипел я, опуская голову вниз и зло, исподлобья смотря на своё отражение в золоченом зеркале лифта. На меня глядел настоящий монстр.

Добравшись до внедорожника, я рванул заднюю дверь, схватил её спортивную сумку с вещами и на одном дыхании вернулся в номер. Перешагнул порог спальни и замер.

В комнате её уже не было. Как и простыни на кровати — матрас был полностью голым. Из ванной комнаты доносился плотный, непрекращающийся шум льющейся воды.

— Карамель? — позвал я, подойдя ближе и коротко постучав в деревянную дверь. Она не ответила. — Кара? — и снова мертвый молчок. — Каролина! — уже более строго, теряя остатки терпения от нарастающей паники, потребовал я.

В ответ — только гул водопада за стеной.

— Дьявол! — рыкнул я.

Не став больше тратить время на уговоры, я просто с размаху всадил плечо в хлипкий замок и выбил эту хренову дверь. Створка с треском распахнулась, являя мне картину, от которой у меня внутри всё окончательно выгорело дотла.

Она сидела прямо на полу душевой кабины, под безжалостными, хлещущими напорами горячей воды. Сжав колени руками и уткнувшись в них лицом, Каралина безудержно, навзрыд рыдала, а её хрупкие плечи судорожно вздрагивали. А проклятая, сорванная с постели простыня валялась прямо у неё в ногах, и бледная вода в сливе медленно окрашивалась в розовый цвет, унося мою страшную, непоправимую вину в канализацию...

Глава 13

Осколки гордости

Стоило двери номера со щелчком захлопнуться за его спиной, как я тут же, преодолевая слабость, подскочила с постели. Внутри всё невыносимо жгло и болело. Но сильнее физической боли во мне полыхала дикая, удушающая ярость. Я злилась. Дико, до скрежета зубов злилась сама на себя! Я не должна была плакать перед ним. Не должна была показывать эту жалкую слабость и уязвимость. Я обязана была до последнего выпускать свои колющие иголки, плевать ядом, закрываться от него щитами, но вместо этого... я просто сломалась и сдалась.

Опустив взгляд на постель, я похолодела. Глядя на то страшное, огромное темно-красное пятно, которое расплылось на белоснежной ткани, я почувствовала, как к горлу подкатывает тошнота. Схватив простыню обеими руками, я с яростным криком сорвала её с матраса, скомкала и, едва перебирая ватные ноги, утащила в ванную.

Я швырнула эту проклятую ткань на пол душевой кабины и принялась с остервенением, со всей силы пинать её ногами, рыча сквозь слезы:

— Чудовище! Просто дикое, безжалостное чудовище! Ненавижу тебя! Ненавижу!

Рыдания душили меня, разрывая грудную клетку. В голове набатом стучали его жесткие, несправедливые обвинения. Я отдала ему самое дорогое, что у меня было. Свою чистоту, свою первую взрослую страсть. А он? Он просто назвал меня дурой. Наорал и сбежал, брезгливо бросив на ходу фразу про штаны.

В душу закрался леденящий, ядовитый страх. Что же теперь... я ему такая не нужна? Моя неопытность, эта кровь на постели — это всё его испугало и разочаровало? Ему, великому мафиозному боссу, больше подходят другие? Опытные, раскрепощенные красотки, которые досконально знают сотни пошлых трюков и умеют убаживать его раздутое мужское эго?

— Козел... — хрипло шикнула я в пустоту, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

Я обессиленно опустилась прямо на кафельный пол душевой кабины, подтянула колени к груди и снова разрыдалась навзрыд, до икоты. Дрожащей рукой я крутанула кран, врубая горячий душ на полную мощность. Тяжелые, плотные струи воды хлынули мне на голову, мгновенно смывая мои слезы и смешиваясь с ними в грязном сливе. Простыня у моих ног медленно промокала, отдавая воде розовый оттенок.

В голове всё оглушительно шумело, а внутри болело так, что хотелось выть. Но почему... почему мне на самом деле так невыносимо больно? Ведь дело было совсем не в физических ощущениях. Я поймала себя на пугающей, честной мысли: я не жалею. Ни на секунду не жалею о том, что между нами произошло. Моё тело до сих пор помнило жар его татуировок и силу его рук.

Боль была чисто моральной. Она давила на сердце многотонной плитой. Почему мне так больно в груди? Что мне делать теперь, после этой катастрофы. Он снова исчезнет из моей жизни, как десять лет назад? Просто соберет вещи и уедет, потому что я его спугнула своей дурацкой девственностью?

Внутри меня бушевал филиал ада. Я одновременно больше никогда в жизни не хотела видеть его суровую, порочную физиономию, и в тот же самый момент... отчаянно, до дрожи в пальцах мечтала, чтобы он прямо сейчас вернулся. Чтобы он вошел, крепко прижал меня к своей широкой груди и тихо, мягко сказал, что всё нормально.

Сквозь плотную стену падающей воды и удушающие рыдания я даже не услышала никакого шума. Я сама не поняла, как Кирилл вдруг снова оказался около меня, прямо внутри тес-

ной душевой кабины. Сквозь пелену слез я заторможенно захлопала ресницами, уставшись на его мокрые брюки.

Мозг панически соображал: как?! Я же точно помню, что закрывала за ним дверь ванной комнаты...

Кирилл опустился около меня на колени прямо на мокрый кафель, совершенно не заботясь о своих брюках, прямо на эту кровавую простынь. Он просто молча, одним сильным движением притянул моё дрожащее тело к себе на колени, усаживая к себе лицом и закрывая своей широкой спиной от безжалостных струй воды.

При ярком, бьющем по глазам свете ванной комнаты мне вдруг стало безумно неловко вот так вот голой сидеть с ним тело к телу. На мне не было ровным счетом ничего, вся моя бунтарская броня была сорвана, но Кириллу, кажется, было на это абсолютно все равно. Он просто смотрел на меня сверху вниз, бережно держа моё заплаканное лицо в своих огромных ладонях, а я так и замерла, не смея пошевелиться или лишний раз подышать.

— Я должен был знать, Карамель... — негромко, с непривычной хрипотой проговорил он, стирая большими пальцами слезы с моих щек. — Должен был знать об этом заранее. Нельзя было такое скрывать от меня, слышишь? Я ведь... я был уверен, что у тебя уже давно был мужчина. Тот же самый олух Макс или еще кто-то из твоих малолеток в университете.

Упоминание Макса и его вечные подозрения в такой момент почему-то задели меня за живое, мгновенно превращая остатки паники в злость. Я тут же дернулась, вырываясь из его рук, и резко вскочила с его колен, оставаясь стоять под душем.

— Ну простите, Северский, что я оказалась такой дефектной и неопытной для тебя, дедуля! — яростно выкрикнула я сквозь шум воды, утирая лицо мокрой ладонью. — И что было бы, если бы я сказала тебе правду?! Ты бы просто бросил меня одну в этом номере и пошел искать себе очередную опытную красотку для разряда своей злости?! Или что?! Или снова свалил бы из моей жизни на следующие десять лет, потому что Карамель оказалась слишком сложной и горькой?!

Кирилл тут же встал на ноги сам — высокий, разгоряченный, с опасно потемневшим взглядом.

— Ты ни черта не понимаешь, что именно я хочу тебе сказать! — разочарованно и зло проговорил он, и его желваки ходили ходуном. — Я тебя сломал, понимаешь ты это или нет?! — рывкнул он на всю ванную, и этот громовой голос заставил меня инстинктивно вздрогнуть. — Я должен был быть нежен с тобой! Я был бы нежен, ясно тебе?! А что сделал я в своем гробаном психозе? Изранил, разорвал твоё тело, которое нужно было беречь, охранять и любить больше всего на свете!

Он тут же в один шаг снова сократил между нами расстояние, лишая меня кислорода, и опять жестко, но бережно взял моё лицо в свои ладони. Кирилл склонился ко мне так низко, что у меня перехватило дыхание, а по коже лавиной посыпались мурашки. Его глаза сейчас буквально плескались невыносимой, осязаемой болью и искренним сожалением.

— Ты мой самый любимый грех, Кара... — тихо прошептал он мне прямо в губы. — Но я не должен был делать этого сегодня. Не должен был переходить черту, пока ты сама действительно и осознанно этого не поняла. Всё должно было быть совершенно иначе. Я должен был подарить тебе красивый, нежный и безупречный первый раз, а не это месиво.

— Тогда уходи, — едва слышно, упрямо проговорила я, чувствуя, как новое рыдание подкатывает к горлу. — Если ты так сильно жалеешь о том, что между нами произошло... просто уходи.

На мой капризный, отчаянный ультиматум Кирилл лишь хрипло, цинично посмеялся мне прямо в губы, обжигая кожу своим горячим дыханием.

— Нет, Кара, — выдохнул он, и в его голосе снова звенящей струной прорезалась пугающая, строгая сталь. — Теперь я тебя уже точно никуда не отпущу. Можешь даже не мечтать

об этом. После сегодняшней ночи ты окончательно и бесповоротно должна зарубить себе на своем красивом носу: только я имею право смотреть на тебя и трогать это тело. Только мои руки будут касаться этой кожи, а эти губы... — он медленно, с давящей нежностью провел большим пальцем по моей нижней, припухшей губе, — их отныне могу целовать только я. Забудь про своего Макса, про парней из университета или кого-либо еще. Если я хоть еще один раз узнаю или увижу, что ты нарушила мое слово, или какой-то ублюдок позволит себе лишнего в твой адрес... я не отпущу его до тех пор, пока он не окажется на больничной койке со сломанным хребтом. Уяснила?

— Ты чудовище, — проговорила я ему едва различимым шёпотом, заворуженно глядя в его сумасшедшие глаза.

— А ты моя любимая красавица, Карамель, — в тон мне отозвался он, наклоняясь еще ниже. — Самая любимая.

И после этого он меня снова поцеловал. Но этот поцелуй был совершенно другим. Он целовал меня невероятно нежно, мягко, бережно, без капли прежнего напора и злости, словно извиняясь за каждую секунду моей боли.

Я снова расплакалась, окончательно теряя остатки воли, и сама крепко обвила руками его мокрую шею, прижимаясь к нему всем телом прямо под теплыми струями душа. В голове всё кружилось ураганом. Он меня что... любит? Или просто для красоты так сказал, чтобы успокоить мою девичью истерику? Я не совсем это поняла своим затуманенным мозгом. Но, глядя на то, как его сильные руки крепко и надежно баюкают меня в этой душевой кабине, я вдруг осознала, что это всё сейчас было и не важно вовсе.

Кирилл не стал уходить. Он шагнул обратно под плотные струи теплой воды, сорвал с себя остатки промокшей одежды и прижал моё обнаженное тело к себе так отчаянно и бережно, словно я была хрустальной. Он целовал меня нежно, глубоко, с такой отчаянной лаской, что у меня перехватило дыхание, и я сама изо всех сил потянулась к нему, сжимая в ладонях его мокрые плечи.

Из его груди вырвался глухой, согласный рык. Смыв с моей и своей кожи следы моей первой крови, он мягко отстранился, заглядывая мне в глаза. Его льдистый взгляд теперь казался непривычно теплым, наполненным чистым раскаянием.

— Не нужно этого делать, Карамель, — прерывисто прошептал он, обжигая мои губы дыханием. — Тебе нужно сделать передых. Нам абсолютно некуда торопиться, маленькая. Тебе сейчас снова будет больно, я не прощу себе этого.

Но страсть и упрямое желание быть к нему как можно ближе стерли все мои страхи. Я отчаянно цеплялась за его шею, отказываясь отпустить. Поняв, что я не отступлю, Кирилл осторожно выключил воду. Он ловко подхватил меня под бедра, вынес из ванной комнаты обратно в спальню и бережно уложил на кровать.

Теперь это был совершенно другой мужчина. В его движениях не осталось ни капли жестокости и ревности — он был максимально нежен, чуток и внимателен. Кирилл навис надо мной, бережно опираясь на локти, и пристально следил за каждой моей эмоцией, за каждым мимолетным дерганием губ или судорожным вздохом. Поначалу мне и правда было неприятно — внутри всё еще слегка жгло и тянуло от его первого, резкого вторжения. Но Кирилл двигался издевательски медленно, замирая при каждом моем тихом всхлипе и покрывая мое лицо успокаивающими поцелуями.

Постепенно эта волна дискомфорта отступила, полностью сменяясь совершенно иным, странным и до безумия приятным ощущением. Внизу живота разлилось такое пульсирующее тепло, что мне больше не хотелось растягивать это томительное ожидание. Внутри проснулась былая дерзость. Перехватив всю инициативу на себя, я заставила Кирилла лечь на спину, а сама уверенно забралась на него сверху.

В легких, тягучих покачиваниях я двигалась на его бедрах, не сводя взгляда с его порочного, красивого лица. Это было так интимно, так греховно и сладко, что у меня кружилась голова. В какой-то момент от ритмичных звуков наших тел и трения простыней умная неоновая подсветка под подиумом кровати сошла с ума — фиолетовый свет стал хаотично сменяться яркими розовыми, синими и багровыми оттенками. От этой абсурдной дискотеки в самый пиковый момент мы оба не выдержали и тихо, искренне рассмеялись прямо друг другу в губы, сбрасывая остатки удушающего напряжения.

Но смех быстро растаял, уступая место нарастающему экстазу. Темп становился всё быстрее, жестче и горячее. Кирилл тяжело, шумно дышал, запрокидывая голову назад на подушки и до белых костяшек сжимая мои бедра своими огромными руками, направляя каждое мое движение. Желваки на его лице ходили ходуном, а татуировки на груди лоснились от пота.

— Всё правильно? — прошептала я ему, низко склоняясь к его лицу и со всей страстью впиваясь в его губы. — Всё именно так, как должно быть, Кирилл?

— Да, Кара... да... — хрипел он мне в ответ, окончательно теряя контроль от моего ритма. — Чёрт...

Его глаза потемнели, превращаясь в две черные бездны. Из его груди вырвался судорожный, победный рык Чудовища, и он намертво зафиксировал мои бедра на месте, утягивая нас обоих в ослепительный финал нашего самого главного общего греха...

Прежде чем провалиться в глубокое беспамятство, Кирилл ещё долго шептал мне на ухо тихие, невероятно нежные и приятные слова. Они звучали так ласково, интимно и совершенно не вязались с его суровой, опасной криминальной внешностью.

Кирилл уснул первым, продолжая собственнически, намертво прижимать моё тело к своей широкой груди, словно защищая от всего мира. А я ещё какое-то время просто лежала без движения в темноте и молча смотрела на его расслабленное во сне лицо.

В голове крутился ураган мыслей. Всё происходящее казалось мне до безумия правильным и пугающе неправильным одновременно. Я прекрасно понимала, что мы играем со смертью. Когда Матвей узнает... он прибьет нас обоих на месте, я была в этом абсолютно уверена. Брат доверил ему меня, пустил в наш дом, а мы перешли все возможные границы. Но как теперь объяснить брату то, что творится в моей душе? Как объяснить Матвею, что я всем сердцем люблю его лучшего друга? Этого сурового, татуированного и опасного дедулю...

Мягко усмехнувшись своим собственным мыслям, я поглубже зарылась носом в его шею, вдыхая родной аромат табака и парфюма. Прижавшись к его горячему телу ещё теснее, я наконец закрыла глаза и спокойно уснула, растворяясь в его надежных руках до самого утра.

Стоило нам вернуться с самого утра домой, как удушающая идиллия отеля разбилась о суровую реальность. На подъездной дорожке особняка телефон Кирилла зазвонил так настойчиво, что воздух в салоне внезапно снова стал холодным. Он коротко бросил в динамик пару жестких фраз, и я поняла — его криминальный мир снова требует личного присутствия.

Он умчался, ничего мне не сказав толком о своих делах. Всё, что он успел сделать перед уходом — это бесшумно прокрасться в мою спальню, пока я переодевалась, подойти со спины и мягко, с запредельной нежностью поцеловать меня в макушку. Точно так же, как целовал маленькую девчонку десять лет назад.

— Скоро вернусь, — тихо, одним лишь выдохом пообещал он.

Но стоило этим двум словам сорваться с его губ, как у меня внутри всё яростно запротестовало. По телу пробежала ледяная судорога. Эта дурацкая, банальная фраза никогда в жизни не давала мне покоя. Она была моим личным триггером, моим главным детским кошмаром. Даже когда Матвей каждое утро уходил на работу в свой офис и бросал мне на ходу это «скоро буду», у меня в груди сжимались невидимые тиски. С тех самых пор, как родители уехали на машине и не вернулись, мой израненный мозг всегда рисовал один и тот же страшный сценарий. Я моментально представляла, что человек, который сейчас выходит за порог этого дома,

больше никогда в него не вернётся. Не напишет. Не позвонит. Растворится в небытии. Что меня снова все бросят и оставят одну выживать в сером казенном аду.

Но ведь Кирилл вернётся... Правда? — отчаянно подумала я, пытаюсь заглушить панику и голос разума. Он ведь теперь каждый день здесь, со мной. Всегда рядом, за тонкой балконной перегородкой.

Пытаясь прогнать липкий страх, я упрямо улыбнулась ему. Сбросив всю свою напускную гордость, я сама порывисто потянулась вперед, обвила руками его шею и притянула его губы к своим, вкладывая в этот поцелуй всю свою скрытую мольбу не исчезать.

Кирилл ответил на поцелуй — жадно, глубоко, но через секунду с тяжелым вздохом отстранился, мягко перехватывая мои запястья. Его глаза были темными от напряжения. — Карамель, у меня действительно нет времени, — тихо, но твердо проговорил он, бросая взгляд на вибрирующий в кармане мобильник.

Он отпустил мои руки, круто развернулся и стремительно вышел. Спустя мгновение внизу хлопнула тяжелая входная дверь, и особняк погрузился в давящую тишину.

Стоило мне спуститься в гостиную за водой, надеясь хоть немного успокоить дрожь внутри, как я замерла на месте. На диване, тяжело дыша и зловеще скрестив руки на груди, уже сидел Матвей. На часах не было и восьми утра, но брат выглядел пугающе злым, взвинченным и смертельно встревоженным. По его темным кругам под глазами было ясно, что он не спал ни единой минуты.

— Где вы были? — глухо, со стальным скрежетом проговорил он, в упор глядя на меня.

— Что? — я на автомате повернулась к нему, судорожно сжимая в ладони стакан с холодной водой и пытаюсь удержать маску безразличия. — Матвей, ты о чём вообще?

— Мне твоя подруга Катька всю ночь названивала в истерике! — брат резко подался вперед. — Говорила, что тебя с вечеринки украло какое-то татуированное чудовище. Этот, — он кивнул в сторону пустой гостевой комнаты Кирилла, — вчера тоже сорвался из дома как бешеный после чьего-то звонка, едва ворота не снес. Я звонил вам обоим всю чертову ночь, но вы оба были недоступны! А теперь возвращаетесь домой вместе, чуть ли не под ручку. Так я повторю свой вопрос, Каралина: где вы были?!

— Ты что, паранойишь, Матвей? — попыталась я огрызнуться, пятясь к кухонному гарнитуру. — Сбавь обороты.

Брат тут же вскочил с дивана и в два широких шага сократил между нами расстояние, нависая надо мной. В его глазах плясало опасное, бешеное пламя. — Каралина! — прорычал он мне прямо в лицо. — Тебе исполнилось восемнадцать, и это ни хрена не дает тебе права врать мне и делать всё, что вздумается! Я всё ещё за тебя отвечаю, поняла?! Я твой старший брат!

— Матвей... Я вообще не понимаю, почему ты так злишься, — мой голос предательски дрогнул. — Я же дома. Собрала вещи и приехала. Со мной всё хорошо, видишь? Живая и целая.

Брат посмотрел на меня с дикой, яростной злобой. А в следующую секунду он вдруг нахмурился, его взгляд зафиксировался на моей шее, и он резким движением руки откинул мои волосы назад.

Матвей на мгновение онемел, а затем сделал шаг назад, и его лицо побелело от подступившей к горлу ярости.

— Я его убью... Ты меня поняла? — его голос упал до зловещего ультразвука. — Если это сделал он... я его нахрен убью!

Я в панике тут же развернулась лицом к блестящей стеклянной поверхности кухонного гарнитура, испуганно разглядывая свое отражение. О боже... Моя шея и ключицы были буквально сплошь усыпаны яркими, багровыми засосами и укусами, которые Кирилл властно оставил мне в номере отеля. Скрыть это было невозможно.

«Вот же блин...» — панически шикнула я про себя, судорожно прикрывая кожу распущенными волосами и пытаюсь спасти ситуацию.

— Это... это не он! Кирилл тут вообще ни при чём! — выкрикнула я первую пришедшую в голову ложь.

— Тогда я убью того ублюдка, кто это сделал! — Матвей окончательно потерял контроль над собой. Он рывкал так зло и громко, что у него буквально слюни вылетали изо рта, а вены на шее вздулись. — Кто это?! Тебя видели у бассейна с Кириллом, а теперь ты возвращаешься в таком виде! Отвечай, кто к тебе прикоснулся?!

— Да какая тебе разница, кто?! — так же громко, со слезами паники крикнула я ему в ответ, теряя остатки самообладания.

Матвей не выдержал. Он сильно, до боли схватил меня за руку, яростно дергая на себя и заставляя смотреть прямо в его раненные, полные бессилия глаза.

— Мне надоел уже твой капризный характер, ты меня поняла?! — тяжело дыша, выкрикнул брат, и в его голосе прорезалась вся та боль, которую он копил годами. — Я всё тебе позволял, Караля! На всё закрывал глаза после детского дома, потакал любым твоим капризам и жил всё это время только ради тебя одной! Ночами не спал, вкалывал как проклятый, судился с опекой! Это была, сука, моя обязанность — защитить тебя! А теперь ты заявляешь, что меня это не касается?!

Его пальцы сжались на моем запястье еще сильнее, но я даже не пискнула, раздавленная его криком.

— Я всегда должен знать, куда ты уходишь и с кем, ясно?! — Матвей почти умоляюще заглянул мне в душу. — Чтобы в любой чертов момент успеть приехать и вытащить тебя из очередной задницы! Поэтому просто скажи мне... Кто этот гондон? Кто это сделал, и всё!

Я стояла перед ним, чувствуя, как по щекам катятся горячие слезы, а стакан с водой мелко дрожит в руке. Ложь завязалась в такой тугой узел, что один неверный вдох — и вся наша семья, включая Кирилла, взлетит на воздух прямо в этой гостиной...

— Я повторю, — тише, уже умоляюще проговорил он, и на его глазах у самого отчаянно проступили слезы. — И не дай бог ты мне совершь. Поверь мне, ты пожалеешь. Я закрою тебя в этом гребаном доме, поставлю около тебя десятки охраны, прислугу и всё остальное, что я могу себе позволить. Их нет здесь только по твоей просьбе. Потому что ты не любишь чужих людей в доме. Всё только ради тебя. Так сделай хотя бы что-то ради меня хоть раз. Скажи правду. Это сделал он?

Я лишь тяжело сглотнула. По щекам потекли еще большие слезы, а ком встал в горле как камень. Защищать Кирилла дальше, глядя в раздавленные глаза брата, было невозможно.

Я лишь кивнула.

— Ты с ним спала?

И я снова кивнула.

Матвей после этого признания просто отдернул от меня руку, словно обжегся. Его желваки бешено заходили ходуном, лицо перекосило от дикой обиды и ярости, и он со всей силы ударил кулаком по кухонному холодильнику, оставляя на металле глубокую вмятину. Я пискнула от страха, ладони задрожали, и мой стеклянный стакан с грохотом упал на мраморный пол, разбившись на сотни мелких осколков.

— Ты остаёшься в своей комнате, пока я не разрешу выйти, — ледяным тоном проговорил он, разворачиваясь к выходу.

— Ты не можешь! — тут же запротестовала я судорожно, делая шаг по осколкам. — Матвей, стой!

— Я просто его просил, Караля! — заорал он, резко оборачиваясь, разделяя между нами расстояние и начиная крушить и раскидывать в стороны всё, что попадалось под руку — стулья, посуду, декор. — Не смотреть на тебя как на женщину! Я, сука, просил его не смотреть на

тебя! Дьявол, он тебе сказки читал! Сладостями баловал! Мы вместе тебя, мелкую, нянчили! А теперь он тебя трахает?! Ты с ума сошла, Каралина?!

— Матвей! — заплакала я сильнее, закрывая лицо руками от его оглушительного, раненого крика. — Пожалуйста, послушай!

— Живо в свою комнату! — заорал он мне напоследок так, что заложило уши.

Брат резко развернулся, вылетел из холла и вышел из дома, со всей дури хлопая тяжелой дверью.

Глава 14

Счета за преданность

Кирилл

Я сидел в кабинете одного из офисов, который снял месяц назад по причине того дерьма, которое мне пришлось расхлёбывать, как только я приехал в этот город. Поначалу планировалось решить всё быстро, но помимо своих основных дел я ввязался ещё в одно — криминальные хвосты Матвея. И я считал, что я обязан этим заняться, даже если придётся по уши залезть в грязь.

Размышления о поставках прервал грохот. Мою дверь чуть не снесли с петель.

Матвей стоял передо мной — разъяренный, бледный, судорожно сжимающий кулаки до хруста в суставах. Он даже не удосужился прикрыть за собой дверь, прямо с порога выплевывая в меня ядовитые ругательства и проклятия. Он орал на весь коридор, что я трахаю его младшую сестру.

Я лишь лениво усмехнулся. Неужели он думал, что я тут же упаду ему в колени, буду рыдать и на коленях просить прощения? Конечно, его дружба была мне чертовски дорога, это единственный человек из прошлого, ради которого я до сих пор был готов пойти на амбразуру. Поэтому я чисто из уважения к нашей связи сохранил спокойный, презентабельный вид и не стал сразу ломать ему челюсть за крики.

— «Трахает» — звучит очень грубо, Матвей, — хладнокровно проговорил я, монотонно постукивая дорогой ручкой по столу и продолжая разглядывать черную папку с компроматом перед собой. — Я бы сказал, что я её нежно люблю.

— Ты нахрен издеваешься надо мной?! — зашипел он, подлетая к моему столу, плеваясь мне в лицо от ярости и с размаху ударяя ладонями по дереву. — Я тебя по-человечески просил не трогать её! Ты обещал мне, что поможешь о ней заботиться!

— Я и забочусь! — рявкнул я, резко вскакивая со своего кожаного кресла так, что оно с грохотом отлетело к стене. Мой напускной покой испарился. — Я, как только приехал сюда, только и делаю, что забочусь о твоей семье! А вот ты... ты как скоро собирался рассказать мне, в каком ты оказался дерьме, а, друг? Или ты ждал, пока твою сестру нагнет какой-нибудь местный кредитор или урод из тех, кому ты задолжал?!

Матвей на секунду осекся, его глаза испуганно округлились.

— Ты погряз в долгах и ввязался вообще не в ту компанию, Матвей, — я тяжело навис над столом, буравя его леденящим взглядом. — Я, сука, расхлёбываю за тебя всё это дерьмо круглыми сутками! Или ты наивно думал, что твои дела на стройке так быстро пошли вверх, потому что тебя резко все простили и забыли про миллионные счета? Нет! — рявкнул я, со всей силы хлопнув ладонью по столу, отчего документы разлетелись в стороны. — Это произошло потому, что я вложил за тебя кучу бабла своего синдиката и забрал весь этот криминальный геморрой на себя!

Матвей тяжело задышал, отступая на шаг назад, но его злость быстро вернула прежние позиции.

— И поэтому уродом, который её нагнет, решил стать ты?! — прошипел он, кривясь от отвращения. — Неплохо устроился, Северский, не так ли? Нашел себе плату за помощь?

Я тяжело, шумно выдохнул, заставляя себя успокоиться, и сел обратно в кресло. Опять этот бред.

— Ей восемнадцать, Кирилл! — снова заорал он на весь кабинет, хватаясь за голову. — Между вами десять лет разницы! Десять! Она же как сестра тебе была! Какого хера ты творишь, ублюдок?!

— Она мне не сестра, ясно?! — рывкнул я в ответ, и в моем голосе сталью прорезался собственнический инстинкт. — Она выросла, Матвей. Стала взрослой, чертовски сексуальной женщиной и теперь сама выбирает свой путь.

— Ну конечно! И этот путь — ты, не так ли? Гроза преступного мира! — с горькой иронией выплюнул брат.

— Ты можешь прямо сейчас набить мне морду, — лениво отозвался я, откидываясь на спинку кресла и демонстрируя полную готовность. — Это будет справедливо, я даже сопротивляться не стану. За сестру имеешь право. Но для начала ты должен окончательно разгрести своё финансовое дерьмо, чтобы это никак не коснулось Каралины.

— Даже не смей к ней больше подходить, ясно? — прошипел Матвей, делая шаг к двери и в упор глядя на меня. — Я запру её. Ты больше её не увидишь.

А вот тут я уже не выдержал. Я рассмеялся — хрипло, безумно и пугающе громко, так, что этот смех эхом разнесся по всему моему временному офису. Запереть мою Карамель? Отнять её у меня после того, как я узнал вкус её кожи? Этот наивный строитель вообще не понимал, с кем пытается воевать...

Я резко встал со своего места и с глухим стуком хлопнул ладонью по черной папке с компроматом. Весь мой безумный смех мгновенно испарился, уступая место ледяной, жесткой серьезности мафиози.

— Пока ты тут играешь в благородного дурака и обиженного старшего брата, — проговорил я опасно спокойно, глядя Матвеем прямо в глаза, — на твою семью уже вовсю натравили гончих. И поверь мне, друг: чем крепче ты закроешь Каралину в своем особняке, тем быстрее они её оттуда заберут, чтобы выбить из тебя долги.

Матвей снова рванулся вперед, сокращая между нами расстояние до минимума и тяжело дыша мне в лицо.

— Я имею полное право заботиться о своей сестре так, как считаю нужным! — прошипел он, едва сдерживая дрожь ярости в кулаках.

— И именно поэтому она три года томилась в сером казенном детском доме?! — вкрадчиво, со звенящей сталью в голосе поинтересовался я, нанося ответный удар по его совести. — Потому что ты, сука, решил не сообщать мне эту новость десять лет назад, не так ли? Предпочел скрыть от меня, где находится Карамель?!

Этот укол в самую глубокую рану стал для Матвея последней каплей. Брат всё-таки окончательно сорвался. С диким, раненым звериным рыком он замахнулся и со всей силы наотмашь набил мне морду прямо посреди моего кабинета, выплескивая на меня всю ту удушающую боль, ревность и обиду за сестру, которые копились в нём.

Удар пришелся точно в челюсть, заставив мою голову резко дернуться в сторону. Как я и обещал себе, я даже не подумал защищаться. Я принял его право на эту мужскую месть. Лишь медленно повернул голову обратно, слизнул языком выступившую соленую влагу и брезгливо сплюнул кровь из разбитой губы прямо на дорогой паркет.

Матвей стоял передо мной, тяжело вздымая грудь, и злобно прошипел, утирая пот со лба:

— Ты ещё десять лет назад ввязался в это тёмное, грязное дело, Северский! И я нахрен не хотел, чтобы Каралина хоть что-то об этом знала! Она мне тогда всё детство все уши прожужжала, какой ты у нас хороший, какой ты замечательный принц! И что я, по-твоему, должен был ей сказать?! Ох, Каралю, твой ненаглядный Кирилл теперь хладнокровно убивает людей ради денег и власти?!

Внутри меня от его слов что-то со свистом оборвалось. Пазл, который не складывался десять долгих лет, наконец-то встал на свое место с леденящей душой четкостью.

— Вот почему мои письма до неё не доходили, не так ли? — пугающе тихо, почти беззвучно произнес я, продвигаясь к нему на шаг. — Игрушки, подарки, открытки, которые я тайно пересылал ей через твой почтовый ящик... Это всё уничтожил и спрятал ты?

— Да, я! — Матвей, тяжело дыша, тут же отступил от меня на шаг назад, вздернув подбородок.

И в эту же секунду уже я треснул ему в ответ. Мой кулак с тяжелыми перстнями с глухим звуком врезался точно в его породистую скулу, заставляя Матвея отлететь назад и рухнуть в свободное кожаное кресло.

— Вообще-то я знал, — лениво, с издевательской ухмылкой проговорил я, доставая из кармана брюк белоснежный платок и неторопливо вытирая кровь со своей разбитой губы. — Просто давно, сука, хотел это сделать. Еще с тех пор, как увидел её слезы около тайника.

Матвей сидел в кресле, прижимая ладонь к стремительно опухающей щеке и утирая свою собственную кровь с разбитого носа. Он перевел на меня взгляд, полный дикого, безумного осознания, а затем неожиданно хрипло, тихо и как-то накопленно рассмеялся на весь кабинет.

Я бросил перед ним на стол ту самую раскрытую черную папку, в которой лежали подписанные отказы, ликвидированные долговые расписки и чистые счета его строительной фирмы.

— В этот город я, в принципе, приехал только ради одной цели — чтобы помочь тебе, — проговорил я опасно спокойно, глядя, как Матвей медленно промакивает разбитую скулу ладонью. — Я бросил все свои дела, сорвал парней с насиженных мест и приехал разгрести твой коллапс. И так как я всё сделал, твоя задница теперь официально чиста. Те люди тебя больше пальцем не тронут. Их бизнеса в этом регионе больше не существует. А значит, моя миссия выполнена, и я могу с чистой совестью возвращаться обратно домой.

Судя по лицу Матвея, эта новость его даже немного обрадовала и одновременно сильно подкосила. На его лице отразился сложный коктейль из облегчения за свою жизнь и горького осознания, что он только что своими руками вышвырнул из жизни единственного верного друга.

Он молча зарылся пальцами в бумаги в папке, бегло перелистывая документы, и немного кивнул.

— Спасибо... — только и отозвался он, не поднимая глаз.

В кабинете повисла тяжелая, давящая тишина. Матвей аккуратно закрыл папку, а потом снова посмотрел на меня — уже без прежней злости, скорее с затаенной мужской тоской.

— И когда ты приедешь в наш город снова?

Я лишь равнодушно поджал губы, пряча за маской цинизма боль, которая намертво сжала мои внутренности.

— Возможно, никогда.

— Она тебя не простит, — негромко проговорил он, тяжело поднимаясь с кожаного кресла и поправляя измятый пиджак. Он замер у самого порога, оборачиваясь ко мне вполоборота. — И прежде чем ты снова окончательно свалишь из её жизни... после всего того, что ты натворил с ней... тебе стоит поехать и нормально объясниться. Не выдавая ей больше никаких пустых обещаний, Кирилл. Ты сам только что орал, что она взрослая женщина. И я, как её брат, больше не намерен молча смотреть, как моя сестра заживо умирает в слезах в четырех стенках из-за разбитого сердца. Она ещё глупая, наивная девчонка. Понятно, что таких уродов, как мы с тобой, в её жизни будет ещё много. Я это прекрасно понимаю. Просто закрой этот гештальт по-человечески.

Я лишь молча кивнул ему, не произнося ни слова. Матвей развернулся и ушел, тихо прикрыв за собой многострадальную дверь кабинета.

Как только его шаги стихли в коридоре офиса, я тяжело откинулся головой на высокую спинку стула и плотно прикрыл глаза ладонями. Разбитая губа неприятно пульсировала, но эта боль была ничем по сравнению с тем ураганом, который сейчас выжигал мне ребра изнутри.

«Идиоты... Какие же мы оба идиоты», — мысленно усмехнулся я в темноту.

Матвей думал, что я так просто уеду и оставлю мою Карамель плакать на ковре среди старых плюшевых игрушек? Он думал, что я смирюсь с какими-то «другими уродами» в её жизни? Да я нахрен в любом случае вернусь за ней. Чего бы мне это ни стоило. Просто закрою последние вопросы в своем городе, переведу все теневые активы в легальное русло, перестрою империю — и вернусь, чтобы забрать её навсегда. Уже на своих условиях. Она точно всё поймет. Моя маленькая, горькая Карамель должна это понять...

Я вернулся в особняк глубокой ночью, и то лишь потому, что мне нужно было собрать свои вещи. Матвей остался непреклонен. Ему сейчас было дико плевать на всё то, что когда-то связывало нас в прошлом, и на то, сколько всего я для него сделал за это воемя. Он твердо сказал, что наша мужская дружба остается в силе, но он категорически против того, чтобы я продолжал жить под одной крышей с его сестрой. По его мнению, чем быстрее Карамель поймет, какую глупую ошибку мы совершили в том отеле, тем лучше. Он считал, что за это время она не успела привязаться ко мне слишком сильно, а значит, и забыть всё это ей будет не так сложно.

Я не стал ничего говорить ему в ответ. Пусть думает, что победил в этой партийной игре.

Поднявшись наверх в свою гостевую комнату, я сбросил с себя измятую черную рубашку. Оставаться в этих четырех стенах без неё было невыносимо. Прохладный ночной воздух привычно ударил в обнаженную грудь, когда я бесшумно перешагнул через перегородку общего балкона и в очередной раз скользнул внутрь её тёмной спальни.

Каралина уже спала. Моя коллекционная книга «Красавица и Чудовище» сиротливо лежала у неё на груди — судя по всему, она вчера так и не нашла в себе сил дойти до самого конца нашей сказки и не увидела подарок.

Я аккуратно запустил руку в карман брюк и достал оттуда небольшую бархатную коробочку глубокого изумрудного цвета. Тихонько, стараясь не шуметь босыми ногами по паркету, я подошел к её письменному столу. Едва подсвечивая себе фонариком телефона, я приоткрыл выдвижной ящик, намереваясь оставить там коробку. Но стоило мне опустить её на деревянное дно, как мой взгляд зацепился за какой-то пожелтевший, помятый по краям альбомный листок.

Нахмурившись, я взял его в руки и аккуратно раскрыл. В ту же секунду на моих губах заиграла мягкая, хрипая усмешка, а в груди разлилось сумасшедшее, обжигающее тепло. Детские карандашные штрихи. Взрослый я в строгом костюме и она — в пышном свадебном платье с длинной фатой, обменивающиеся золотыми кольцами. И подпись сверху: *«Принц-Чудовище Кирилл и Красавица-Карамель Каралина»*.

Я аккуратно, бережно сложил рисунок по старым сгибам обратно и уверенно спрятал его в карман своих брюк. Это сокровище теперь поедет со мной.

Быстро выудив из её настольного блокнота чистый листок, я начеркал на нём пару коротких строчек своим размашистым почерком.

Тихонько вырвав записку, я засунул её в стол прямо под бархатную коробочку и задвинул ящик.

После этого я медленно подошел к её кровати. Аккуратно убрал книгу с её груди, откладывая на тумбочку, и бесшумно лег на простыни прямо рядом с ней. Рукой я собственнически притянул её хрупкое, сонное тело к себе, вжимаясь в её шелковые шортики и утыкаясь носом в пахнущие ванилью волосы.

Она тут же прижалась всем телом к моей груди и медленно приоткрыла глаза, сонно разглядывая меня в полумраке спальни. Взгляд её огромных глаз сфокусировался на моем лице, и она мгновенно заметила след от кулака Матвея.

— Тебя всё же побил мой брат... — хрипло, со сна проговорила она.

Я лишь довольно кивнул и лениво облизнул разбитую губу, чувствуя солоноватый привкус.

— Больно? — тут же с неподдельной тревогой спросила она, приподнимаясь на локте и осторожно прикасаясь тонкими, прохладными пальцами к моей ране.

— Нет, — тихо проговорил я, перехватывая её руку и нежно целуя Карамелину в губы, заставляя её судорожно выдохнуть.

— Останешься сегодня? — умоляюще прошептала она, заглядывая мне прямо в душу.

— Прости, Карамель... не могу, — с трудом перешагивая через собственное желание, ответил я. — Я очень хотел нормально поговорить с тобой, просто не думал, что приду из офиса так поздно.

Она тут же испуганно проморгалась, остатки сна мгновенно слетели с её лица. Каралина резко села на кровати, сбрасывая одеяло. Эти её чёртовы шелковые пижамы с кружевом, точно когда-нибудь сведут меня с ума.

— Брат что-то тебе наговорил, да?! — запаниковала она, судорожно сжимая простынь.

— Нет, всё нормально. Мы во всем разобрались, — спокойно соврал я, чтобы не втягивать её в наши мужские разборки. — Я просто хотел сказать тебе... мне завтра утром нужно уехать обратно домой.

— Что?! — Каралина тут же подскочила на ноги, и её голос сорвался на крик. — Ты меня снова бросаешь?!

Она окончательно слезла с кровати и, обхватив себя руками за плечи, принялась в панике мерить шагами комнату.

— Если Матвей тебе что-то наговорил или пригрозил, то...

— Ничего он мне не говорил, Карамель, — я тяжело поднялся с постели следом за ней, бесшумно сокращая между нами расстояние. — Просто все мои дела в этом городе закончились, и мне действительно нужно вернуться домой, к своему бизнесу.

— Ладно... — Каралина судорожно выдохнула, останавливаясь у окна и кусая губы. Она резко развернулась ко мне, глядя с отчаянной надеждой: — Но ты ведь приедешь, да? Ты вернешься?

Я лишь молча сжал губы, чувствуя, как внутри всё переворачивается от её незащитности, и уверенно кивнул.

— Когда? Как скоро, Кирилл?!

— Я не знаю, Кара. Как только окончательно закончу все дела там.

— Ты снова врешь, да?! — тут же окончательно запаниковала она. Её маленькие руки крупно задрожали, а в глазах мгновенно вспыхнули и покатались по щекам горячие слезы. Она сделала шаг ко мне, утыкаясь кулачками в мою грудь. — Ты ведь снова уезжаешь насовсем! Просто скажи мне правду, ладно?! Не давай пустых обещаний!

Я перехватил её дрожащие запястья, притягивая к себе, и в моем взгляде полыхнула та самая тёмная, мафиозная сталь, которая не оставляла ей выбора...

Я тут же рванул её к себе, обнял и буквально вдавил её хрупкое, дрожащее тело в свою грудь, не позволяя вырваться.

— Я не знаю, когда приеду, ясно?! — глухо, сдерживая рвущуюся наружу боль, проговорил я ей прямо в макушку. — Это вся правда, Карамель. У меня слишком много работы, слишком много грязных дел. Я из мира тьмы, где каждый божий день происходят опасные сделки, кровь и передел власти. Но я обещаю, что в этот раз я буду писать тебе, буду звонить каждый день. Слышишь? Но я действительно не знаю, когда смогу вернуться насовсем, понимаешь ты это?!

Она со всей силы упёрлась ладонями в мои плечи и яростно оттолкнула меня от себя. Её глаза, полные горячих слёз, сейчас были дикими и злыми.

— Я тебе не верю, ясно?! — со слезами наводящего ужаса крикнула она. — Ты уже говорил мне все эти слова десять лет назад! Зачем ты произносишь их снова?! После них прошло десять лет тишины!

— Но посмотри, во что это всё в итоге переросло! — я сделал к ней шаг, пытаюсь поймать её взгляд. — Теперь есть ты и я...

— Нет никаких «нас», ясно?! — тут же перебила она, сорвавшись на оглушительный крик. — Ты снова бросаешь меня! Снова уходишь! Опять будешь жить своей шикарной жизнью, в которой меня нет и никогда не будет! Для чего тогда вообще всё это было надо, Кирилл?! Если ты изначально знал, что уедешь и оставишь меня, почему просто не свалил из этого дома в первый же день?! Зачем ты мучил меня все эти месяцы, ломал мои границы, приручал к себе?! Зачем?!

— У меня никого не будет, пока мы не вместе, — твёрдо, со звенящей сталью в голосе отчеканил я, отрезая любые её сомнения. — Ни одной женщины, Кара. Никогда.

Она подошла ко мне почти вплотную, задирая голову и глядя со смесью дикой любви и жгучей ненависти. — Я тебе не верю, чудовище... Не верю ни единому твоему слову.

— Тебе придётся, — я шумно выдохнул, сжимая кулаки. — Ты должна наконец понять, что я не могу бросить свою империю, свою работу вот так, просто по щелчку пальцев. Я все эти годы шёл к этому, зубами вырывал свою власть...

— Тогда уходи, — ледяным, надломленным тоном проговорила она, резко вскидывая руку и указывая дрожащим пальцем прямо на балконную дверь. — Просто уходи прямо сейчас и больше ничего мне не говори, ясно?

Внутри меня от её ледяного тона сорвало последние предохранители. Я моментально сократил между нами расстояние, до боли дёрнул её за руку к себе, сминая её намокший шелковый топ, и со всей силы, жадно и иступленно впился в её губы поцелуем. Я буквально сминал её хрупкое тело в своих железных руках, выжигая на её коже клеймо своей собственности, забирая себе каждый её судорожный вдох.

— Я уйду, Карамель, — прерывисто, с трудом отрываясь от её опухших губ, прорычал я ей в самое лицо. — Уйду. Но только на время. И зазубри на своем носу мои слова: никто в этом мире не смеет к тебе прикасаться. Ты только моя. Навсегда, уяснила?!

— Что же наталкивает тебя на мысль, что я буду ждать?! А что насчёт тебя?! — тут же яростно воспротивилась она, отчаянно вырываясь из моих тисков, но я зафиксировал её бедра и талию еще сильнее, лишая малейшего шанса на побег.

— Чуть позже узнаешь, — усмехнулся я.

Я снова, напоследок глубоко и собственнически поцеловал её в губы, заставляя её тело обмякнуть, а затем резко отпустил её и круто развернулся к выходу. Я просто не мог больше стоять здесь, дышать с ней одним воздухом и смотреть на её раненые, полные слёз глаза. Я знал: если останусь в этой спальне еще хоть на секунду, я не остановлюсь. Сорвусь к чертям собачьим, наплюю на Матвея, запру её здесь до утра и в итоге просто утащу с собой в этот свой мрачный, кровавый омут. А я должен был сначала зачистить для неё безопасное место.

Глава 15

Осколки чужого мира

Наступило следующее утро. Ослепительное солнце безжалостно заливало мою пустую, погруженную в тишину комнату, но его тепло больше не грело. Я открыла глаза, и меня мгновенно накрыла лавина дикой, удушающей душевной пустоты.

Одеяло на соседней половине кровати было холодным. Я медленно поднялась, подошла к панорамному окну и взглянула вниз, на подъездную дорожку. Пусто. Его огромного черного внедорожника больше не было во дворе. Кирилл действительно уехал. Чудовище бросило меня. Снова.

Слезы сами хлынули из глаз горячим, неудержимым потоком. Обида и боль завязались в тугой узел в горле, не давая дышать. Больше не в силах сдерживать этот ураган внутри, я в одних шортах и майке пулей выскочила из спальни, сбежала по лестнице и вылетела на раскаленное крыльцо особняка, надеясь поймать хотя бы призрак звука его уезжающей машины.

На улице меня встретил Матвей. Брат стоял у перил, задумчиво глядя вдаль. Он проснулся на рассвете и уже успел лично проводить своего лучшего друга, пожав ему на прощание руку. А теперь он молча, со сложным выражением лица смотрел на мою горькую, безумную истерику.

Я резко обернулась. Заметив Матвея, я окончательно потеряла рассудок. Вся моя ярость перекинулась на него. Я подбежала к брату и со всей силы, до боли в ладонях толкнула его кулаками в грудь.

— Это всё из-за тебя! — в слезах закричала я ему прямо в лицо, продолжая отчаянно толкать его твердое тело. — Это всё ты! Ты его прогнал! Из-за твоих дурацких запретов и криков он уехал! Ты разрушил всё!

Я развернулась, собираясь убежать со двора куда глаза глядят, лишь бы не видеть его, но Матвей среагировал молниеносно. Он жестко перехватил меня за плечи, силой разворачивая к себе и заставляя остановиться.

— Каралина, прекрати! — строго, но с глубокой мужской тоской проговорил брат, встряхивая меня. — Хватит устраивать этот детский сад! Он уехал бы и без моих слов. Ты хоть понимаешь это? У Кирилла там, вся его жизнь! Его империя, его бизнес, его люди! Он мафиози, Карала, а не твой комнатный принц! Тебе просто нужно раз и навсегда забыть его. Выкинуть из головы это, как глупую ошибку!

Его слова про «забыть» ударили по живому, окончательно вырывая у меня землю из-под ног. Прежде чем разум успел меня остановить, моя рука взметнулась вверх, и я с размаху, с оглушительным звуком треснула Матвея ладонью по щеке.

Хлесткая пощечина эхом разнеслась по тихому двору. Голова брата слегка дернулась в сторону, а на его безупречной коже мгновенно начал проявляться багровый след от моих пальцев. Матвей замер, его желваки бешено заходили ходуном, а глаза потемнели от шока и обиды, но он не двинулся с места и не отпустил меня.

— Ненавижу вас двоих... — срывающимся на сиплый шепот голосом прошипела я ему прямо в душу, чувствуя, как внутри окончательно умирает всё живое. — Ненавижу...

Резко вырвавшись из его ослабевшей хватки, я развернулась и побежала обратно в дом. Спотыкаясь, взлетела по лестнице на второй этаж, ворвалась в свою комнату и с силой захлопнула дверь, поворачивая замок на все обороты. Я упала спиной на кровать, задыхаясь от собственных рыданий, понимая, что осталась абсолютно одна в этой огромной, холодной клетке...

Все последующие дни, недели, я сидела у себя в комнате, превратившись в настоящую тень. Я потеряла счет времени. Мой день состоял из простейшего, удушающего цикла: я только спала, бессмысленно смотрела в окно на пустой двор и снова спала. И, конечно, рыдала. Сильно, много, навзрыд и чертовски часто, выплакивая остатки своей глупой, растоптанной любви. Мои глаза постоянно были опухшими, а подушка не успевала высыхать от сырости.

Я выходила из своего убежища только тогда, когда Матвей уезжал по делам. Каждый раз я подолгу стояла у окна и внимательно провожала его машину взглядом, чтобы действительно, на сто процентов понять, что его нет дома. Только убедившись в полной безопасности, я бесшумно спускалась на кухню, как воровка, набирала огромную охапку еды, какая попадалась под руку, и спешно уносила её в свою комнату. И снова затыкалась там на неделю, практически безвылазно питаюсь печеньем, сухими пайками и обычной водой. Возвращаться к нормальной жизни в этой пустой клетке не хотелось.

Матвей то и дело долбил в мою закрытую дверь. Он злился, багровел, кричал на весь коридор и угрожал снять эту чертову деревянную створку с петель окончательно, если я не прекращу этот бойкот. Но у меня не было сил даже на ссору с ним. Я лишь глухо, безэмоционально просила его уйти через дверь и оставить меня в покое. Брат в итоге сдавался и уходил, оставляя меня наедине с моим персональным адом.

Около месяца Кирилл мне вообще не писал. Да и, честно говоря, куда он должен был это сделать, когда я в первую же ночь в порыве дикой ярости и боли с размаху разбила свой телефон об стену спальни? Мой смартфон превратился в бесполезный кусок пластика и треснувшего стекла, похоронив под собой все его возможные звонки и сообщения.

Я сама толком не понимала, почему мне настолько невыносимо плохо. Организм словно объявил мне забастовку. Чтобы хоть как-то заглушить эту звенящую тишину, я целыми днями смотрела самые слезливые, приторные драмы на ноутбуке. Снова рыдала над чужими выдуманными историями, проецируя на них свою боль, и снова уходила в глубокий, тяжелый сон без сновидений.

Только однажды, ведомая каким-то глупым, неосознанным порывом, я всё же подошла к тумбочке и взяла в руки нашу коллекционную книгу. Пальцы коснулись дорогого кожаного переплета, но я так и не осмелилась начать читать. Я испугалась, что её строчки окончательно добьют меня. В панике я просто сунула её глубоко под кровать, с глаз долой, чтобы больше никогда не вспоминать о Принце-Чудовище, который разрушил мой мир и уехал в свою тьму...

Спустя ещё пару недель, когда моя комната окончательно погрязла в обертках, фантиках и пустых коробках из-под доставки еды, я внезапно посмотрела на себя в зеркало и поняла: хватит. Пора выходить из этого анабиоза. Плевать я хотела на Кирилла Северского, на его туманное «скоро вернусь» и на все эти пустые обещания, которыми он так щедро швырялся перед уходом! Тобой просто поиграли, Карамеля, вот и всё, зло бросила я своему отражению. С кем не бывает в восемнадцать лет? Матвей в чём-то даже оказался прав: нужно перешагнуть через это дерьмо и жить дальше.

Решительно смахнув со стола гору мусора, я достала из шкафа новенькую коробку с телефоном. На прошлой неделе Матвей молча положил её мне под дверь, устав смотреть на мои страдания. Я распаковала гаджет, вставила свою старую сим-карту и затаила дыхание.

Экран вспыхнул. И... вуаля. Конечно же, мне никто не звонил и не писал. Смартфон предательски молчал. Чего, чёрт возьми, я вообще ожидала? Глупая, наивная дура. Я так и знала, что все его громкие клятвы в отеле — обычные пустые слова криминального авторитета, которому просто захотелось экзотики. Со злостью швырнув телефон на кровать, я направилась в душ. Мне срочно, жизненно необходима была мощная разрядка. Перед этим я быстро набрала Катку в мессенджере и коротко скомандовала: *«Сегодня едем в клуб. Хватит страданий, я хочу танцевать до утра»*. Подруга ответила кучей восторженных смайликов.

Горячая вода немного смыла с меня затянувшуюся депрессию. Выйдя из душа, я обмоталась полотенцем и полезла в свой письменный стол, чтобы забрать банковскую карту, которую однажды на день рождения мне подарил Матвей. На ней были мои личные сбережения, и сегодня я собиралась спустить их все до последнего рубля на самый дорогой алкоголь и шмотки.

Но стоило мне выдвинуть верхний ящик, как я замерла на месте. Воздух из легких выбило подчистую.

Прямо поверх моих тетрадей лежала небольшая бархатная коробочка изумрудного цвета, а рядом — сложенный вдвое белый листок бумаги. Трясущимися пальцами я сначала потянулась к записке. Развернула её, и перед глазами поплыл его знакомый, размашистый и жесткий почерк.

«Принц-Чудовище Кирилл обещает всегда быть со своей Принцессой-Карамелью Каралиной.

Чтобы ни случилось, где бы я ни был.

Ты моя самая сладкая карамель в этой гребаной жизни.

И я вернусь, чтобы забрать тебя.

Очень скоро.

Твое Чудовище».

На глаза снова мгновенно накатились горячие, обжигающие слезы. Горло сдавило удушшающим комом. Как он смеет... Как этот гад смеет писать мне такие вещи и просто исчезать в своем городе, оставляя меня умирать от неизвестности?!

Судорожно всхлипнув, я открыла изумрудную коробочку и застыла, ослепленная роскошным блеском. Там, на атласной подушечке, покоилось умопомрачительное кольцо из дорогого розового золота. Оно было выполнено в виде распускающегося, невероятно детализированного бутона розы, где каждый лепесток и тонкие листочки по бокам были буквально усыпаны сотнями чистейших, сверкающих на солнце бриллиантов, а в самом центре цветка крупной каплей горел массивный чистый алмаз. Настоящее ювелирное произведение искусства.

— Это что... откуп?! — хрипло, со слезами в голосе проговорила я в пустую комнату, и кольцо расплылось перед моими глазами. — Купил мне дорогую побрякушку, чтобы что? Чтобы я снова преданно ждала его годами и страдала?!

Я в ярости с громким щелчком захлопнула коробочку и со всей силы бросила её обратно в дальний угол ящика, задвинув стол. Развернулась и тут же обессиленно плюхнулась обратно на кровать, готовая снова разрыдаться, как вдруг...

Мой новый телефон на матрасе сорвался безумными, непрекращающимися вибрациями. Он жужжал как ужаленный, буквально подпрыгивая от потока уведомлений. Я испуганно вздрогнула и тут же подхватила его, разблокировав экран.

В ту же секунду на меня лавиной, начиная с самого первого дня его отъезда, полились скопившиеся сообщения от Кирилла. Сеть наконец-то прогрузила всё то, что он слал мне на заблокированный номер.

В первых СМС он сухо спрашивал, как дела и почему я не в сети. Спустя неделю его тон менялся — он хрипло писал о том, как безумно скучает по моему запаху и голосу. Ближе к концу месяца сообщения становились всё более агрессивными и требовательными: Кирилл буквально бесился, не понимая, почему я молчу. И в завершение этого безумия на экране высветились десятки пропущенных вызовов и последнее, вчерашнее голосовое сообщение, в котором его глухой, вибрирующий от ярости рык обещал: *«Если ты, Леонова, не ответишь мне до конца недели, мне придется бросить всё, вернуться в твой город и лично сломать голову каждому ублюдку, с кем ты сейчас проводишь время».*

А в самом конце, буквально пару часов назад, висело короткое текстовое: *«Просто напиши сама, Карамель. Я буду ждать»*.

Моё сердце заколотилось где-то в горле, а пальцы застыли над клавиатурой.

Так это что... пока я тут две недели заливалась слезами, придумывала себе новые истерики и сама вырисовывала в голове этот наш глупый, несправедливый конец сказки, он всё это время ждал от меня ответа?! Сходил с ума и буквально срывал мне телефон своими звонками?!

Осознание этого ударило в голову сильнее любого хмеля. Я тут же, как ошпаренная, подскочила к письменному столу, рванула на себя ящик и трясущимися руками открыла изумрудную коробочку. Достала кольцо в виде сверкающей бриллиантовой розы, поспешно натянула его на безымянный палец и разрыдалась ещё больше, уткнувшись лицом в ладони. Чёртов Северский! Он угадал идеально — размер подходил просто точь-в-точь, ювелирное чудо село на палец как влитое, ослепительно переливаясь в лучах солнца.

Кое-как утерев слезы, я схватила новый смартфон, шумно выдохнула и быстро настроила ему ответ, пока гордость снова не заставила меня замолчать: *«Ненавижу тебя, чудовище»*.

Ответ от него прилетел просто мгновенно, словно он всю эту неделю сидел с телефоном в руке. *«Надеюсь, на твоём вредном языке это обозначает, что ты тоже безумно скукаешь по мне, Карамель»*.

Я прямо сквозь экран физически слышала, как он усмехается где-то там, на другом конце провода в своём городе. Не теряя времени, я набрала главное, что так отчаянно хотелось услышать все эти дни: *«Когда ты приедешь?»*

Экран замигал, высвечивая строчки: *«Прости, Карамель, пока полно работы. Слишком много разборок. Обещаю, я приеду и заберу тебя, как только появится первая возможность»*.

Я разочарованно закусила губу, чувствуя, как к горлу снова подкатывает обида, но в следующую секунду телефон пиликнул, и Кирилл прислал мне фотографию. На снимке был запечатлен мой старый детский рисунок нашей свадьбы, лежащий на его рабочем столе. *«Ты уже выбираешь фату, Каралина? Или моему терпению нужно ещё немного подождать?»* — гласила подпись ниже.

Я в полном шоке вытаращила глаза. Резко бросила гаджет на кровать, подлетела к столу и принялась яростно лазить и швыряться в ящиках, переворачивая всё вверх дном.

— Вот же козлина татуированная! Спёр мой рисунок! — вслух закричала я на всю пустую комнату.

Он вообще не должен был видеть его! Это был мой самый постыдный детский секрет! Чтобы хоть как-то защититься, я сфотографировала свою руку с его бриллиантовой розой на пальце и отправила ему вдогонку язвительное:

«Это твоя плата за молчание?»

«Тебе чертовски идет это кольцо, Карамель. Настоящее украшение для моей девочки, — ответил он почти сразу. — Но что насчет моего главного подарка? Ты, судя по всему, так и не соизволила до конца дочитать книгу, которую я тебе принес?»

Я нахмурилась, совершенно не понимая, что этот ненормальный имеет в виду. Какая книга? Какая страница? Я тут же подскочила к кровати, опустилась на колени и выудила из-под кровати нашу коллекционную «Красавицу и Чудовище». Дрожащими руками я принялась лихорадочно листать глянцевые страницы, пропуская знакомый текст, пока не дошла до самого финала.

И на последнем форзаце я замерла, едва не выронив тяжелый переплет из рук.

Там была аккуратно, профессионально вклеена потрясающая самодельная иллюстрация. На ней в той же золотой фольгированной технике были изображены взрослый Принц и его повзрослевшая Красавица. А ниже, прямо под рисунком, его четким каллиграфическим почерком была выведена длинная, разрывающая душу надпись:

«Прости меня, Карамель. Прости за то, что меня не было рядом слишком долго и я не смог защитить тебя от того серого ада. Я уверен, что сейчас ты выросла в самую красивую, ослепительную принцессу в этом мире. И ты, моя маленькая девочка, достойна самого лучшего принца, самых дорогих цветов и всех сокровищ на этой земле. Каким бы страшным, порочным и безжалостным чудовищем этот твой принц ни был на самом деле».

Я прижала книгу к груди, и новые, на этот раз чистые и облегчающие слезы брызнули из моих глаз.

Я сфотографировала эту страницу с рисунком на телефон и тут же отправила ему с короткой припиской: *«Ладно, Северский, считай, что на первый раз я тебя прощаю».*

В ответ мне моментально прилетел смайлик с закатывающимися глазами и лаконичное: *«А дальше?»*

Я снова нахмурилась, удивленно листая книгу дальше. Куда еще-то? Перевернув плотный глянцевый лист, я дошла до самой окончательной, финальной корки переплета. Моё сердце пропустило удар. Прямо на форзаце стояла недавняя дата, и аккуратно вклеенный плотный черный конверт и короткая, размашистая подпись: *«Навечно твой».*

Дрожащими пальцами я вскрыла конвертик и заглянула внутрь. — Ещё, что ли? — совсем растерялась я, роясь в темноте плотной бумаги.

Мои ногти зацепили что-то металлическое, и я бережно выудила на ладонь второе кольцо. В отличие от нежной бриллиантовой розы, это было классическое, умопомрачительно дорогое обручальное кольцо из чистейшей платины. Его ободок был идеально гладким, но на самой верхушке, зажатый в прочные невидимые лапки, сиял, безупречно ограненный прямоугольный бриллиант «изумрудной» огранки, который в лучах солнца вспыхивал чистым, ослепительным спектром. Кольцо весило прилично и выглядело так серьезно, что у меня подкосились колени.

Я судорожно зажала ладонью рот, сдерживая новый всхлип, а затем выудила из глубины конвертика сложенную в несколько раз записку. Развернув её, я принялась жадно вчитываться в его рваные строчки:

«Карамель. Я пишу это сейчас, потому что когда вернусь, вряд ли смогу сказать тебе всё это вживую так же красиво, как на бумаге. Мужчины в моем бизнесе не умеют красиво говорить о чувствах. Я буду чертовски волноваться перед тобой и в итоге стану похож на редкостного, косноязычного дурака. Но ты должна знать. В тот самый первый день, когда я снова перешагнул порог дома твоего брата, и увидел тебя — растрепанную, сонную, в этой дурацкой пижаме и с опухшими глазами будто тебя только что покусали дикие пчелы (знаю, ты сейчас закатила свои красивые глаза, но это правда)... я сломался. Моментально. Всё в моей груди перевернулось и встало на дыбы. Именно в ту секунду я окончательно понял, что больше никогда и ни за что на свете не хочу тебя терять. Просто потому, что я влюбился в тебя, Каралина. Безвозвратно и намертво. И если ты действительно готова остаться со мной в этой моей тёмной клетке, разделив со мной все мои грехи, ирамы и недостатки... то я без остатка отдаю тебе свое сердце. А если нет — просто выброси это кольцо в окно. Но я всё равно буду любить тебя, Карамель. Потому что ты — мой самый долгожданный, самый сладкий и любимый грех в этой жизни».

Я сидела на кровати, прижимая кольцо к губам, а слезы капали прямо на его рукописный текст, размывая чернила. Все обиды, все десять лет ожидания и боли растаяли в один миг, оставляя после себя только чистую, ослепляющую любовь к моему суровому Чудовищу.

Я быстро стерла слезы с лица, дрожащими пальцами натянула на безымянный палец второе кольцо, прямо рядом с бриллиантовой розой. Сфотографировала эту невероятную роскошь на своей руке и тут же отправила снимок Кириллу, добавив кокетливое и немного смущенное СМС:

«Ты очень сильно потратился, Кирилл. Думаю, положу их в тайник, прямо рядом с твоими старыми плюшевыми мишками».

Ответ от него прилетел почти мгновенно. Экран замигал, и я прямо физически почувствовала, как он там хрипло и тихо рассмеялся, откидываясь в своем кожаном кресле.

«Это значит нет, Карамель?»— высветилось на дисплее.

Моё сердце сделало безумный кульбит в груди. Закусив губу, я быстро набрала ему в ответ те самые слова, которые окончательно связывали наши судьбы в один нерушимый узел:

«Сложно сказать однозначно, когда тебя сейчас нет рядом со мной. Но... да. Я согласна, Чудовище».

Глава 16

Охота на чудовище

Прошло еще три долгих месяца нашего тайного романа на расстоянии. За это время я окончательно расцвела. Тяжелая депрессия отступила, уступив место легкости и предвкушению. Матвей, глядя на моё внезапно улучшившееся настроение, был искренне удивлен, но списывал всё на то, что я просто наконец-то оправилась после тяжелого расставания с Кириллом и летних капризов. Он и не подозревал, что прямо под моей одеждой, на тонкой золотой цепочке у самого сердца, я круглосуточно носила кольцо с прямоугольным бриллиантом.

Однако сказка длилась недолго. Постепенно наше ежедневное, полное страсти общение с Кириллом начало потихоньку угасать. Его звонки становились всё реже, он начал часто пропадать по несколько дней, вообще не отвечая на мои сообщения. А если и соизволил черкнуть пару строчек, то это были сухие, короткие отписки в духе: *«Я занят»* или *«Наберу позже»*. После чего он снова исчезал с радаров.

Внутри меня тихой змеей закрадывалась страшная, удушающая мысль: он просто уже привык там, в своем городе, жить без меня. Наверняка остыл, перегорел и понял, что я — слишком маленькая, наивная студентка для его сложной, взрослой и опасной жизни. А хуже всего — я начала подозревать, что он вечно занят, потому что кого-то себе нашел. Ведь он взрослый, горячий мужчина, и ему в любом случае нужно удовлетворять свои естественные физиологические потребности. Мысль о том, что его руки сейчас сжимают чужие бедра, выжигала мне легкие.

Терпеть эту неизвестность я больше не могла. Благодаря безлимитной золотой карте, которую я всё-таки не потратила на шмотки, у меня появились неограниченные ресурсы. Я тайно наняла проверенного, очень дорогого человечка из сферы частного сыска и узнала о Кирилле Романовиче Северском очень, очень много.

Когда мне на руки легли первые отчеты, у меня буквально душа в пятки ушла. Я до дрожи в пальцах осознала, кто он есть на самом деле, каков масштаб его теневой империи и насколько кровав и беспощаден его реальный криминальный бизнес. Читая про перестрелки, контрабанду и ликвидацию конкурентов, я даже всерьез подумывала: а нужно ли мне вообще всё это? Может, Матвей оберегал меня от него не просто из-за ревности? Может, за этим действительно скрывался смертельный ужас? Я даже несколько раз в порыве паники со слезами стягивала эти два кольца со пальцев, запиралась в ванной и горько плакала, но в итоге всё равно упрямо, до хруста в зубах продолжала бороться за свою сумасшедшую любовь.

Так незаметно прошел почти целый год нашей разлуки. К весне наше общение практически сошло на нет. Но я больше не рыдала в подушку — лимит слез был исчерпан, уступив место холодной, упрямой ярости. Я решила: раз он меня забыл, раз я ему больше не нужна со своими чувствами, то, пожалуй, я сама брошу его. Но сделаю это очень, чертовски красиво и незабываемо. Сначала я лично приеду, найду его, вырву все пакли его новой сучке, если она крутится рядом, а уже потом швырну эти кольца ему в его порочную рожу и уйду навсегда.

На дворе уже настал цветущий, теплый май. И я всё же решила на свою безумную затею.

Быстро собрала кое-какие самые сексуальные вещи в дорожную сумку. Спустившись вниз, я абсолютно спокойным тоном соврала брату, что до начала летних экзаменов у меня еще есть куча времени, и я хочу съездить за город с девчонками, чтобы немного передохнуть и привести мысли в порядок. Матвей без лишних вопросов отпустил меня. Параллельно я жестко договорилась с Катькой, чтобы та меня ни в коем случае не сдавала брату, сидела тихо и при любом его звонке подтверждала, что я нахожусь рядом с ней на даче.

План был идеален. Я ехала всего на несколько дней. В итоге я уверенно села за руль своей сиреновой малолитражки, вбила в навигатор координаты и на полной скорости отправилась напрямик по тайному адресу своего Чудовища.

А может... уже и не своего.

Я припарковала машину за углом огромного, уходящего в облака небоскреба. Большой мегаполис встретил меня шумом дорог, блеском неона и равнодушной толпой, но мне было плевать. Прямо в салоне машины я быстро переоделась, решив нанести сокрушительный удар по его хваленому самообладанию.

Наряд был моим самым смертоносным оружием. Я надела экстремально короткое черное мини-платье из мягкого бархата на тонких бретельках. Оно обтягивало фигуру как вторая кожа, но главной фишкой был умопомрачительный, дерзкий вырез по всему левому бедру, скрепленный крест-накрест тонкими сверкающими цепочками из страз, которые соблазнительно поблескивали при каждом движении, открывая взгляду бесконечные загорелые ноги. Образ дополнили черные босоножки на шпильке и высокая, кокетливая вечерняя прическа, полностью открывающая шею, с несколькими свободными волнистыми прядями у лица. В руках была лишь крошечная черная сумочка, в которой поместились только деньги, ключи от машины и новый телефон.

Я уверенно вышла из машины и направилась к парадному входу. Холл этого здания поражал своей удушающей, мрачной роскошью. Огромное пространство с потолками высотой в три этажа было отделано темным, почти черным полированным мрамором, в котором зеркально отражался свет футуристических подвесных светильников. Вокруг царила строгая, пугающая тишина, разбавляемая лишь глухими шагами охраны в строгих костюмах. Настоящая цитадель теневого короля.

Я с гордо поднятой головой подошла к широкой стойке ресепшена из темного стекла. — Добрый день. Я к Кириллу Романовичу, — ледяным, уверенным тоном проговорила я, пресекая любые возражения. Прежде чем девушка успела открыть рот, я демонстративно поправила прядку у лица, заставив прямоугольный бриллиант обручального кольца ослепительно блеснуть под лампами. — Я его невеста. Сообщать ему о моем визите не нужно, это сюрприз.

Администратор на секунду опешила, сканируя взглядом моё бархатное платье с цепочками на бедре и безумную роскошь на пальце, но быстро взяла себя в руки. — Подскажите, пожалуйста, как вас зовут?

— Каралина, — четко произнесла я.

Услышав имя, девушка почему-то понимающе и очень довольно кивнула, словно эта информация мгновенно сняла все её вопросы. — Двадцатый этаж, кабинет с табличкой К.Р. в самом конце коридора, — вежливо проговорила она, оформляя мне пропуск. — Лифты с правой стороны. Желаю вам хорошего дня.

Я мазнула взглядом по её груди, зацепившись за серебристую пластинку. — Спасибо, Милана. Кстати, у вас очень красивое имя, — искренне улыбнулась я.

Девушка смущенно поблагодарила меня, а я круто развернулась и, громко цокая высокими каблуками по мраморному полу, направилась к скоростным лифтам. Сердце в груди колотилось как бешеное, но назад дороги не было. Лифт взлетел на этаж за считанные секунды.

Когда я вышла в тихий, уединенный коридор и подошла к массивной двойной двери из темного дуба с золотыми буквами, я тяжело, судорожно вздохнула. Из-за толстых створок уже вовсю раздавались оглушительные, яростные крики моего Чудовища. Он буквально рычал на кого-то, и, судя по звукам бьющегося стекла и его отборному мату, работа сегодня у него явно не клеилась.

Внутри меня вспыхнула былая, упрямая гордость. Плевать на его мафиозный гнев. Без лишнего стука я решительно толкнула тяжелые створки руками и вошла в его огромный каби-

нет — вошла так уверенно, дерзко и свободно, словно делала это каждый день своей жизни, высоко вскинув подбородок.

Стоило мне миновать небольшой встроенный коридорчик и выйти на полный обзор огромного помещения, как буквально в паре сантиметров от моего плеча на бешеной скорости пролетел тяжелый хрустальный бокал. Он с грохотом врезался в стену чуть поодаль и разлетелся на тысячи мелких, сверкающих осколков.

Я даже бровью не повела. Лишь лениво вздернула брови, провожая взглядом остатки хрусталя, и спокойно повернулась к хозяину стола.

— Вижу, ты не очень-то рад меня видеть, Северский? — ехидно улыбнулась я, покачивая на пальце маленькую черную сумочку и демонстративно покачивая бедрами.

Все присутствующие в кабинете мужчины — около пяти хмурых, амбалистых парней в строгих костюмах и один бледный юрист — тут же синхронно обернулись на звук моего голоса. Они натурально разинули рты, жадно разглядывая мои бесконечные загорелые ноги, вырез на бедре и тонкие бретельки которые едва держали грудь.

Но Кирилл... Кирилл просто замер на месте, словно в него попал разряд молнии. Его ледяные глаза расширились, а кадык судорожно дернулся под воротником расстегнутой рубашки.

— Кара... — севшим, хриплым голосом проговорил он.

А после, заметив, как его головорезы откровенно пожирают меня глазами, Северский моментально пришел в бешенство. Его лицо потемнело от звериной ревности.

— Пошли все нахрен отсюда! Живо! — оглушительно гаркнул он на подчиненных, даже не глядя в их сторону.

Мужчин из кабинета сдуло за долю секунды. Дверь за ними испуганно захлопнулась, а я так и осталась стоять посреди его огромной, роскошной клетки, лениво оглядываясь по сторонам. Кабинет Кирилла полностью соответствовал его тёмному статусу: панорамные окна в пол с видом на раскинувшийся внизу мегаполис, стены из дорогущего черного дерева, массивный стол из монолитного куска графита и огромная кожаная мебель. В углу поблескивал личный бар, а на стенах висели мрачные дизайнерские картины. Настоящее логово Чудовища.

Не успела я досмотреть интерьер, как Кирилл сократил наше расстояние так быстро, что я даже моргнуть не успела. Он вырос прямо передо мной неподвижной скалой, бешено хмурясь и пожирающим, злым взглядом оглядывая мой экстремальный внешний вид. Его дыхание было рваным и горячим.

— Как ты... — выдавил он, судорожно сжимая кулаки. — Откуда ты здесь взялась, Карамель?! Кто тебе дал адрес?!

— Свои связи, Кирилл Романович, — я независимо откинула волнистую прядь у лица, заставляя цепочки на моем бедре тихонько звякнуть. — Ты не пишешь, не звонишь, вечно пропадаешь неделями. Вот я и решила сама к тебе прийти. Так сказать, в наш самый последний раз.

— В каком, нахрен, смысле «последний»?! — он тут же еще сильнее нахмурился, а его челюсть сжалась до белых желваков на коже.

— Ну как... — я сделала вид, что глубоко задумалась, издевательски рассматривая свои ногти. — Ты вечно занят. На меня у тебя времени нет, одни короткие отписки. Наверное, уже другую себе грешницу тут нашел, повзрослее и подоступнее. Поэтому вот.

Я решительным, плавным движением стянула с безымянного пальца оба кольца. Схватила его огромную, покрытую шрамами ладонь, насильно раскрыла её и с силой вложила сверкающие драгоценности ему в руку.

— Всё кончено, ясно? — ледяным тоном отчеканила я, заглядывая прямо в его потемневшие от шока глаза. — Хотя, по сути, между нами ничего и начаться-то толком не успело. Забирай свои побрякушки обратно, дедуля.

Он со злостью сжал блеснувшие бриллианты в кулаке, и в следующую секунду моё пространство резко сузилось. Кирилл перехватил меня за талию и жестко впечатал в свой огромный графитовый стол, одним мощным движением усаживая на холодную столешницу. Не давая мне опомниться, он по-хозяйски встал прямо промеж моих ног, бесперемонно задирая бархатное платье выше по бёдрам. Тонкие стразовые цепочки на вырезе натянулись и тихо звякнули.

— Что ты несешь сейчас, Карамель?! — прошипел он мне прямо в губы, обжигая лицо своим рваным, яростным дыханием.

— Что слышал! — я упрямо вскинула подбородок, несмотря на то, что сердце колотилось где-то в горле от его бешеного напора. — Мне надоело твое вечное молчание, ясно?! Прошел почти год, а ты становишься всё холоднее и холоднее! Я не собираюсь преданно ждать тебя всю жизнь около окошечка, как послушная собачка! Уеду обратно, найду себе нормального парня. Помоложе. Поразговорчивее!

— Лучше замолчи, — прошипел Кирилл, и его пальцы до боли, до белых костяшек сжались на моем обнаженном бедре, фиксируя на месте. — Я же ясно сказал тебе: я занят. Очень занят.

— Ну конечно, я уже это отлично увидела, — съязвила я, косясь на осколки у стены. — Бьешь посуду очень профессионально. Еще бы немного, Северский, и можно было мою собственную голову собирать по кусочкам по всему твоему кабинету!

Кирилл ничего не ответил на мою колкость. Вместо этого он вдруг резко схватил моё лицо в свои огромные горячие ладони, заставляя смотреть только на него. Он всматривался в мои глаза с такой дикой, голодной смесью шока и облегчения, словно до сих пор не верил, что я реально здесь, посреди его мрачной обители. Что я сама, добровольно приперлась в его логово через всё это расстояние.

В следующую секунду его тормоза сорвались окончательно. Кирилл жадно впился в мои губы, полностью заглушая любой мой протест. Он властно раздвинул их языком, бесцеремонно вторгаясь в моё пространство и выжигая остатки накопленной злости. И я... я снова моментально поплыла от этого знакомого вкуса табака и безумного жара. Вся моя ледяная гордость растаяла за долю секунды. Пальцы инстинктивно взметнулись вверх, сжимая его плотное плечо, пока второй рукой, в которой я всё еще судорожно зажимала маленькую сумочку, я беспомощно опиралась о гладкую поверхность стола.

Кирилл, не прерывая этого порочного, удушающего поцелуя, стал медленно пробираться ладонью под податливый черный бархат подола... и внезапно резко опешил.

Он резко отдернул руку, разрывая поцелуй, и уставился на меня потемневшим взглядом, в котором сквозь ярость прорезалось умопомрачительное мужское вожделение.

— Ты без белья... — хрипло, со звериным рыком выдохнул он, сканируя мои голые бёдра.

На его пугающий тон я лишь тихо рассмеялась, закидывая голову назад и чувствуя себя абсолютной победительницей в этой игре.

— Оно бы некрасиво торчало из-под стразовых украшений, дедуля, — проговорила я, издевательски поглаживая его по затылку. — Пришлось обойтись без него.

— Вырву всем ублюдкам глаза, кто успел на тебя так посмотреть, — глухо прорычал Кирилл.

Одним сильным движением он приподнял моё тело над столешницей, прижимая к себе, и окончательно задрал бархат до самой талии, уничтожая между нами последние барьеры...

Гордость сделала последнюю, отчаянную попытку заявить о себе сквозь удушающую пелену страсти.

— Я... я вообще-то пришла сюда, чтобы расстаться с тобой, Северский! — прерывисто, едва удерживая голос от дрожи, выпалила я ему прямо в губы.

— Это крайне необдуманное и поспешное решение, Карамель, — лениво, с опасной ухмылкой отозвался он.

В ту же секунду его горячая ладонь скользнула по моему бедру, заставляя меня выгнуться навстречу и громко, беспомощно застонать ему прямо в губы. Этот звук словно отрезвил меня. Поняв, что я стремительно теряю лицо и полностью капитулирую перед ним, я уперлась ладонями в его жесткую грудь, пытаюсь со всей силы отпихнуть его от себя.

— Пусти! Отвали от меня, Кирилл!

Северский от моего сопротивления разозлился окончательно. Его глаза потемнели, превращаясь в две черные бездны, а желваки бешено заходили ходуном. Без лишних слов он сделал шаг назад, быстрым, резким движением полностью избавился от своего белья, демонстрируя мне всю силу своего сумасшедшего мужского желания, а после уверенно направился к скрытому в стене сейфу.

Я не успела даже сообразить, что происходит, как Кирилл вернулся. Он резко, бесцеремонно развернул моё тело спиной к себе, сильно вжимая меня животом прямо в столешницу. Прежде чем я успела издать хоть звук, он перехватил мои руки за спиной и со знанием дела, жестко связал мои кисти плотным черным шелком, а затем зафиксировал их еще одним узлом чуть выше локтей, полностью лишая меня возможности защищаться.

— Ты сама пришла в мою клетку, Кара, — прозвучал над ухом его низкий, рокошущий, пугающий голос. — А из моей клетки выхода нет.

В ту же секунду воздух кабинета прорезал резкий свист, и по моим обнаженным ягодицам прилетел хлесткий, обжигающий удар. Я громко, испуганно охнула, выгибаясь дугой на столе от этой внезапной вспышки боли и удовольствия, а Кирилл, пользуясь моментом, одним мощным движением вошел в меня до самого предела.

— Этот наряд тебе очень идёт, Карамель, — хрипло прорычал он мне в шею, и по ягодице прилетел второй, еще более сильный шлепок. — Но ты совершенно не подумала о последствиях, надевая его сегодня.

Я снова судорожно охнула, от неожиданности упираясь лбом в гладкую поверхность стола и судорожно хватая ртом воздух. Внизу живота всё стянулось в один безумный, пылающий узел.

— Ты... ты чудовище, Кирилл! Самое настоящее чудовище! — вздергивая голову и оборачиваясь к нему через плечо, закричала я сквозь слезы.

— Знаю, моя красавица, — порочно усмехнулся он, переходя на глубокие, размеренные и невероятно мощные толчки, которые с каждым разом выбивали из моих легких весь кислород. — Знаю. А ты — мой самый любимый, самый сладкий грех в этой жизни. Я так по тебе скучал, Карамель... Ты бы знала, как сильно я по тебе скучал.

Его близость сводила меня с ума. Он брал меня странно: одновременно невероятно нежно, бережно придерживая за талию, и в то же время дико, грубо, развратно. Я совершенно не понимала, как в одном мужчине можно совмещать такую пугающую жестокость и предельную заботу, но моё тело плавилось в его руках, получая безумное удовольствие. Кирилл на секунду замер, откинул в сторону свою «игрушку», и, скосив глаза, я увидела, как на пол с тихим стуком упала короткая кожаная плётка.

А после он просто крепко взял меня за связанные шелком руки, приподнимая моё тело над столом, и начал входить в меня еще сильнее, глубже и быстрее. Мои громкие, частые стоны эхом разносились по всему огромному кабинету. Кирилл иступленно покрывал мою мокрую от пота шею и плечи горячими поцелуями, оставляя там новые багровые укусы, и безумно, хрипло шептал в самые уши о том, как сильно любит меня все эти месяцы. И я плавилась, окончательно растворяясь в его тяжелом, удушающем жаре, пока моё тело не задрожало в финальных, судорожных конвульсиях экстаза прямо в его надежных объятиях...

— Ненавижу тебя... — едва слышно, разбито прошептала я, пуская горячие, облегчающие слезы прямо на гладкую поверхность графитового стола.

— Надеюсь, на твоём языке это всё ещё означает, что любишь, — хрипло, сокрушительно прошептал он мне в самое ухо.

Его голос вибрировал от запредельного, дикого напряжения, пока его сильное тело содрогалось, вжимаясь в меня до самого победного, оглушительного конца своей разрядки. Кирилл намертво зафиксировал мои бёдра, заставляя меня принять его до последней капли, разделяя этот сумасшедший финал на двоих.

Когда шторм наконец утих, в кабинете пятидесятого этажа повисла оглушительная, звенящая тишина, нарушаемая только нашим тяжелым, рваным дыханием. Кирилл не поспешил отстраниться. Он медленно, с давящей собственнической нежностью прижал меня к себе со спины. Его большая ладонь аккуратно легла на моё горло, не сжимая, а лишь властно заставляя меня слегка повернуть голову в его сторону, чтобы я смотрела только на него.

Я встретила взглядом с его потемневшими, очищенными от злости льдыстыми глазами. В них больше не было криминального холода — только безграничная, всепоглощающая любовь к своей маленькой Карамели.

— Я не нарушал своего обещания, Кара, — пугающе тихо, но так твердо проговорил он, обжигая мои искусанные губы дыханием. — И я был верен тебе до самого конца. Каждый чертов день этого года. Поняла меня?

Я прерывисто вздохнула, чувствуя, как внутри всё ещё бурлит ядерная смесь из ушедшей злости и нахлынувшего облегчения. Вскинула на него свои полные слёз глаза и с какой-то детской, упрямой обидой спросила:

— И что... мне даже некому вырвать волосы? Вообще ни одной сучке?

Кирилл на секунду замер от моей женской логики, а затем хрипло рассмеялся на весь кабинет. Этот его искренний, громкий смех окончательно уничтожил остатки напряжения. Он все же выпустил моё тело из этого жесткого капкана, но вместо того, чтобы сразу отпустить, просто развернул меня к себе лицом, всё ещё не удосужившись развязать мои стянутые запястья за спиной.

В ту же секунду я отчетливо почувствовала, как по моим ногам изнутри медленно потекла горячая влага — свидетельство его недавней, сумасшедшей разрядки. Мои щеки тут же предательски обдало густым румянцем.

— Ты что, разочарована, Карамель? — Кирилл хищно, до опасного блеска в глазах сузил зрачки и издевательски выгнул идеальную бровь. — Может быть, мне всё-таки есть кому сломать хребет? Какому-нибудь настырному студенту, м?

— А разве ты мало кому сломал за этот долгий год? — ядовито парировала я, упрямо дернув плечом и стараясь не смотреть на то, в каком виде сейчас стою перед ним.

Услышав мой колючий ответ, Кирилл лишь тихо посмеялся. Он подался вперед и с запредельной, умопомрачительной нежностью уткнулся своим лбом прямо в мой, заставляя меня прикрыть глаза от этого интимного жеста.

— Много кому сломал, любимая... — тихо, одним лишь горячим выдохом проговорил он мне в самые губы. — Слишком многим пришлось переломать кости, чтобы ты сейчас могла спокойно сидеть здесь, в моем кабинете.

Он оставил на моих опухших, зацелованных губах быстрый, но невероятно глубокий поцелуй. А после Кирилл просто неторопливо протянул руку мне за спину. Его ловкие пальцы в один щелчок ослабили натяжение плотной ткани, плавно развязывая мои руки и выпуская меня из этого сладкого, греховного плена окончательно. Черный шелк скользнул по коже на пол, и я наконец-то смогла свободно вздохнуть, утыкаясь лицом в его плечо...

Глава 17

Клетка на двоих

Я привез Каралину к себе домой. К этому моменту на мегаполис уже стремительно опускался теплый майский вечер, окрашивая небо над верхушками деревьев в глубокие чернильные тона.

Моё логово полностью отражало мою суть. Это был монументальный трехэтажный особняк в стиле ультрасовременного минимализма, построенный по индивидуальному заказу в закрытом пригородном поселке. Весь фасад здания был выполнен из матового угольно-черного бетона и композитных материалов глубокого темного оттенка, без единого светлого пятна. Огромные панорамные окна в пол занимали почти всю площадь стен, а по периметру террас и ярусов тянулась скрытая светодиодная подсветка теплого янтарного цвета, которая в вечерних сумерках заставляла этот черный монолит выглядеть пугающе роскошно и дорого. Дом стоял на холме, окруженный каскадными каменными лестницами со встроенными лампами и ухоженными вечнозелеными кустарниками. На широкой парковочной зоне перед парадным входом, выложенной серой матовой плиткой, уже хищно замер мой любимый черный Rolls-Royce.

Я заглушил мотор, вышел из машины и открыл пассажирскую дверь. Каралина, укутанная в мой пиджак прямо поверх своего платья, медленно вышла на прохладный воздух. На её лице всё еще читалась легкая растерянность, а прическа слегка растрепалась после нашего сумасшедшего урагана.

Подхватив её небольшую дорожную сумку с заднего сиденья, я уверенно перехватил Карамель за талию, прижимая к своему боку, и мы поднялись по ступеням. Стеклопакеты с электронным замком бесшумно разъехались в стороны, и мы вошли в сам дом.

Мы сразу попали в двухсветную гостиную, которая больше напоминала тёмный королевский зал. Потолки уходили на высоту двух этажей, а в самом центре этого бездонного пространства величественно горела огромная многоярусная люстра из хрусталя и черного металла. Пол был выложен крупным матовым графитовым кафелем. По центру располагалась роскошная зона отдыха: массивные, невероятно глубокие диваны из премиального черного бархата, обступившие низкий журнальный столик из цельного куска полированного мрамора, на котором уже уютно горели ароматические свечи. Слева высилась парящая лестница с янтарной подсветкой ступеней и стеклянными перилами, уходящая на второй ярус.

Я опустил сумку на пол и посмотрел на Каралину. Она замерла на пороге, смешно приоткрыв рот от шока. Её огромные глаза лихорадочно бегали по сторонам, жадно впитывая каждую деталь этой роскошной клетки. На её лице читалось такое забавное, искреннее девичье удивление, что я невольно улыбнулся.

Я бережно наклонился и сам помог ей расстегнуть тонкие ремешки на её босоножках, заставляя её остаться босиком на прохладном полу. Карамель от такой интимной заботы мгновенно смутилась, на щеках проступил очаровательный румянец, и она попыталась спрятать лицо в воротнике моего огромного пиджака. Чёрт, это её внезапное смущение заводило меня вдвойне. Внутри зарычал голодный зверь, и мне стоило огромных усилий сдерживать себя и не взять её прямо здесь, на этом диване, выплескивая всю жажду, что сжигала меня за этот долгий год разлуки.

Я заставил себ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.